

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 4170.555 (7)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

**This "O-P Book" is an Authorized Reprint of the
Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by
University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1965**

С Ъ В Е Р Н Ы Е

Ц В Ъ Т Ы .

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

1831.

Δ
Slav. 4170.555 (7)

СЪВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ.

1831

Рис. В. Мансера.

Тис. М. Токки.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
23 AUG 1965

NDEA

Digitized by Google

С Ъ В Е Р Н Ы Е

ЦВѢТЫ

НА 1831 ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТ. НАРОДН. ПРОСВѢЩ.

1 8 3 0.

Purchased by the Russian Institute

OCT - 9 1952

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ шѣмъ , чтобы по оппечатаваніи пред-
сшавлены были въ Ценсурный Коми-
тетъ при экземпляра. С. Петербургъ,
18 Декабря 1830 года.**

Ценсоръ Н. Щегловъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Проза.

Стран.

Волконской (Княгини Зинаиды Александровны.)

Отрывки из пушковых записок . . . 120.

Глинки (Θ. Н.)

Новая пробирная палатка . . . . . 272.

0000.

Глава из Историческаго романа . . . . . 225.

ь. з. й.

Послѣдній кварцешъ Бешговена . . . . . 101.

Сомова.

Обозрѣніе Россійской Словесности за
вторую половину 1829 и за первую
1830 года . . . . . 3.

Теплякова (В. Г.)

Письмо III изъ Турціи . . . . . 177.

Тита Космократова.

Монашпырь Св. Бригиттмы (повѣсть) . . . 125.

Трилуннаго.

Выдержки изъ записной книжки. . . . . 257.

Поэзія :**Баратынскаго (Е. А.)**

Новинское . . . . . 4.

Сара . . . . . 40.

Вердеревскаго (В. Е.)

Къ Фидилъ (изъ Горациа) . . . . . 19.

Къ Мельпоменъ (изъ Горациа) . . . . . 81.

Волкова (П. Г.)

Мечта . . . . . 37.

Русалки (фаншазія). . . . . 104.

Вяземскаго (Князя П. А.)

Осень 1830 года . . . . . 68.

Святочная шушка . . . . . 88.

Эпиграмма . . . . . 92.

Льса . . . . . 94.

Родительскій домъ . . . . . 111.

Къ журнальнымъ благопріятеламъ . . . 119.

Къ А. О. Р * * * . . . . . 122.

Стран.

Глинки (Ө. Н.)

Непонятная вещь	17.
Отрадное чувство	24.
Тоска о немъ	33.
Къ синему небу	52.
Бѣдность и утѣшеніе	72.
Осень и сельское житье	83.
Примѣты	85.

Гнѣдига (Н. И.)

Къ П. А. Плешеву. Ошибъшь на его по- славіе	61.
--	-----

Деларю (М. Д.)

Сонъ и смерть	12.
Выздоровленіе	32.
Глицеръ	51.
Могилла поэта	80.

Д. . . . а. . . .

Талисманъ	87.
---------------------	-----

Козлова (И. И.)

Пѣсня Дездемоны	23.
---------------------------	-----

Плетнева (П. А.)

Къ Н. И. Гнѣдичу	57.
Ошрывокъ	110.

Пушкина (А. С.)

Поэму (Сонетъ)	3.
Отвѣтъ Анониму	18.
Монастырь на Казбекѣ	47.
Отрывокъ	56.
Обвалъ	95.

Р . . . . ой (З . . и . . . .)

Любля я	103.
-------------------	------

Станкевича (Н . . .)

Филантъ	30.
-------------------	-----

Теплякова (В. Г.)

Первая еракійская элегія. Отплытіе	7.
Современное благополучіе	18.
Румилійская пѣсня	123.

Т . . . шевой (К . . . .)

Отвѣтъ на святочную шутку	90.
-------------------------------------	-----

Трилунаго.

Альпійскія сосны	48.
Слезы	103.

Туманскаго (В. И.)

Мысль о югѣ	5.
Гондольеръ и поэтъ (изъ А. Шенье)	25.
Романтъ (на голосъ вальса Беецговема)	34.

	Стран.
Судьба	79.
Идеалъ	99.
Шевырева (С. П.)	
Чтение Данша	7.
Двѣ пѣсни : любовь до счастья и послѣ.	26.
Широкко	36.
Ода Горация послѣдняя	49.
Къ фебу	67.
Тройство	101.
Ш — б — ва (Н. И.)	
Неаполь	20.
Элегія	97.
Щастнаго (В. Н.)	
Отрывокъ изъ драматической поэмы Юсифа Корженёвскаго : <i>Отшельникъ</i>	73.
Языкова (Н. М.)	
Элегія	53.
Безъ подписи соиннителей.	
Тризна	86.
Луна	92.
Балъ	93.

• П Р О З А.

ОБОЗРѢНІЕ

Россійской Словесности

ЗА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ 1829 И ПЕРВУЮ
1830 ГОДА.

Въ прошлогоднемъ моемъ обозрѣніи, ошдалъ я опчешъ о всѣхъ замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ въ русской Словесности за первую половину 1829 года. Сюда же вошли, по мѣрѣ выхода своего въ свѣтъ, многія книги за вторую половину помянутаго года, особливо тѣ изъ нихъ, кои заслуживали особеннаго вниманія. О *немногихъ* изъ вышедшихъ въ остальные мѣсяцы, скажу я мое мнѣніе въ Обозрѣніи нынѣшняго года.

★★

Изъ произведеній Поэзіи, въ концѣ 1829 года появились: *Превращеніе Дафны, сельская поэма* Г-на Деларю. Содержаніе сей поэмы взято изъ Овидія, но молодой нашъ поэтъ нѣсколько разпроспранилъ оное и дополнилъ весьма удачными примѣненіями. Экзамепрь, коимъ она написана, правиленъ и благозвученъ; эпилогъ исполненъ чувства неподдѣльнаго. Два предложенія Сонетовъ Мицкевича: 1) *Крымскіе Сонеты Адама Мицкевича, переводы и подражанія И. Козлова,* и 2) *Стихотворенія Адама Мицкевича, пер. съ Польскаго В. Р.* Оба предлагаемая рѣдко придерживались формы сонетовъ, и по большей части передавали оныя въ видѣ спанцовъ. Ошдѣлкою стиховъ, искусствомъ владѣть языкомъ и талантомъ находить счастливыя, живыя выраженія, Г. Козловъ конечно беретъ великія пре-

нмущесва надъ своимъ соспязаше-
 лемъ; но переводы сего послѣдняго,
 при всей небрежности слога и спи-
 хосложенія, болѣе нмѣють въ себѣ шой
 сжашности, которая составляетъ оп-
 личительный характеръ стиховъ Миц-
 кевича. *Ветерніе рассказы, собраніе
 повѣстей и преданій въ стихахъ, Г.
 Федорова.* Въ стихъ *Рассказать*, Г. Фе-
 доровъ между прочимъ пересказаль
 стихами Перольшову сказку: Рауль
 Спящая борода. Попытка неудачная!
 простодушный слогъ Перольша замѣ-
 нень блесками, живой, быспрый раз-
 сказъ его распянушь вялыми стиха-
 ми. То же можно примѣнить и къ
 Райской пшчкѣ, передѣланной въ
 стихи изъ прелестной прозы Карамзи-
 на. Вообще такія попытки, пере-
 сказывать за-ново прекрасное и вѣсьмъ
 знакомое, доказываютъ излишнюю

смѣлость, шѣмъ болѣе, когда она не увѣнчивается успѣхомъ.

Къ стихотворнымъ нашимъ приобрѣтеніямъ въ концѣ 1829 года, должно также отнести переводъ кипайской Энциклопедіи для дѣшей, написанной въ подлинникѣ стихами, подъ заглавіемъ: *Сань-Цзы-Цзинь, или трое-словіе*. Неупомимый нашъ Оріенталистъ, О. Іакинѣвъ Бичуринъ, передалъ намъ любопытную сію книгу бѣлыми стихами, и напечаталъ ее вмѣстѣ съ кипайскимъ текстомъ.

По части поэзіи драматической, напечатаны были въ сіе время два перевода: *Вильгельмъ Тель, трагедія Шиллера*, пер. А. Рощева, и *Генрихъ III и его Дворъ, историческая драма А. Дюмаса*, пер. съ французскаго. Трагедія: *Вильгельмъ Тель*, столь извѣстна всѣмъ любителямъ поэзіи, совершенства ея и недостап-

ки столь часто и вѣрно обозначены были кришиками, что было бы излишнимъ указывать на оныя снова. Переводъ Г. Рощева хорошъ, но не вездѣ выдержанъ съ одинакимъ терпѣніемъ; есть мѣста, въ коихъ спихворческая вольность доходила до небрежности. За по лучшія мѣста прагедіи переданы въ рускомъ переводѣ щцательнo, и, какъ видно, соп атоге. Драма : *Генрихъ III*, принадлежишь къ произведеніямъ новаго французскаго романизма, и произведеніямъ неудачнымъ. Важные государственныя замыслы перемѣшаны въ ней съ ничтожною придворной инпригой, копорою жертвою спановишся лице, не привязавшее къ себѣ соучаснія зрителией. Переводъ не весьма вѣренъ, и слогъ разговорный нечисль; особливо свѣшская болшовня французскихъ придворныхъ XVI вѣка

передана неудачно. Драма сія написана въ подлинникъ прозой, и переведена шакже; но всякое драматическое сочиненіе, стихами ли, прозой ли оно написано, — принадлежишь поэзіи: посему я и отношу сей переводъ къ разряду произведеній поэтическихъ.

Изъ прозы чисто - литературной, за означенное время не о чемъ упомянушь, кромъ развѣ объ одномъ изданіи *Согиненій и переводовъ Фонъ Визина*, въ 2 частяхъ, вышедшемъ въ Москвѣ (*); но и сего изданія нельзя не помянушь лихомъ: шакъ оно худо собрано, худо разположено и худо напечатано. Не говоря уже о типографическихъ погрѣшностяхъ, въ немъ есть гораздо важнѣйшіе грѣхи

(*) Въ 12 д. л. Сіе Собраніе согиненій Ф. Визина объявлено было у книгопродавца Ширяева.

издательскіе: вставки чужихъ, вовсе ненужныхъ примѣчаній, изуродованныя заглавія и п. п. Помѣщенная въ началѣ I-го тома Біографія Ф. Визина состоишь изъ послужнаго списка, дополненнаго ничтожными разсужденіями и замѣчаніями, и написаннаго вялымъ, скучнымъ слогомъ.

Изъ сочиненій историческихъ, появившихся въ послѣдніе мѣсяцы 1829 года, укажемъ на слѣдующія: 1) *Назертаніе Исторіи Государства Россійскаго*, составленное Профессоромъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея П. К. Кайдановымъ. Въ сей Исторіи, написанной болѣе для преподаванія въ училищахъ, Г. Кайдановъ придерживался раздѣленія и плана, принятыхъ Карамзинымъ при сочиненіи Исторіи Государства Россійскаго. Произшествія доведены до Царствованія Государя Императора НИКОЛАЯ I.

Исторія новая, то есть, ошъ воцаренія въ Россіи Дома Романовыхъ, изложена подробнѣе, нежели Исторія эпохъ, предшествовавшихъ оному. Съ нѣкоторыми мнѣніями сочинителя объ историческихъ лицахъ Россіи мы не вовсе согласны, и вообще думаемъ, что сужденія и сравненія въ Исторіи должно употреблять со всевозможною осторожностію и бережливостію.

Собраніе писемъ Императора Петра I къ разнымъ лицамъ, съ отвѣтами на оныя. Благодаря трудамъ Голикова, Шпеллина и другихъ писателей, мы имѣемъ богатый запасъ матеріаловъ для Исторіи Петра Великаго; Г. Берхъ, собраніемъ писемъ сего Монарха, дополнилъ оныя. Оспасаешя только желать, чшобъ историкъ искусный, дальновидный, правдолюбивый и глубоко изучившій свой предметъ, подарилъ Россію и весь

просвѣщенный міръ самою Исторіей, достойною высокаго своего предмета, достойною Мудраго Преобразова-теля Россіи. *О Соборахъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія Христіанства до царствованія Іоанна IV.* Въ книгѣ сей изложены сказанія о двадцати трехъ Іераршихъ Соборахъ, бывшихъ въ Кіевѣ, Москвѣ и пр., до царствованія Іоанна Грознаго. Сказанія сіи любопытны не только для людей духовнаго званія, но вообще для любителей Исторіи Россійской. Всякое подобное сочиненіе, написанное съ знаніемъ дѣла и здравою критикою, составляетъ богатый вкладъ въ сокровищницу будущаго историка.

Симъ заключается рядъ книгъ, изданныхъ въ 1829 году и заслужившихъ вниманіе въ литературномъ или въ историческомъ отношеніи. Приступимъ къ обзорѣнню литератур-

ныхъ нашихъ приобрѣщеній за первую половину 1830 года, и начнемъ приняшымъ уже нами прежде порядкомъ, съ журналовъ и альманаховъ.

Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ остался поть же, безъ перемѣны прошивъ прошлаго года. Самою занимательною его спашьею были повѣсти. Изъ нихъ двѣ оригинальныя рускія: *Испытаніе*, и *Ветеръ на Кавказскихъ водахъ*, болѣе прочихъ привлекли вниманіе читашелей, по живости разсказа и по странной яркости слога. Мы, однако же, съ полнымъ убѣжденіемъ отдадимъ преимущество послѣдней, вспавленной въ весьма занимательную (жаль, что недокончанную) раму: въ этой повѣсти много каршинъ, созданныхъ воображеніемъ смѣлымъ и написанныхъ бойкою кистью. Въ повѣсти: *Испытаніе*, замѣтны нѣкопорыя не-

сообразности въ нравахъ жителей столицы, принадлежащихъ высшему кругу, и нѣкошорая напѣжка въ чувствованіяхъ, выраженныхъ слогомъ слишкомъ изысканнымъ. Еще должно упомянуть о спашьяхъ, помѣщавшихся въ С. О. подъ вѣвской *Альдебарана*: это были, по собственному признанію издателей, пародіи на сочиненія тѣхъ писателей русскихъ, коихъ *Сынъ О.* и *Сѣверная Пчела* почтили названіемъ *знаменитыхъ*. Безъ помянушаго признанія, никто изъ русскихъ писателей и чашателей не догадался бы даже, что это пародіи: всѣ принимали ихъ за дурныя подражанія, написанныя въ простотѣ сердца; словомъ, изъ числа тѣхъ, коихъ сотни являющся у насъ ежегодно и въ журналахъ, и особыми книжонками.

Съверная Пчела, въ литературныхъ своихъ сшашьяхъ, также вздумала мисшифировать чшашелей: она бранила хорошее и разхваливала донельзя посредшвенное. Нѣкоторыя сшашья, ознаменованныя дурнымъ вкусомъ, слабымъ знаніемъ рускаго языка, ребяческими промахами въ сло-гъ и безпримѣрною заносчивостью, наполнялись неприличными выходками прошивъ дарованій истинныхъ и двусмысленными намеками. Забавно, что сочинитель сихъ сшашей, нѣкто *Ө. Б.*, швердилъ о себѣ чшашелямъ: «Я знаю Исторію! я знаю Химію! я знаю музыку!»

Славянинъ замѣнилъ прежнюю свою *Хамелсонистику* сшашьями болѣе дѣльными. Таковы, напр., критическія сшашья *Г. Руссова* о первыхъ двухъ томахъ *Исторіи Рускаго народа*, сочиняемой *Г. Полевымъ*. Здѣсь были

весьма ясно выставлены на показъ всѣ несообразности и обмолвки новаго Историка. Замѣчанія Г. Руссова, написанныя безъ ожесточенія и привязокъ, показываютъ въ сочинителѣ ихъ глубокія свѣдѣнія въ отечественной Исторіи и обширную начитанность. Также заслуживаетъ вниманіе статья, помѣщенная въ одномъ изъ послѣднихъ *Н. Н. Славянина* за 1829 годъ, *О критикѣ Г. Полеваго на 12-й томъ Исторіи Государства Россійскаго*. Всѣ противорѣчія крипика представлены въ ней весьма забавнымъ и совершенно новымъ способомъ: это сводъ оужденій и похвалъ на одну и ту же шему, собранныхъ воедино, какъ бы въ подтвержденіе одинъ другимъ.

Отечественныя Записки, издаваемая Г. Свиньнымъ, вообще содержитъ въ себѣ историческія, статис-

шическія и топографическія свѣдѣнія о Россіи, часшо извѣстія о врожденныхъ русскихъ талантахъ, образовавшихъ себя безъ чужихъ пособій, сужденія о новыхъ произведеніяхъ русскихъ художниковъ и т. п. Жаль, что помянутыя свѣдѣнія не всегда почерпаются изъ надежныхъ источниковъ, и потому не всѣ могутъ быть приняты съ одинаковымъ довѣріемъ. Замѣтимъ, что *Отечественныя Записки* вмѣщаютъ иногда въ себя и спашыи, чисто литературныя, напр. повѣсти, иногда въ нихъ появляются. Желая соединить допущеніе оныхъ съ цѣлю своего журнала, издатель намѣревался помѣщать повѣсти, изображающія нравы, обычаи, домашній бытъ и повѣрья разныхъ племенъ, обитающихъ въ Россіи. Но для сего надобно глубоко изучать описательныя черты каж-

даго изъ сихъ племень: иначе мы увидимъ все шѣхъ же обласныхъ русскихъ помѣщиковъ, въ одеждѣ и съ именами *Узденей* кавказскихъ и *Батырей* киргизскихъ, все шопъ же бытъ рускаго крестьянина въ кибикахъ Калмыковъ и въ юршахъ Камчадаловъ. Впрочемъ, мы съ удовольствіемъ опдадимъ справедливостъ помѣщенной въ О. З. малороссійской повѣсти: *Бисаврюкъ*, сочиненной однимъ молодымъ литераторомъ, Г-мъ Г. Я...: въ ней черпы народныя и повѣрья Малороссіянь выведены вѣрно и занимательно.

Баботка была шакова же и въ этомъ году, какъ и въ предшествовавшемъ. Новоснью въ ней были полько спашы Г-на В. Никонова, копорый воспорженнымъ слогомъ возвѣщаль намъ о гуляньяхъ въ саду Б. Ралля и на малой Охшѣ.

Новыя періодическія изданія въ С. Пешербургѣ были слѣдующія: *Карманная книжка для любителей Руской старины и словесности*, изд. Г. Олинымъ, *Литературная газета*, изд. Барономъ Дельвигомъ, и *Сѣверный Меркурій*, изд. Г. Беспужевымъ-Рюминымъ.

Карманная книжка для любителей Руской старины и словесности должна была выходить каждый мѣсяць по одной небольшой книжечкѣ, альманачнаго формата. Сославъ ея былъ слѣдующій: 1) Словесность: проза и поэзія; 2) Руская старина (выписки, историческіе опривки и пр.); 3) Науки; 4) Волшебный фанарь, въ которомъ издашель хотѣлъ выславлять на показъ нравы своихъ современниковъ, и 5) *Воръ* или памятная записка современныхъ происшествій (заглавіе, придуманное въ подража-

нѣ французской газетѣ: *Le Voleur*, съ шюю же виньеткой, очень дурно перегравированной, и съ шѣмъ же эпиграфомъ изъ Вольперовой сапирь: *Le pauvre diable*). Вѣспо обѣщанныхъ 12 *Карманныхъ книжекъ*, выпущено ихъ на свѣтъ шолько пяшь. Содержаніе ихъ было разнообразно; нѣкопорья спашьи въ прозѣ заслуживали вниманіе; нѣкопорья сннхонворенія были хороши; но опъ чего же такъ скоро испощился запасъ *Карманной книжки*? Трудно опгадать. Еще шруднѣе согласншь опважнось предпріятія съ безнадежносью выполненія. Журналистѣ, принимающій годовую обязанность передъ публикой, долженъ напередъ извѣдать свои силы и средства вещественныя; играть же до вѣтріемъ публики *на авось* — дѣло непозволишельное. Желашельно, чшобы на подобные случаи придумали какое-

★ ★

либо обезпеченіе для подписчиковъ, или завели *Журнальное страховое общество*, которое отвѣтствовало бы за несостоятельность журнальныхъ спекуляцій. Многократные примѣры явили намъ, что одного общаго мнѣнія въ эпоху дѣлъ недоспашочно.

Литературная Газета. Позволю себѣ говорить только о цѣли сей газеты; о выполненіи же судить дѣло читателей, а не мое: причина сему та же, по которой въ эпоху обзорѣнн не могу я сказать моего мнѣнія о *Сѣверныхъ Цветахъ*. Давно уже благомыслящіе читатели журналовъ негодовали на односторонность мнѣній, пристрастные сужденія, самохвальные возгласы и нелицературныя прицѣпки, коихъ вмѣстилищемъ были нѣкоторые изъ русскихъ журналовъ, самовольно принявшіе на себя обязанность говорить

о лишературѣ. Не похвалишь вздорнаго романа, скучныхъ спашей о нравахъ, или выскочекъ недоучившейся заносчивости, хвасшаво изъясляющей припязанія свои на ученость, — значило накликашь на себя цѣлую спаю грубыхъ личностей, оскорбительныхъ намековъ, и пр., и не на писателя уже, а на гражданина и на человека въ частной его жизни. Таковы были полемическія замашки нѣкоторыхъ самоуправныхъ судей журнальныхъ. Къ счастью публика, кошорой мнѣніемъ шрудно завладѣшь, была для нихъ самихъ судьей еще спрожайшимъ, но за шо справедливейшимъ. И странно было бы подумать, чшобъ люди, кошорыхъ она не видишь и не замѣчаетъ въ толпѣ, люди, ни по чему не заслужившіе ея довѣрія, не спяжавшіе даже себѣ уваженія отъ общества хорошими

произведеніями, могли управлять мнѣніемъ общимъ! Но друзья либерашуры и правды желали видѣть другія, болѣе откровенныя и безпристрастныя сужденія о произведеніяхъ словесности русской, желали находить мнѣнія о либературѣ вообще, а не вывѣски отношеній личныхъ; и для сихъ-то читательницъ, поспигающихъ истинную цѣль журнала либерашурнаго, издавалась *Литературная газета*. Скромное ея появленіе было встрѣчено недоброжелательными выходками; нѣкоторые журналисты сомнѣвались даже: можешь ли у насъ существовать либературная газета, когда нѣтъ либерашуры? — Можешь, скажу въ отвѣтъ симъ журнальнымъ скептикамъ. Какова бы ни была русская либература по вашимъ понятіямъ, но все же она существуетъ. Даже собственныя ваши влчя произ-

веденія, даже чухлое бытіе вашихъ журналовъ служащъ опвѣтомъ на вашъ запросъ. Впрочемъ, *Литературная газета* весьма миролюбиво приняла сей первый непріязненный вызовъ, и долго еще не опвѣчала на подобныя выходки, или опвѣчала спорною и весьма умѣренно: доброе мнѣніе публики, было для нея лучшимъ опвѣтомъ на всѣ привязки и кривошолки недоброжелательства и зависти. Существенною ея цѣлью было, сообщать читателямъ справедливыя и безпристрастныя сужденія о словесности русской и другихъ образованныхъ странъ Европы, знакомить ихъ съ новыми произведеніями, заслуживающими вниманія или по неоспоримому ихъ достоинству, или по новостіи своей и по извѣстности автора. Повторяю: сами читатели должны рѣшить, въ точно-

спи ли , и хорошо ли выполнена цѣль сія ?

Сѣверный Меркурій. Чшо сказашь объ эсихъ листкахъ? Ихъ обѣщано было по три на недѣлю; но они рѣдко выходили въ назначенные дни; въ нихъ печатались спашьи прозой и стихами, извѣстія о новыхъ книгахъ и модахъ, французскія шарады и п. п.

Журналы Московскіе :

Вѣстникъ Европы поспешенно исправлялъ свое правописаніе бѣльшимъ и бѣльшимъ введеніемъ ижицы. Нѣкоторые наблюдатели думаютъ , что со временемъ Вѣстникъ сей допуститъ у себя и другія греческія буквы въ замѣнь русскихъ , особливо въ словахъ , занятыхъ изъ греческаго языка , и что мы будемъ встрѣчать въ немъ , по образцу новогреческаго

правописанія — *Мпотзарись, Мпом-логлина*, вмѣсто: *Боцарись, Бобулина*. Кромѣ помянутой буквальной новизны, въ Вѣспникѣ Европы оставалось все по прежнему: издашель, въ спашьяхъ своихъ, все также пиль чай, курилъ шабакъ и бесѣдовалъ съ Г. Никодимомъ Надоумкомъ о русской словесности. Надобно однако же опдашь ему справедливосшь: нѣкоторыя замѣчанія его на 2 томѣ *Исторіи Рускаго народа* основашельны и даже оспроумны.

Московскій Телеграфъ. Издашель, въ объявленіи своемъ на 1830 годѣ, обѣщаль прилагашь къ своимъ книжкамъ каррикашуры. Гравированныхъ мы не видали въ нихъ, и думаемъ, что подь названіемъ каррикашуры онъ разумѣлъ спишки, напечатанные имъ съ разными запѣйливо-придуманнми именами. Онъ вообразилъ, что мо-

жестъ поддѣлываешь подъ разные тоны, схватишь ошличительныя черты каждаго поэта и шѣмъ забавляешь своихъ читателей: этого вовсе не нужно было для доказательства его самонадѣянности, безъ того уже всѣмъ извѣстной. Человѣкъ, обещающій занимать слушателей своихъ дѣльнымъ разговоромъ, и вмѣсто сего кривляющійся, чпобы смѣшить ихъ — жалокъ, но не забавенъ. Должно замѣнить, что съ нѣкотораго времени въ *Московскомъ Телеграфѣ* являюща какъ будто два журнала, совершенно противоположные другъ другу и сшитые вмѣстѣ на удачу. Нѣкоторыя списки, переведенныя съ иностранныхъ языковъ (хотя по большей части неудачно), нѣкоторыя даже изъ списковъ оригинальныхъ, заслуживали вниманіе читателей разборчиваго; но большая часть соб-

сшвенныхъ сужденій кришическихъ ; но *Живописецъ правовъ*, наполнявшійся спашейками безцвѣшными и безхарактерными ; но длинныя и скучныя разглагольспвованія о теашрѣ и почти всѣ шакъ называемыя спшхошворенія, — служашъ только подтвержденіемъ той испины, что худо брашья за *все*, когда это *все* не по силамъ издашеля. Чашпо, изъ одного суешнаго желанія прошиворѣчшшь шѣмъ, съ мшѣніемъ конхъ починаль онъ долгомъ не соглашашья, ушверждаль онъ мшѣнія, прошивныя испшншѣ, прошивныя даже здравому смыслу. *Литературная газета*, опдавая спчешъ въ бшблшографш своей о карманномъ Французско-Росшйскомъ словарѣ Г. Ольдекопа, сдѣлала нѣсколькo замѣчаній и указаній на неправильный переводъ нѣкошорыхъ рѣченій и пр. Издашель *М. Телеграфъ*

возразилъ на то, что Словарь сей переведенъ, какъ нельзя лучше, и что не Литературной Газетѣ судить объ этомъ. — Кому же? кеужели издашело Телеграфа, который доказалъ многими опытами незнаніе свое во французскомъ языкѣ? Не спорю, что для челоуѣка, принимающаго *сто* за *пять* и *посуду* за *бѣлье* (*), всякой словарь хорошъ, лишь бы въ немъ русское слово стояло подѣ французскаго: до смысла же и точности значенія ему и дѣла нѣтъ.

Московскій Вѣстникъ содержалъ въ себѣ нѣсколько прекрасныхъ списхо-

---

(*) Такимъ образомъ Телеграфъ переводилъ съ франц.: *cent* — у него значилъ *пять*, и *vaisselle* *бѣлье*. (См. XVI и XVIII No. М. Телеграфа 1825 года). Издатели *Северной Пчелы* составили однажды изъ подобныхъ переводовъ Г. Полеваго, краткій *Телеграфическій словарь*, и напечатали оный въ 134 No своей газеты на 1825 годъ.

твореній и хорошихъ критикъ. Одна изъ сихъ послѣднихъ, дѣльная по своему предмету и содержанию, обезображена была излишне грубыми выходками противъ сочинителя Испоріи Рускаго народа. Остроумная и игриво начавшаяся статья: *Взглядъ на кабинеты журналовъ*, къ сожалѣнію, подъ конецъ излишне была нагружена сравненіями и примѣненіями историческими. Жаль также, что издатель далъ мѣсто въ своемъ журналѣ скучной и ничего не доказывающей статьѣ объ *Иліадѣ*. Надутый слогъ, начиненный варварскими словами, щепетильной вѣтской недозрѣлой учености, и такими періодами, въ которыхъ нельзя добиться смысла, доказываютъ, что Г. Никодимъ Надоумко имѣетъ своихъ *двойниковъ* или, покрайней мѣрѣ, подражателей въ способѣ выражаться.

Атеней, Галатея и Дамскій Журналъ не представляли ничего новаго глазамъ наблюдашеля. Каждый изъ сихъ журналовъ шель прежнею своею дорогою; и пошому сочиншель сего *Обозрѣнiя* осшается при своемъ прошлогоднемъ мѣтѣнiи на счетъ оныхъ.

Перейдемъ къ альманахамъ. 1830 годъ былъ ими не скуднѣ своего предшешвенника. О *Стверныхъ Цвѣтахъ* я, по давно принятому правилу, говоршъ не стану. Кромѣ сего альманаха, въ Петербургѣ изданы были слѣдующiе: 1) *Невскiй Альманахъ*. Нѣсколько прозаическихъ спашей и нѣсколько стихотворенiй, въ числѣ коихъ первое мѣсто по праву занимающъ стихотворенiя Языкова, вопшъ права сего альманаха на одно изъ почетныхъ мѣспъ въ ряду альманачной брашiи. 2) *Царское село*, изд. Гг. Коншинымъ и Барономъ Розеномъ.

Въ прозѣ сего альманаха замѣчательна спашья: *Розалія*, соч. Б. Розеномъ, по нѣжному чувству, выраженному въ ней языкомъ непришворнымъ. Нѣсколько стихотвореній Пушкина, Баратынскаго, Ѳ. Глики, Б. Розена, Деларю и пр. также украсили сей альманахъ. 3) *Стихотворенія Трилуннаго*, книжечка, заключающая въ себѣ нѣсколько хорошихъ произведеній одного молодаго поэта. 4) *Подсѣжникъ*, изд. Г. Аладынымъ. Это, въ нѣкоторомъ смыслѣ, добавокъ къ Невскому Альманаху. Тѣ же почпи литераторы наполнили книжку сію своими спашьями въ стихахъ и прозѣ. 5) *Альманахъ анекдотовъ*. Наборъ анекдотовъ и прибаушокъ, помѣщенныхъ въ журналѣ: *Бабочка*, за 1829 годъ, и сказанныхъ довольно неудачно. 6) *Театральный альманахъ*. Всѣ попыпки

подобныхъ изданій были донинѣ неудачны; одинъ или два хорошіе драматическіе отрывка не могутъ изкупить посредственности и ничтожности всего прочаго. Нынѣшній Театральный альманахъ едва ли не самая неудачная изъ всѣхъ помянутыхъ попытокъ. Въ Москвѣ: 7) *Денница*, изд. М. А. Максимовичемъ и замѣчательная по счастію Г. Кирѣевского: Обзорніе русской словесности. Не смотря на нѣкошорую спррапность выраженія, счастья сія наполнена мыслями зрѣлыми и сужденіями справедливыми. Истины сей не хотѣли признать только пѣ изъ либераловъ, для кошорыхъ словесность есть средство, а не цѣль. Кромѣ сего, въ *Денницѣ* были сшашья: Веневинниова, Кн. Вяземскаго, Книгини З. А. Волконской, О. Н. Глинки и проч.; въ сшпахъ: А. Пушкина, Барашинскаго,

К. Вяземскаго, Мерзлякова, Шевырева, Лыкова и пр. 7) *Радуга*, изд. Гг. Араповымъ и Новиковымъ. Здѣсь, въ прозаическихъ спашьяхъ, можно указать шолько на разсужденіе *О русскихъ пословицахъ*, Г. Снѣгирева; можно бы также указать и на *Краковскій замокъ*, повѣсть Г. Полеваго, но въ смыслѣ несовсѣмъ благопріятномъ. Жаль, что Г. Полевой заснавленъ Суворова выпрямливаться и говоритъ совсѣмъ не сообразно своему характеру. Суворовъ имѣлъ умъ оригинальный, но не въ томъ духѣ и направленіи, какъ хощеть ему придасть Г. Полевой. Съ историческими лицами рускими, особливо недавними и еще памянными многимъ живымъ людямъ, должно поступать гораздо ошорожнѣе. 8) *Весенніе цвѣты*. Сія книжка должна бытъ помянута, если не за здравіе, шо хощя за упо-

кой: спашейки, ее составляющія, даже выходя изъ подъ авторскаго пера дышали уже ненадежною жизнью. 9) *Комета*, изд. Г. Селивановымъ. Гораздо почтѣе было бы назвать сію Комету *метеоромъ*: она мелькнула и исчезла: немногіе замѣтили ее, и вѣроятно никто о ней не вспомнитъ.

Дѣтскія книжки, изданныя въ видѣ альманаховъ, были слѣдующія: 1) *Подарокъ дѣтямъ на св. Пасху*, соч. Протоіерея Мансвешова. Назидательныя спашьи, составляющія небольшую сію книжку, дѣлають изъ нея испинно драгоцѣнный подарокъ для юныхъ Христіанъ. 2) *Московскій альманахъ для юныхъ Рускихъ гражданъ*. Здѣсь собрано нѣскольکو произведеній, по большей часпн не новыхъ и переводныхъ, но всегда имѣющихъ цѣну и всегда пріятныхъ для моло-

дыхъ чашашелей. 3) *Майскій подарокъ дѣтямъ обоего пола. Три нравоучительныя повѣсти*, соч. О. Сомова. Чашашели сего обзорнія извиняють сочиншелея въ его молчаніи объ эпой книжкѣ.

Замѣчательнѣйшимъ поэпическимъ явленіемъ сего полугодія была безспорно *Иліада Гомерова*, переведенная Н. П. Гнѣдичемъ. Размѣръ стиховъ опща поэпін, соблюденный прелашателемъ, живописный, прямодушный языкъ, оживляющій намъ сказанія и выраженія племень первобытныхъ, — языкъ пышный въ описаніяхъ, живой и быспрый въ разсказахъ, еспеспивенный въ рѣчахъ, иногда даже до паптріархальной грубоспи: вопшь неопъемлемыя, прочныя достопншства сего перевода. Чашая *Иліаду*, переданную намъ Гнѣдичемъ, кажется, видишь и слышишь самихъ героевъ Элады и

Фригін, живешь въ вѣкъ гомерическомъ. Для полной оцѣнки сего колоссальнаго пруда, пошребно знаніе Эллинскаго языка, и знаніе глубокое, подобное шому, съ каковымъ Г. Гидичъ поспигъ и передалъ намъ безсмертныя пѣсни Гомеровы. Съ другими переводами Илиады эпического никакъ нельзя сравнивать: съ перваго взгляда видишь необычную разность, и разность сія происходитъ какъ ошъ шаланша прелагашеля, шакъ и ошъ свойствъ рускаго языка, гибкаго, звучнаго, обильнаго, и болѣе прочихъ языковъ Европы подходящаго къ языку Гомерову, способнаго принимать формы древней поэзіи. *Басни И. Крылова, въ осьми книгахъ.* Есть люди, кошорые, по разсчитамъ ли здраваго ума, или по экономіи самой природы, позже другихъ начинаютъ предаваться всѣмъ

наслажденіямъ жизни: за то ихъ наслажденія долговѣчнѣе, чувства ихъ соблюдаютъ всю живость, а ощущенія всю свѣжестъ молодости въ такія лѣта, когда другіе живутъ уже однимъ воспоминаніемъ. То же можно примѣнить и къ талантамъ, и говоря о нихъ, естественнo приходитъ на мысль несравненный нашъ Крыловъ. Талантъ сего баснописца развился въ возрастѣ зрѣлаго мужества, и съ тѣхъ поръ непрерывно шелъ отъ успѣховъ къ успѣхамъ, отъ совершенствъ къ совершенствамъ. Избранный имъ родъ сочиненій весьма благопріятствовалъ сему позднему развитію: басня преобуесть *поэзіи ума*, т. е. отчепливости въ созданіи, обдуманности въ цѣли, правдоподобія и глубокой истины въ примѣненіяхъ, и, такъ сказать, *цѣлости* и полноты обѣихъ частей ея — вымысла и нравственныхъ

слѣдствій, изъ онаго извлекаемыхъ. Въ лѣта, когда страсти переспаютъ мучительно тревожишь насъ, въ лѣта опытности и соображеній, человекъ ясне видитъ пороки и недостатки человѣческіе, полне постигаетъ ихъ и вѣрне передаетъ въ своихъ поучительныхъ разсказахъ. Таковъ плѣнительный наставникъ нашъ Крыловъ: онъ чудно совокупилъ въ себѣ юность поэтическаго дарованія съ пожилыми совѣтами и наставленіями разсудительной опытности. Любуешься и дивишься, встрѣчая у него часно свѣжіе, пренециющіе жизнью и цвѣтущіе молодостью стихи, наряду съ поученіями ума, давно знакомаго съ жизнью и по опыту знающаго ея превращеніи. — Новыхъ басенъ его, въ этомъ новомъ изданіи, двадцать одна: всѣ онѣ свидѣльствуютъ о сочной зрѣлости таланта басно-

писцева, и ни въ одной нѣшть ни ма-
 лѣйшихъ примѣтъ преклонности или
 охлажденія. Издашесь, книгопрода-
 вецъ Смирдинъ, заслуживаетъ благо-
 дарность Рускихъ за то, что сію
 испинно-народную рускую книгу, чше-
 ніе по сердцу всякаго, спарался сдѣ-
 лать *тненіемъ и по карману* каждого,
 даже недосташочнаго чшашателя: экзем-
 пляры оной, хорошо напечатанные на
 порядочной бумагѣ, продающіяся по 4
 р.—*Евгеній Онтгинъ, глава VII.* Люди,
 не умѣющіе цѣнить произведеній поэ-
 зии, не знающіе различія между спи-
 хомъ живымъ, яркимъ, обольстителъ-
 нымъ — и гладкимъ подборомъ словъ,
 не прошивныхъ слуху, но не имѣю-
 щихъ инаго достоинствва; между со-
 зданіемъ, опчепланвымъ въ самомъ его
 своевравіи, — и кропотливымъ жеман-
 ствомъ посредственности, весьма
 разсудительно Ки. Вяземскимъ раз-

жалованной изъ *золотыхъ* въ мешал-
 лы менѣ благородные — люди сіи
 старались уронить поэтическое до-
 стоинство 7-й главы *Онѣгина*. На бѣ-
 ду сихъ лжеполкователей, читаю-
 щая публика была пропивнаго съ
 ними мнѣнія; о *негитающей* и тол-
 кующей, или о читающей по на-
 ряду, говорить было бы излишнимъ;
 ея сужденія остаются при ней и
 никогда не могутъ почесаться ош-
 голоскомъ мнѣнія общаго. Смѣшно
 было бы разбирать съ важностію
 всѣ привязки щепетильныхъ крипи-
 ковъ, не призванныхъ и *непризна-*
ныхъ никѣмъ: энциклопедистамъ хо-
 тѣлось толковать по-своему, утвер-
 ждаятъ, что бѣлое черно; для нихъ
 было по потребности души, расче-
 томъ мѣлкаго своекорыстія, чтобы
 представить въ искаженномъ видѣ
 живое, прекрасное созданіе талан-

ша, споль нещадно зашмѣвающаго
 вялыя, безцвѣтныя и ничтожныя из-
 чадія пера ихъ. Но перестанемъ го-
 ворить о сихъ филинахъ и непопы-
 ряхъ лишерашурныхъ. Передъ нами
 лежитъ 7-я глава *Онѣгина*, какъ бы
 пріятнымъ ошдохновеніемъ для взора,
 оскорбленнаго на минушу соромъ и
 нечисшью задняго двора. Въ помяну-
 той главѣ, поэтъ рассказываетъ
 намъ о грусти Ташьяны, по смерти
 Ленскаго и по уѣздѣ Онѣгина. Она
 посѣщаетъ жилище сего послѣдняго:
 мебели, книги — ничто не укрываетъ
 ся ошь ея вниманія; и слѣдствіемъ
 посѣщенія сего, новыя догадки ея на
 счесть страннаго, но милаго ей су-
 щества, хозяина опустѣлаго дома:

Чудакъ печальный и опасный,
 Созданье ада пль небесъ,
 Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
 Чшо жь оны? Уже ли подражанье,

Ничтожный призракъ, или еще
 Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
 Чужихъ причудъ исполкованье,
 Слово модныхъ полный лексиконъ? ...
 Ужь не пародія ли онъ?

Въ эпоху *пародій* (т. е. въ 1830 году), когда намъ хотяшь выдавашь собственную бездарность за намѣреніе посмѣянься надъ дарованіями другихъ, — эпоху стихъ какъ будто нарочно написанъ для заученія на память (*un vers à retenir*). Конечно, Сѣверная Пчела, Сынъ Отечества и Московскій Телеграфъ не поблагодаряшь Пушкина за эпоху стихъ, пригодный для столь мѣпкихъ и живыхъ примѣненій. Но возвратимся къ Татьянѣ. Машушка ея, слыша всегдашніе отказы ея женихамъ, по совету одного добраго сосѣда, везеть ее въ Москву. Картина отъѣзда чрез-

вычайно жива: хлопошы, суеты, бѣ-
гошнѣя, прощанье —

И вотъ

Успѣлись, и возокъ почтенный,
Скользя, ползешъ за вороша.

Путешествіе нашихъ спранницъ, прорицательныя надежды поэта на будущія улучшенія въ нашемъ отечествѣ — прекрасны; но вотъ и Москва! Живое очертаніе сей первопрестольной старушки знакомо уже любителямъ русской поэзіи: оно напечатано было въ двухъ журналахъ. Сею прекрасною картиной, сжатою въ пѣсенныхъ рамкахъ, но разнообразною, песнрою, увлекательною—оканчивается VII глава, въ заключеніе которой поэтъ помѣстилъ запоздалый, *классическій* приступъ къ своей поэмѣ, высказанный въ веселыхъ стихахъ. — Чтобъ указать на всѣ пре-

красныя мѣста въ этой главѣ, должно бы было перепечаташь почти всю книжку; но я ограничусь только немногими, выше приведенными указаніями: они докажутъ любителямъ сомнѣній, что талантъ Пушкина, вопреки лжекришикамъ, юнъ и свѣжъ по прежнему.—*Карелія, или заточеніе Марыи Іоанновны Романовой*, описательное стихотвореніе Ѡ. Глики. Событіе, заимствованное поэтомъ изъ Истории, служило ему только рамой для поэмы описательной. Прекрасная въ своей дикости природа Карелии, съ ея чудными водопадами, съ ея дремучими лѣсами, несчетными озерами и шундрами, изображена въ картинѣ великолѣпной, вѣрной, заманчивой своимъ разнообразіемъ. Одно изъ вводныхъ лицъ, назидательный собесѣдникъ знаменитой заточеницы, Марыи Іоанновны, рассказываетъ ей свою

повѣсть, въ кошорой поэтъ искусно совокупиль, съ превращеностями жизни инока, набожныя свои мечпанія и воспорги духовныя, излишыя въ лирическихъ опривкахъ. Нравы льсной Карелы, ея преданія и повѣрья, духи, населяющіе ея сѣверныя пустыни, народныя сказки ея — все это набросано кистью смѣлою и плѣняетъ теплотою красокъ, кошорою оплечающа произведенія нашего поэта живописца. — *Селамъ, или языкъ цвѣтовъ*, соч. Г. Ознобихина. Арабскія сказки давно уже познакомили читающихъ Европейцевъ съ разговоромъ или переносной жинелей Востока посредствомъ цвѣшовъ. Тамъ, особливо у молодыхъ заповорницъ гарема, каждый цвѣшокъ имѣетъ свое значеніе, свой особый, полный смыслъ. На этомъ основана стихотворная повѣсть, изданная подъ заглавіемъ *Селамъ*. Просное содер-

жаніе оной оживлено стихами, исполненными чувства. Въ заключеніи помещень толковый словарь сей нѣжной ботаники чувствованій, желаній и надеждъ. — *Нищій*, соч. А. Подолнскаго. Авторъ *Дива и Пери и Борскаго*, въ сей новой повѣсти не удовлетворилъ стѣхъ ожиданій, коими манили читателей первые опыты юной его Музы. *Нищій*, безумный преступникъ, убившій своего брата изъ пустой ревности къ дѣвицѣ, въ любви коюрой ничѣмъ не былъ онъ увѣренъ, — повѣствуетъ въ Россіи о мукахъ своихъ отъ угрызений совѣсти и о сраданіяхъ въ темницѣ. Сбивчивость повѣствованія, невѣрность чувства и мѣстами испочность выраженія — вопль чтоо содержишься въ сихъ стихахъ, впрочемъ довольно благозвучныхъ, но изъ коихъ весьма немногіе остаются въ памяти. Хорошій

стихъ тогда только вполне хорошъ, когда онъ заключаетъ въ себѣ нѣчто болѣе однихъ звуковъ, ласкающихъ только слухъ, но не прогающихъ ни сердца, ни воображенія: такъ и въ музыкѣ согласіе звуковъ тогда только плѣняетъ насъ, когда оно выражаетъ мысль, или чувство.— *Москва и Парижъ въ 1812 и 1814 годахъ, воспоминанія въ разностопныхъ стихахъ*, Кн. А. А. Шаховскаго. Доброе намѣреніе не всегда увѣнчивается хорошимъ успѣхомъ. Вечеранъ нашихъ драматическихкихъ поэтовъ, Князь А. А. Шаховской, хотѣлъ прославить подвиги Рускихъ въ незабвенную войну 1812—14 годовъ; но лиро-эпическая попытка сія была весьма неудачна. Чпо намѣрень былъ поэтъ выразить разностопными стихами? неспрошу, суматоху, смѣшеніе языковъ при вступленіи Французовъ въ Москву и Ру-

скихъ въ Парижъ? Положимъ, что онъ достигъ сей цѣли *физически*, но въ отношеніи поэтическомъ: въ соблюденіи тона, свѣтственнаго содержанію, въ изображеніи предметовъ высокихъ приличными имъ красками, онъ совершенно ошибся оупъ предположенной цѣли. Произведеніе сіе не влечаетъ ни одного даже блѣднаго лепешка въ вѣнокъ поэпа. — *Гинекіонъ*. Это собраніе нѣсколькихъ стихотвореній изъ греческой *Анѳологіи*, приписанныхъ поэтами разными дѣвамъ и извѣстнымъ красавицамъ древности, и напечатанныхъ на греческомъ языкѣ съ рускимъ переводомъ. Предлагаю не соблюдать мѣры подлинниковъ и облакать древніе мадригалы и экстромны въ стихи обыкновеннаго нашего ямбическаго или хорейческаго размѣра съ рифмами. Нѣкоторыя изъ сихъ стихотво-

реній хороши; но вообще замѣтна въ нихъ какая-то нерадивость опшншельно къ опщдѣлкѣ спшховъ и почности языка. — *Опытъ перевода Гораціевыхъ одъ*, В. Орлова. И сей переводъ справедливѣе было бы назвать подражаніемъ: переводчикъ не держался размѣра гораціанскихъ спшховъ и не всегда вѣрно передавалъ мысли пѣвца Тибурнскаго. Впрочемъ, нѣкоторыя мѣста изъ преложеній его могутъ его послѣдовать на ряду съ Капнишомъ и другими удачными подражателями Горацію. — *Четыре времени года Русскаго поселнина*, сельская поэма Ѳ. Сльпушкина. Поэшь поселнина описываетъ въ семь спшхотвореніи простой бышь мирныхъ земледѣльцевъ, изображаетъ ихъ малообразныя нужды; ихъ неприхотливыя желанія, шруды ихъ и занятія въ разныя времена года. Все эшо вы-

ражено въ простотѣ сердца, но стихи Слѣпушкина запечатлѣны неопытнымъ доспоинствомъ: вѣрностию картинъ и неприпворною истиною описаній. Желательно, чтобы и другіе наши стихотворцы-поселяне (а ихъ, кажется, разплодилось уже немало) послѣдовали въ этомъ Слѣпушкину, а не гнались за такими предметами, которые могутъ быть имъ извѣстны только по слуху: тутъ нельзя ожидать ни правдоподобія, ни живости, ни вѣрности изображеній; даже самый языкъ не поддается крестьянину, который рѣшается пускаться по слѣдамъ поэтовъ иной касты.

Въ поэзіи драматической, пріобрѣтенія наши за сіе полугодіе были слѣдующія: *Театръ Н. Хмельницкаго*, въ 2 томахъ. Въ этомъ собраніи помещено 14 театральныхъ пьесъ, кои

по большей части или переводы, или подражанія французскимъ. Свободное стихосложеніе, языкъ, близкій по возможности къ разговорному, счастливая передача лучшихъ стиховъ подлинника и оспроша нѣкоторыхъ водевильныхъ куняшовъ, суть права, по которымъ сіи переводы и подражанія займутъ не послѣднее мѣсто въ реперіуарѣ театральномъ и въ библіотекахъ любителей чтенія.— Впрочемъ, Талія руская ждетъ еще оупъ поклонниковъ своихъ попышокъ болѣе смѣлыхъ и болѣе существенныхъ, особливо относительно къ языку поэтически разговорному. Это въ особенності можно примѣнить къ комедіи Г. Масальскаго: *Классикъ и Романтикъ*, или не въ томъ сила. Прочитавъ ее, скажешь за сочинителемъ: не въ томъ сила, чтобы написать комедію, но въ томъ, чтобы въ

ней было правдоподобіе въ завязкѣ и нравахъ; чшобы слогу ея, если она пишешся въ стихахъ, не былъ вяло-прозаическимъ; чшобы рускій разговорный языкъ не шерпѣлъ въ ней подъ часъ олъ произвола авторскаго. — *Василій Шуйскій*, трагедія, соч. Н. Станкевича. Какъ первая попытка юнаго поэта, трагедія сія пребуешъ снизхожденія кришки, относительно плана и характеровъ, шѣмъ болѣе, что въ ней естъ теплопа поэшическая, счастливые стихи и даже цѣлыя шпрады. Позволимъ себѣ надѣяться, что авторъ сей драмы, въ послѣдующихъ своихъ опытахъ, будетъ обдумывать зрѣлѣ свои предметы и не увлечешся первымъ успѣхомъ, часно излишне обольстительнымъ и коварнымъ.

Симъ заключаюшся поэшическія наши пріобрѣшенія за 1-ю половину 1830

года. О *Разбойникѣ, Купецкомъ сынѣ, Посланіяхъ Выпивална* и прочихъ подобныхъ имъ ничтожныхъ явленіяхъ, говоришь не къ чему и не для кого. Образованная публика конечно не спанеть ихъ читая, или по крайней мѣрѣ перечитывая.

Перейдемъ къ прозѣ литературной, которую иные изъ нашихъ журналистовъ, невѣдомо для какого оплачія, назвали *изящною прозою*, хотя названіе сіе часто бываетъ въ ихъ журналахъ истиннымъ *солецизмомъ*: ибо придется прозѣ вялой, пухлой и безжизненной, *прозѣ* въ самомъ прозаическомъ смыслѣ сего слова.—1830 годъ былъ урожаенъ на романы; п. с., ихъ въ первой половинѣ года появилось больше, чѣмъ прежде появлялось за нѣсколько лѣтъ въ сложности. Правда и то, что большая часть изъ нихъ были *скороспѣлки*,

мные же безъ грѣха можно назвать *пустоцѣтломъ*: это доказываетъ, что не всякой урожай бываетъ въ прокъ. Наши романисты, подражая Валтеру Скошшу во многомъ, вообразили, что должно ему подражать и въ скорости, съ каковою бришанскій романистъ пишетъ свои романы. Они не разочли, что способность сія не на всякаго удѣлена; и видя, что Валтеръ Скошшъ нынѣ издаетъ по три и по четыре романа ежегодно, они позабыли, что первые романы его выходили чрезъ большіе промежутки времени. Это доказываетъ, что знаменитый баронетъ нынѣ, такъ сказать, *приметался* уже къ сей работѣ; что искусство выполненія, которое можно назвать механическою частью труда умственнаго, довелъ онъ до невѣроятной почти легкости, и что мысль и

слогъ — упрямящіеся у большей части нашихъ писателей, особливо въ драматическихъ мѣстахъ ихъ романовъ — у В. Скопша льются столь же свободно, какъ въ обыкновенной рѣчи умнаго и пріятнаго говоруна. Сему конечно много благопріятствуетъ обработанность книжнаго и разговорнаго языка въ Англии: мы часто зашрудняемся формами, въ которыя хотимъ облечь нашу мысль; тамъ все это придумано, все готово, и писатель черпаетъ изъ полнаго, богатаго, прочнаго запаса. Обращаясь къ нашимъ романистамъ, скажемъ имъ: не въ помъ достоинство романа, чѣмъ онъ скоро былъ написанъ, а въ помъ, чѣмъ онъ былъ хорошъ по созданію, плану и выполненію. Писатель, дорожащій литературнымъ своимъ именемъ, можетъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ пи-

сать одинъ романъ, передѣлывать его, поправлять, ошкладывать на безсрочное время и снова за него приниматься, даже, окончивъ его совершенно, можетъ положить его подъ спудъ, и не прежде выпустишь на свѣтъ, какъ по успокоеніи авторской своей совѣсти зрѣлымъ, холоднымъ и спрогимъ сужденіемъ о прудѣ собственномъ. За это читатели не только не взыщутъ съ сочинителя, но поблагодарятъ его за вниманіе къ ихъ суду. Напрошивъ того, странны похвальбы нѣкоторыхъ литературныхъ скорописцевъ: «я написалъ эпопѣю длинный романъ въ два или три мѣсяца; я писалъ такое-то сочиненіе на лешу!» Эпѣ похвальбы похожи на оправданія: ими хотягъ прикрышь незрѣлосшь пруда. Публика между тѣмъ въ правѣ сердиться на сію авторскую небреж-

ность и какъ бы неуваженіе къ ней, подобно какъ гости вправѣ сердиться на хозяина, который въ упреннѣемъ своемъ костюмѣ осмѣливается угощать ихъ: она пребуешь, чѣмъ авшоръ явллся передъ нею съ своимъ произведеніемъ въ полномъ нарядѣ.

Рускіе романы, первой половины 1830 года, появлялись въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: *Юрій Милославскій, или Рускіе въ 1612 году, соз. М. Н. Загоскина* (*). Сочинитель выбралъ эпохою своего романа послѣднее время междуцарствія. Юрій Милославскій, герой романа, ѣдетъ съ порученіями опѣ пана Гонсѣвскаго въ Нижній-Новгородъ; приключе-

---

(*) Романъ сей первымъ своимъ изданіемъ принадлежитъ концу 1829 года; но читатели познакомились съ нимъ уже въ началѣ 1830.

нія Юрія и спутниковъ его въ продолженіе сего странствованія и пребыванія ихъ въ Нижнемъ, занимають большую часть всей повѣсти. Здѣсь, и попомъ въ годину изгнанія Поляковъ изъ Москвы, описанную въ 3 томѣ романа, встрѣчаемся мы съ разными историческими лицами: Миннинымъ, Пожарскимъ, Ки. Трубецкимъ, Аврааміемъ Палицынымъ и пр. и пр. Спранно однако же, что Минина никакъ не узнаешь въ романѣ Г. Загоскина при первой встрѣчѣ, даже по догадкамъ. Осанивось и опчасни высокомѣрный понь, его высокій ростъ, его полу-воинскіе приемы, словомъ, всѣ наружные и нравственныя признаки, съ коими онъ являешся здѣсь впервые, — скорѣе выказываютъ намъ въ семъ незнакомомъ еще лицѣ Князя Пожарскаго или кого-либо изъ высокород-

ныхъ, рашныхъ его сподвижниковъ, нежеди сего гражданина нижегородскаго, несшаго въ пламенной, но крошкой любви своей къ опечеству, на жершву ему свое достояніе, спяжанное шрудами мирными. По сказаніямъ лѣтописей, мы привыкли предсшавляшь себѣ Минина въ совершенно другомъ видѣ, и удивляемся шѣмъ нешеригѣливымъ порывамъ, съ коими онъ въ сочиненіи Г. Загоскина смопринъ на буйшва и наглоспи шогдашнихъ Лиховъ, къ чему — замѣнимъ мимоходомъ — шогдашніе Рускіе низшихъ состояній давно уже должны были приглядѣться. Пожарскому романшесъ нашъ не придашь почти никакого характера; но Авраамій Палцынъ изображенъ имъ съ бѣльшимъ спараніемъ и бѣльшимъ правдоподобіемъ. Изъ собственнороманическихъ или вымышленныхъ лицъ,

лучше прочихъ соображены и живѣе обозначены характеры Козака Кирши, попа Еремѣя, хвасшливаго Поляка пана Капычинскаго и юродиваго Миши. Юрій Милославскій и предметъ его любви, Анастасія, дочь боярина Кручины Шалонскаго, перенесены въ XVII вѣкъ съ понятіями, чувствованіями и способомъ выражаться нашихъ современниковъ. Впрочемъ, это не единственныя анахронизмы: ихъ можно еще нѣсколько замѣтить въ отношеніи къ произшествіямъ, обычаямъ и языку. Разговоръ простонародный очень естественъ въ лицахъ низшаго званія, выведенныхъ сочинителемъ; жаль только, что онъ допускалъ иногда слова и выраженія, неодобряемыя разборчивымъ вкусомъ. Въ подражаніи простонародному языку должно соблюдать великую осторожность

и воздержность: излишняя разшочительность на слова и выраженія грубыя или обласшныя, ни сколько не способствуя живости и вѣрности подражанія, можешь наскучишь и опрошивъшь образованному классу чинашелей. *Не всякое слово въ строку*, совыпуешь намъ руская поговорка. Скажемъ однако же въ полномъ убѣжденіи, что драматическая часть романа: *Юрій Милославскій*, опшчается неприиужденношю, правдоподобіемъ и быспрошою; шо же можно повпоришь и о большей части разсказа. Но главное достоинство романа: жизнь и шеплоша, разлишныя въ немъ и служащія доказашельствомъ таланта истиннаго. Все, что говоришся въ немъ о любви къ опечесшву, все, что носишь имя Рускаго, — все сіе находишь себѣ привѣшныи опзываетъ въ душѣ чинашеля

Рускаго: видишь и чувствуешь, что авторъ вездѣ Руской по образу мыслей, по привязанности къ родинѣ своей, по преданности къ Богу и Царю Рускому; что нравы и обычаи рускиихъ ему не чужіе, что ему самый дымъ отечества сладокъ и пріятень. — *Димитрій Самозванецъ*, историческій романъ Г-на Булгарина. «Что зло съдѣяхъ, свидѣтельствуйте ми и не жалюся,» — таковъ эпиграфъ, выбранный сочинителемъ изъ Софійскаго Времянника, и напечатанный на заглавномъ листкѣ 1-го тома историческаго романа: *Димитрій Самозванецъ*. Зло не зло, а что худо соображено и худо выполнено Г-мъ Булгаринымъ въ новомъ его романѣ, о томъ конечно должно привести свидѣтельства, на которыя онъ, по смыслу своего эпиграфа, жаловаться не долженъ и не въ

правъ. Во первыхъ, характеръ главнаго дѣйствующаго лица, Лжедимишрїя, ни сколько не похожъ на шопъ, который передали намъ лѣтописи и который такъ вѣрно очершанъ въ XI шопѣ Исторїи Государства Россійскаго. Въ романѣ Г. Булгарина, Лжедимишрїй просто пустое, безцвѣтное лицо, безнравственный вѣтренникъ, переряжающійся въ разные плашья и являющійся подъ разными именами, дѣлающій разные мерзости и даже злодѣйства безъ всякой цѣли, добывающійся порфиры царской какъ будто бы для шого, чшобы пощеголяшь въ новомъ нарядѣ. Сколько онъ нехшпръ и даже глупъ своими мнимыми хшпроснями, сколько же простодушенъ и разсѣянъ, когда хшпросни сїи удалсь ему; и сїе противорѣчїе характера, или лучше сказашь, безхарактерности дѣйствующю-

щаго лица съ чудною его удачей, ни чѣмъ не оправдано въ романѣ. Борисъ Годуновъ — вялый плакса, не имѣющій и тѣни величія сего исполнскаго честолобца; дѣйствующій въ романѣ Г. Булгарина, какъ дѣйствовали старинныя пружины французской драмы, или какъ дѣйствуютъ герои другаго романа и спасей о правахъ самого Г. Булгарина; т. е. простиодушно высказывающій шо, о чемъ онъ долженъ бы спараться даже самое воспомнаніе испребишь изъ своей памяти. Борисъ золь по разсечу; но какъ золь онъ у Г. Булгарина? шочно шакъ, какъ *le tyran peu délicat* французской пародіи. Марина Мишкекъ, изображенная сочиншелемъ весьма удачно въ одномъ историческомъ опрывкѣ, являешся въ романѣ какою-шо городскою жеманницею нашего вѣка, при-

ѣхавшею изъ столицы въ деревню; чѣмъ-то въ родѣ Г-жи Фирюлиной (*). Вопросы ея московскимъ боярынямъ, и отвѣты сихъ послѣднихъ, весьма незамысловаты и нисколько не въ духѣ того вѣка, если вспомнимъ, что дочь воеводы Сандомирскаго не могла имѣть ни образованности, ни понятий свѣтскихъ дамъ нашего времени, и конечно въ просвѣщеніи весьма мало отличалась отъ боярынь русскихъ, ей современныхъ. Другое женское лице, вымышленное сочинителемъ и посавленное какъ бы рокомъ или чернымъ ангеломъ Лжедимитрія, — Гречанка Калерія, обольщенная имъ и послѣ ушопленная, но спасаемая чудомъ и преслѣдующая своего соблазнища, — показывается, какъ

(*) Дѣйствующее лице въ оперѣ Княжнина: *Не-
стастіе отъ кареты.*

были слабы соображенія автора. Не умѣвъ придумать или прибравъ изъ самыхъ сказаній того времени лучшей, приличнѣйшей завязки для своего романа, онъ основалъ ее на ничтожной любовной интригѣ, тогда какъ высшія, политическія причины скорого паденія Самозванцева могли бы сами собою развились въ романъ. Сіе вымышленное лице, столь сильно дѣйствующее въ *историческомъ* романѣ, сія Калерія, грознымъ призракомъ пугающая Самозванца и наконецъ наносящая ему рѣшительный ударъ — принадлежишь къ числу лицъ, давно знакомыхъ читателямъ романовъ: это списокъ (и весьма неудачный) со мещинельныхъ Пшальянокъ Г-жи Радклифъ. Похищеніе сей Гречанки Лжедмитріемъ, есть злодѣйство позднѣйшее: Спенька Разинъ ушолъ такимъ образомъ свою любовницу; Г.

Булгаринъ нашель эшо въ сказаніяхъ объ Россіи иностранныхъ путешественниковъ XVII вѣка, и вздумаль взвеспи небывалый грѣхъ на Гришку Опрепьева, и безъ того уже очень грѣшнаго. — Шуйскій, не твердый въ правилахъ, но хитрый царедворецъ своего вѣка, и въ послѣдствіи оказавшій всю власть, копорую онъ приобрьль надъ самимъ собою; разными извиниспыми пупьями, но поспоянно искавшій владычества, не невозможнаго въ погдашніа смупныа времена— сей Шуйскій, высокое, богатое характеромъ лице для драматурга и романиста, — совершенно меркнеть и почти исчезаетъ въ романъ Г. Булгарина. Басмановъ у него шоль же незначителень: эшо легковѣрный ребенокъ, ничѣмъ не изкунающій низкой своей измѣны Годунову и безразсудной приверженности къ Самозванцу. Таковы лица ис-

сторическія, таковы вообще дѣйствующія лица сего романа: худо постигнулы, слабо очертаны, безцвѣтны и безхарактерны. Общій характеръ рускаго народа и духъ тогдашняго времени изображены споль же неискусно: толпа холодно сморщитъ на событія, развивающіяся предъ ея глазами, какъ на незанимательную кукольную комедію; всѣ рѣчи бояръ русскихъ, всѣ рѣчи главныхъ дѣйствующихъ лицъ суть истинный анахронизмъ. При томъ же рѣчи сіи такъ разтянуты, такъ вялы, такъ лишены всякаго порыва страсти, что прочитывая ихъ, легко воображаешь себѣ скуку, которую долженъ былъ чувствовать самъ сочинитель, задававшій оныя себѣ урокомъ. Описанія длинныя, холодныя, часто неумѣстныя или и вовсе ненужныя, опличающіяся, за не-

доспадкою живоши воображенія, пухлымъ велерѣчіемъ; хаосъ именъ, принадлежащихъ лицамъ, выводимымъ на показъ безъ цѣли и причины; незанимательныя подробности, рассказываемыя широковъщательно; опусившіе теплоты и жизни въ цѣломъ — вопль вѣрная и безпристрастная характеристика сего романа. Она оправдывается единодушнымъ признаніемъ большей части читательской: что они не могли прочесть романа сего до конца, а многіе не дочитали даже и перваго тома. Въ отношеніи къ слогу, мы не будемъ сколько взыскательны: Г. Булгаринъ пишетъ, какъ иностранецъ, который постигъ механизмъ рускаго языка, т. е. знаетъ правила постановки словъ, ихъ взаимныя отношенія, связь періода и т. п.; но которому незнакомы всѣ средства, все

обиліе сего языка, всѣ его смѣлыя обороты; невѣдомы тайны его сжатости, быстроты, живости: опъ сего литераторъ сей, не вполнѣ увѣренный въ знаніи языка, выкраиваетъ всѣ свои предложенія по данной мѣркѣ. Частію наши журналисты, радуясь правильности слога у кого-либо изъ литераторовъ, приписываютъ ему похвалы за такое достоинство, за которое можно только школьника награждать похвальнымъ листомъ: то есть, что въ слогѣ эпического литератора все на своемъ мѣстѣ, мысль выражена ясно, различными словами и пр. и пр. — Но развѣ въ томъ только и состоитъ слогъ? А тайна, по которой писатель дѣйствуетъ именно на ту струну человеческого сердца, которую хочешь разсвѣтить? А сила одного выраженія, одного слова, потрясаю-

щаго душу? А искусство живо представляешь какой-либо предметъ вашему воображенію, шакъ что вы какъ будто бы видите его передъ глазами? А неожиданность оборота, какъ бы волшебнымъ жезломъ смѣняющая ваши впечатлѣнія? А вдохновенный огонь рѣчи, мигомъ возпламеняющій кровь вашу?... Вошь прямая достоинства слога! присутствие или отсутствіе ихъ въ какомъ-либо произведеніи, опредѣляетъ различіе между писателемъ съ талантомъ и писателемъ бездарнымъ. Принимая слогъ въ эшомъ смыслѣ, нужно ли прибавишь, что въ обшоченныхъ, холодныхъ и безжизненныхъ фразахъ Г-на Булгарина нѣтъ его? Читаешь возгласы или доводы его дѣйствующихъ лицъ — и какъ будто чувствуешь, что сочинитель всякой разъ заглядывалъ въ какую-либо школьную риторикъ,

чтобъ узнать, какъ должно вырази-
 ть шу или другую страсть, то
 или другое ощущеніе. Чашатели рус-
 кихъ романовъ конечно не стануть
 оспаривать сего замѣчанія, зная по
 опыту скуку, помившую ихъ при
 чтеніи Димитрія Самозванца. — *Мо-
 настырка*, соч. Антонія Погорѣль-
 скаго, ч. I-я. Жаль, что о семь ро-
 манѣ должно говорить, какъ о не-
 доспрошенномъ зданіи: любишься кра-
 сою и опдѣлкою нѣкоторыхъ ча-
 стей, угадываешь его планъ и раз-
 положеніе; но не видя цѣлаго, не
 можешь ни опдать ему полной по-
 хвалы, ни сдѣлать на угадъ какихъ-
 либо замѣчаній. Въ частности, за-
 мѣшимъ съ особеннымъ удовольствіемъ
 письма героини романа, монастыр-
 ки Анюшы: нельзя вѣрнѣе пересе-
 лишься въ душу юной питомицы Смоль-
 наго монастыря, невинной, незна-

комой съ свѣшомъ и заключавшей весь міръ въ одномъ объемѣ благопворишельнаго заведенія, гдѣ она была воспитана. Письма ея дышатъ просподушіемъ неподдѣльнымъ и шою правдою ощущеній и впечатлѣній, копорая почерпнула въ самой глубинѣ души неопытной, дивящейся, какъ чуду, предметамъ самымъ обыкновеннымъ, но для нея новымъ. Все это подмѣчено шакъ тонко и выражено шакъ вѣрно, что усомнишься, точно ли письма сіи вымышлены и не писала ли ихъ въ самомъ дѣлѣ какая либо милая монастырка? Кромѣ сего, бытъ и нравы вшороспеченныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ, и шѣхъ, кошорые начинаютъ бредить знашью и свѣтскимъ общежитіемъ, представлены въ очеркахъ, схваченныхъ съ самой природы. Кто знаетъ Малороссію не по наслышкѣ, тотъ от-

даспѣ всю справедливость наблюда-
 шельности и мѣткости автора. Нѣ-
 которыя черты отлично забавны:
 напрымѣрь, встрѣча гвардейскаго офи-
 цера Блисповскаго съ паномъ Дюн-
 дикомъ на Роменской ярмаркѣ, сна-
 чала обласшная снесь, а послѣ раз-
 чешливая вкрадчивосп сего степ-
 наго честолоубца, такъ живы, шакъ
 смѣшны, что кажешся, чпшашель
 самъ гдѣ-то встрѣчалъ эшого чуда-
 ка, съ его запрокинушою головою
 вмѣсто поклона, съ его сужденіями
 о необходимости французскаго язы-
 ка въ воспитаніи дѣвиць. Слогъ се-
 го романа, живой, еспешивенный
 и свободный, равно хорошъ въ раз-
 сказѣ, въ описаніяхъ и разговорахъ.
 Лучшее доказательство въ пользу се-
 го I-го тома еспь то, что его про-
 чшешъ незамѣтно, и жалѣшъ съ ка-
 кою-то досадною неперѣтливоспю,

зачѣмъ онъ не конченъ. — *Федора*, историческая повѣсть или *быль съ примѣсю*, соч. Павла Сумарокова. Чистая эпу повѣсть, пожалѣешь со-всѣмъ о другомъ, а именно: зачѣмъ здѣсь *быль* разбавлена *примѣсю*, или покрайней мѣрѣ, зачѣмъ эпа *примѣсь* не очищена старательнѣе? Нужно ли объяснять, что подъ *примѣсю* должно разумѣть также и слогъ, коимъ разсказана сія историческая повѣсть. Нѣкто сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе на различіе въ воспианіи вымышленныхъ и полу-справедливыхъ лицъ въ нашихъ русскихъ романахъ: « Мона-« спырка, » говоритъ онъ, « была во-« спипана въ Обществѣ благородныхъ « дѣвицъ, Федора въ кабакъ, а Иванъ « Выжигинъ въ собачьей канурѣ. » — *Ягубъ Скупаловъ*, или *исправленный мужъ*. *Правственно-сатирической романъ современныхъ нравовъ*. Сіе вы-

чурное заглавіе: *нравственно-сатирическій романъ современныхъ нравовъ*, не спасаетъ однако же сего произведенія отъ пустоты и ничтожества. Что такое: *нравственный романъ нравовъ*? зачѣмъ нѣкоторые изъ нашихъ литераторовъ вздумали ограждать свои сочиненія заглавіями, какъ будто бы списанными съ бенефисныхъ афишъ? уже ли это придастъ какую-либо цѣну ихъ романамъ? Нимало: особливо, если содержаніе не соответствуваетъ заглавію. Это можно примѣнить и къ *Язубу Скупалову*: какіе *современные нравы* въ немъ описаны? всѣ дѣйствующія лица въ этомъ романѣ взяты, кажется, за два или за три поколѣнія, всѣ они

Время Очаковскихъ или покоренія Крыма, и ни одно не опзывается современною намъ эпохой. Слогъ пи-

семь (не хошимъ сказашь: слогъ автора; ибо онъ старался мѣнять свой слогъ, смотря по свойству и понятіямъ дѣйствующихъ лицъ) по большей части напоминаетъ многократныя и неудачныя подражанія автору Недоросля. Грубыхъ словъ и выражений, опшврашипельныхъ картинъ много; а еспественности, шого ума, шой соли, кои щедро разсыпаны въ произведеніяхъ Ф. Визина — здѣсь незамѣшно. Письма же тѣхъ лицъ, которые сочинилъ Ягуба Скупалова хотѣлъ облагородить, безцвѣтны и безхарактерны. Произшествіе романа тянется, тянется, безъ занимательной завязки, безъ заманчивыхъ подробностей, и кончится въ заключеніе огромной книги такимъ образомъ, что читатель невольно скажетъ: «слава Богу!» не изъ соучастія къ дѣйствующимъ лицамъ, а про-

сто ось радости, что одолеть тяж-
 кой и утомительный трудъ. Впро-
 чемъ, это было не послѣднее подра-
 жаніе Фонъ-Визину въ 1830 году:
 въ Москвѣ издана еще Васильемъ Ло-
 гинымъ съ поварищи знаменитая кни-
 жница: *Неколебимая дружба Чухлом-
 скихъ жителей Крутинина и Скудо-
 умова, или Митрофанушка въ по-
 томствѣ, Московская повѣсть*, соч.
 Александра Орлова. Какое содержа-
 ніе этой *Московской повѣсти*? не
 спрашивайте: его нѣтъ. Каковъ ко-
 нецъ? О! презабавный: книга кон-
 чилась «*слѣдующимъ разговоромъ и
 сужденіемъ о Москвѣ,*» копорыхъ во-
 все не помѣщено.

Чтобъ отвести душу ось сихъ
 жалкихъ подражаній Фонъ-Визину,
 взглянемъ на его собственныя сочи-
 ненія, изданныя книгопродавцемъ Са-
 лаевымъ, подъ заглавіемъ: *Полное*

собрание сочинений Дениса Ивановича Фонъ-Визина, 4 ч. — Г-нь Б. . . . въ, принесшій пользу русской словесности изданіемъ многихъ весьма хорошихъ книгъ, собралъ всѣ печатныя сочиненія Ф. Визина и пополнилъ ихъ рукописными, еще неизданными и по большей части неизвѣстными, кои получилъ отъ родственниковъ и ближайшихъ наследниковъ сего писателя. Это собрание хотѣлъ онъ издасть самъ; но послѣ, по нѣкоторымъ обстоятельствомъ, уступилъ свое право московскому книгопродавцу Салаеву. Изъ донынѣ извѣстныхъ изданій, это самое полное, лучше разположенное, напечатанное исправнѣе и опрятнѣе прочихъ (*). Князь П. А. Вяземскій на-

---

(*) Черезъ нѣсколько мѣсцевъ, появилось еще одно изданіе въ 3 частяхъ. *Собрание оригинале-*

писаль для сего изданія Біографію Фонъ-Визина, содержащую въ себѣ остроумныя замѣчанія и указанія на нравы высшаго общества, соспояніе и направленіе русской словесности въ вѣкъ Екатерины II и особенно во время литературнаго поприща Ф. Визина. Сочиненіе сіе, ошличающееся наблюдательностію ума, богатствомъ мыслей и прямодушіемъ мнѣній, напечатана особю тетрадкой и будетъ раздаваться покупателямъ помянутаго Полнаго собранія сочиненій Фонъ-Визина.

Оспасаея упомянушь о весьма немногихъ книгахъ въ собственно-литературной нашей прозѣ за сіе полугодіе. Вошь онѣ: *Записки Москвитя,*

и нѣхъ драмматическихъ сочиненій и переводовъ Д. И. Фонъ-Визина. (М. 1830, въ 12 д. л.).
Эшо самое худшее изъ всѣхъ.

книжка 3-я. Необыкновенная легкость слога, повидимому, отчасти вредит наблюдательности автора: он пишет, кажется, на лезу, и не останавливается ни на мигъ для того, чтобы всматриваться попристальнѣе въ смѣшныя спорныя общества или въ странности частныя, попадающіяся ему на глаза. Но подмѣченное имъ, отражается у него въ очеркахъ рѣзкихъ, забавныхъ и весьма сходныхъ съ успешенностью. Приятность и беспроша слога обманчиво увлекають читателя и не даютъ ему ни надъ чѣмъ призадуматься. Слушаешь, кажется, приятнаго собесѣдника, одареннаго чудною бѣгlostію языка; но прослушавъ его часа два съ удовольствіемъ, вспомнишь изъ его разговоровъ весьма немного, и то слегка. — *Искусство брать взятки, рукопись, найден-*

ная въ бумагахъ Тяжалкина, умершаго Титулярнаго Совѣтника. Авторъ вообразилъ себѣ какого-то криводушнаго взяточника, который, въ избѣжаніе бѣды отъ судей, вызвался дѣлать имъ читать лекціи объ искусствѣ брать взятки. Подобныя шуточки уже успарѣли въ нашей литературѣ; а сочинитель разтянулъ еще свою шутку на чепыре довольно еще длинныхъ лекціи. Главное же дѣло сослать въ шомъ, что въ эпоху шутокъ недоспаешь веселости, безъ которой всѣ пародіи, всѣ словесныя каррикатуры не достигаютъ своей цѣли. — *Журналъ пѣшеходцевъ отъ Москвы до Ростова и обратно въ Москву.* Издавъ М. И. М. к. р. в. Сочинитель, кажется, хотѣлъ въ видѣ дорожнаго дневника сообщить публикѣ свои замѣчанія и догадки о разныхъ урочищахъ, ознаменованныхъ

какими-либо воспоминаніями историческими. Многія изъ его догадокъ остроумны; другія пребуютъ подтвержденія болѣе основательнаго. Въ литературномъ отношеніи, это самый полный журналъ на корешкомъ пуши: авторъ не позабылъ ни малѣйшаго обстоятельства, ни одной ничтожной встрѣчи, ни одного восклицанія, вырвавшагося у него или у его спутника.

Нѣсколько хорошихъ переводовъ заключаютъ немногочисленный рядъ литературныхъ нашихъ новостей. Изчислимъ сіи переводы (т. е. хорошіе: число дурныхъ гораздо значительнѣе; но о нихъ не станемъ говорить: это было бы бесполезно и для читателей, и для ихъ переводчиковъ, которые трудятся для нѣкоторыхъ московскихъ книгопродавцевъ). *Сень-Марсъ*, соч. Альфреда

де Виньи, пер. А. Очкинъ; удачный переводъ весьма занимательнаго романа, извѣснаго большей части нашей читающей публики во французскомъ подлинникѣ. — *Карль Смальый*, романъ В. Скопша, перевед. съ англійскаго Г-мъ де-Шаплетомъ. Переводъ хорошъ; но желательно бы было, чпобы переводчикъ заботливѣе снарался о чиспотѣ слога и о точности языка. Въ особенноти пребуеугь сего драматическая часнѣ романа, въ кошорой болѣе всего является блестящій талантъ В. Скопша; ибо въ ней болѣе всего опнгнены характеры дѣйствующихъ лицъ, столь живые, столь ярко оплпчающіеся у британскаго романиста. — *Посольство въ Китай*, соч. Фанъ-дерь-Фельда, перев. съ нѣмец. Валеріанъ Лангеръ. Переводъ сей оплпчаея чиспотою слога, непринужденностью

и *обдуманностию* разговорнаго языка, особливо въ рѣчахъ Кипайцевъ; указываемъ на это достоинство перевода пошому, что сіи рѣчи могли бы бытъ камнемъ прешкновенія для многихъ переводчиковъ, менѣе внимающихъ въ свой предметъ. — *Мирза-Хаджи-Баба-Исфгани въ Лондонѣ*. Сей романъ Морьера переведенъ однимъ ученымъ оріенталистомъ, и кажется, въ переводѣ выигралъ передъ англійскимъ подлинникомъ. Всѣ выраженія, всѣ обороты персидскаго языка, коихъ авторъ не осмѣлился въ точности передать по-англійски, рускимъ переводчикомъ переданы на нашемъ языкѣ со всею восточною ихъ кудрявостію. Словомъ: Мирза-Хаджи-Баба говоритъ по-русски, такъ сказать, гораздо *востоннѣ*, нежели по-англійски. О самомъ романѣ скажемъ, что въ немъ авторъ хотѣлъ

смотримъ на все европейское глазами Персіянина: достигъ ли онъ своей цѣли — не беремся рѣшить; но выполняя оную, часто жертвовалъ онъ главнымъ: занимательностію самаго романа. — *Христина и дворъ ея, историческій романъ XVIII столѣтія*, соч. Фанъ-дерь-Фельде, пер. съ нѣмецкаго С. де-Шаплезь. О семь переводѣ мы должны бѣ были повторить то же, что сказано нами о переводѣ Карла Смѣлаго. Замѣтимъ еще, что Г. де-Шаплезь иногда неправильно употребляетъ рускіе глаголы; такъ напр. *встать* вмѣсто *стать*. Глаголы сіи выражаютъ не совсѣмъ одно дѣйствіе, и потому не должны быть принимаемы одинъ за другой. Мы говоримъ: онъ *всталъ* съ мѣста, и *сталъ* на мѣсто. — *Повѣсти для дѣтей*, ч. 3. О первыхъ двухъ часяхъ говорено было въ про-

шлогоднемъ Обозрѣніи; нынѣшняя 3-я часть отличаетъ шѣмъ же хорошимъ выборомъ повѣстей и шѣмъ же прекраснымъ слогомъ. — *Повѣсти и литературные отрывки*, издан. Г. Полевымъ. Продолженіе шѣхъ, о которыхъ также упомянуто въ Обозрѣніи прошлаго года. Мнѣніе мое о выборѣ и переводѣ оспается прежне.

Послѣ переводовъ собственнo-литературныхъ, упомянемъ еще о двухъ историческихъ книгахъ, переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ. Первая изъ нихъ: *Состояніе Россійской Державы и великаго Княжества Московскаго, съ 1590 по Сентябрь 1606 года, соч. Капитана Маржерета*, донынѣ извѣстна была любителямъ отечественной Исторіи большею частію по отрывкамъ, приводимымъ въ видѣ историческихъ ссылокъ незабвеннымъ

нашимъ Исторіографомъ Карамзи-
нымъ и другими писателями. Немно-
гіе могли читашь сочиненіе Марже-
рета вполнѣ, ибо книга его сдѣла-
лась нынѣ рѣдкою даже въ самой
Франціи. Переводчикъ обогатилъ сію
книгу извѣстіемъ о жизни Маржере-
та, примѣчаніями на нѣкоторыя мѣс-
та его сочиненія, ссылками на дру-
гихъ писателей того времени и пр.;
и шѣмъ придавъ еще болѣе цѣны се-
му историческому памятнику XVII
вѣка. — Другая, неменѣе важная кни-
га, есть второй томъ *Исторіи древ-
ней и новой литературы*, соч. Фрид-
риха Шлегеля, перев. съ нѣмецкаго.
О первомъ томѣ сего перевода ска-
зано было въ прошлогоднемъ Обзорѣ-
ніи; тамъ же замѣчено было, что
переводчикъ излишне придерживает-
ся нѣмецкой конструкціи періодовъ,
вредящей ясности слога. Перевод-

чикъ, видно, не обратилъ вниманія на сіе замѣчаніе доброжелательства: въ второй томъ Шлегелевой Исторіи литературы переведенъ также, какъ и первый; и ошъ сего полезное, почти необходимое для молодыхъ литераторовъ сіе швореніе сдѣлалось на рускомъ языкѣ Сивиллиною книгой, копорую должно читать съ шолкованіемъ или съ догадками собственнаго ума. Такимъ способомъ не должно переводить книгъ, особливо историческихъ или теоретическихъ, шребующихъ внимательной яености изложенія. Языкъ рускій гибокъ и способенъ принимать почти всѣ формы чужезычныя; но изъ шого не слѣдуетъ, чтошъ мы могли швенравно употреблять во зло помянутыя свойства его. Часто логическая швязь рѣчи въ иностранномъ языкѣ, при переводѣ слово въ слово на рускій,

дѣлается сущою безсмыслицей. У насъ нерѣдко восплавали пропивъ *галлицизмовъ*; но *германизмы*, особливо періоды нѣмецкаго языка, споль же несвойственны нашему природному; зачѣмъ же ихъ придерживашься шамъ, гдѣ они не составляютъ какого-либо особеннаго намѣренія, а просто сущъ слѣдствіе необходимости для писателя нѣмецкаго? Мнѣ возразятъ, можетъ быть: «какимъ же образомъ избѣжать сего?» — Но развѣ какое-либо сочиненіе, особливо важное, переводится слово по слову? переводчикъ долженъ сперва обдумать мысль автора въ подлинникѣ, разсмотрѣть ее со всѣхъ сторонъ, примѣниться къ намѣренію, съ коимъ она выражена, и шакъ сказать, напишашься ею; пошомъ снова передумать ее по-русски, спросить самого себя, какъ бы онъ выразилъ ее,

не перевода, а сочиняя на своемъ природномъ языкѣ, — и уже тогда передавать ее, словами шочными и въ выраженіяхъ ближайшихъ, но не рабски слѣдуя за словосочиненіемъ подлинника. Образцемъ сего искусства въ прелажаніи служилъ намъ Жуковскій: слогъ его измѣняешся по свойству слога каждаго изъ переводимыхъ писателей; и при всемъ томъ, чистота и ясность рускаго языка соблюдены вездѣ съ самою строгою оппечливостію. Онъ какъ будто бы не переводилъ иностранныхъ писателей, а передавалъ имъ свое знаніе рускаго языка и заставлялъ ихъ говорить на ономъ. Конечно, не всемогущи доведши искусство сіе до такого совершенства: но почему же не стараться приблизиться къ нему по возможности? «Худой шотъ солдатъ, который не надеется бытъ

генераломъ, • говариваль безсмерпный нашъ полководецъ, примѣръ и пушеводительная звѣзда другаго, почти столь же великаго полководца.

Отъ переводовъ историческихъ обратимся къ рускимъ сочиненіямъ по части Исторіи. Сочиненія сіи были весьма немногочисленны. Можно упомянуть объ *Историческихъ запискахъ Адьюнкта Крылова*, сообщающихъ предварительныя свѣдѣнія, необходимыя при изученіи Исторіи; о *Правой грамотѣ по вотчинному дѣлу*, въ 1559 году производившемуся, какъ о памятникѣ нашего судебнаго порядка въ XVI вѣкѣ; о *Последней войнѣ съ Турціею*, представляющей въ маломъ объемѣ событія, ознаменовавшія войну 1828—1829 годовъ, и оканчивающейся Адрианопольскимъ мирнымъ договоромъ; наконецъ, о 1-мъ и 2-мъ томахъ *Исторіи Рускаго народа*, соч.

Г. Полевымъ. Еще при объявленіи о сей послѣдней, многіе удивились ея заглавію и спрашивали другъ у друга: что значить *Исторія Рускаго народа*? развѣ народъ сей былъ всегда кочевымъ и не имѣлъ поспояннаго опечесшва, кошорымъ бы можно было наречь его исторію? или онъ всегда управлялъ самъ собою демократически, и не имѣлъ такого образа правленія, къ кошорому бы можно было отнести его быпописанія? « Успокойтесь, » отвѣчали услужливые шакалы поваго историка, подрядчики славы и раздаватели знаменитости: « успокойтесь: *Исторія Рускаго народа* раскроетъ передъ вами цѣлую жизнь сего народа, его духъ, нравы, обычаи и политическія перемѣны, послѣдовавшія съ нимъ въ разные времена. » Слушали; и хопя не убѣдились, но успокоились и ждали:

« Вошь закипнѣтъ, вошь пошчасъ загорнѣтъ! »

Ждали и дождались перваго шома; прочли предисловіе, и въ хаосѣ мыслей, конхъ нипѣ безпресшанно разрываешся и нигдѣ не связываешся, узнали глубокую истину, что человекъ « въ началѣ безусловно « *видитъ*, чувствувешъ, понимаешъ, « *вѣришъ*, » а послѣ начинаешъ дѣйствовашъ умомъ; шо есть: что онъ сперва бываешъ ребенкомъ, а послѣ взрослымъ человекомъ. Все это высказано весьма пространно и такимъ языкомъ, кошорый похожъ на вѣщанія древнихъ Оракуловъ. Наконецъ приступили къ чтенію самой Пешорин. Здѣсь, кромѣ нѣсколькихъ маловажныхъ догадокъ, вводныхъ чужихъ мнѣній, часто вовсе неотносящихся къ дѣлу, и безпресшанныхъ прошиворѣчій Карамзину, прошиворѣчій, выраженныхъ иногда съ неумѣстною заносчиво-

сшію — не нашли ничего новаго. Все шо же, что и у прежнихъ историковъ: ни одной свѣжей мысли, ни одной основательной догадки. Въ прошиворѣчіяхъ Карамзину, новый историкъ часто прошиворѣчишь и самому себѣ, особливо опносительно къ Хронологіи; прошиворѣчишь и въ помѣ, что взявшись писать *исторію народа*, нигдѣ не выводилъ его на сцену, какъ существо самобытное. Такъ напр., рассказывая, что Ярославъ, оскорбившій Новгородцевъ убіеніемъ нѣсколькихъ изъ знатнѣйшихъ согражданъ ихъ, и попомъ явившійся на вече съ умиленіемъ и слезами, не шолько былъ ими прощенъ, но получилъ опъ нихъ вспомошательное войско прошивъ врага своего Свяшополка (смопри ш. 1-й, сшр. 244—245). Что же побудило Новгородцевъ къ сему снизхожденію? личная предан-

ность Ярославу, или разсчесть народ-
ной полишки? Объ эпомъ ни слова
не сказалъ новый историкъ и упомя-
нувъ слегка о семъ важномъ событіи,
оставилъ разрѣшеніе онаго на волю
Божію. Такихъ поверхностныхъ по-
вѣствованій очень много (и едва ли
не всѣ они таковы) въ этой исто-
рін: почему жь она *Исторія рускаго
народа?*

Вшорый томъ начинается взглядомъ
на Европу, современную началу удѣль-
ной системы въ Россіи. Эпошъ взглядъ,
и весь эпошъ томъ, можно названъ
собраніемъ замѣчаній, разсужденій и
мцній Нибура, Гизо, Тьерри и другихъ
новѣйшихъ историковъ иностраннхъ:
все сіе выписано и сшито на удачу;
никакой системы, никакого единства
воззрѣнія въ эпошъ сборникъ своего
и чужаго, изпещренномъ въ добавокъ
частыми намеками на Исторію Го-

сударства Россійскаго и усильными придирами къ ея показаніямъ. Слогъ новаго историка также пестръ, какъ и самая его исторія: иногда онъ спускается до самаго плоскаго прозаизма, до выраженій низкихъ и обласпныхъ; иногда вовсе неожиданно поднимается на ходули и напыщается спраннымъ образомъ. Таковъ онъ, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ: «Нива судебъ Божіихъ была глубоко вспахана, прорѣзана глубокими браздами, и засѣяна сѣменами пучными и свѣжими. Какъ снѣгъ, благошворный прозябенію, пали на нее Средція Времена, вѣка варварства, пшмы правспвенной, хлада и оцѣпентнія общеспвенной жизни, подъ коими паились первенцы новой весны челоѳчества. Такимъ образомъ, цѣпь бышія, соединявшая мѣръ древній и мѣръ новый, не была разорвана;

« въ слѣдствіе сего , тамъ гдѣ древле
 « все цвѣло и зеленѣло , должно было
 « прежде другихъ спранъ возникнуть и
 « процвѣсть новымъ злакамъ. » (Истор.
 Р. Нар. , т. 2-й , стр. 12—14). Подоб-
 ный мѣста перѣдки въ этой Исто-
 рии , и сему не должно удивляться :
 въ новомъ историкѣ нѣтъ краснорѣ-
 чія истиннаго , душевнаго , и попо-
 му онъ гоняется за надушими фра-
 зами , хочешь замѣнишь дѣльное суж-
 деніе блестящею мыслью (разумѣется ,
 по его мнѣнію) и напрягаешь силы
 свои , чтобы попомъ разрѣшишься
 опривистою безсмыслицей. Другая
 странность его состоятъ въ исто-
 рическомъ скептицизмѣ : онъ сомнѣ-
 вается во многихъ преданіяхъ , сохра-
 ненныхъ намъ лѣтописями , и даже въ
 сказкахъ , не требующихъ опровер-
 женія дѣльнаго , явныхъ съ перваго
 взгляда ; но не менѣе того сообща-

ющихъ намъ понятіе о духѣ тогдашнихъ Россіянь и о вымыслахъ ихъ воображенія. Покрайней мѣрѣ, историкъ - скептикъ не долженъ бы самъ выдавать шпозезъ за истины положительныя. Откуда Г. Полевой знаетъ навѣрное, что Варяги плавали древле къ берегамъ Америки (См. III. 2. стр. 32)? — Не знаемъ, каковы будутъ послѣдующіе тома; можешь бышь, онъ лучше ихъ обдумаетъ (припомнимъ вопросъ его о Карамзинѣ: *когда же думалъ Историкъ*); но снн два первые тома невольнo приводятъ на память окончаніе басни, изъ коей былъ уже здѣсь выписанъ одинъ сннхъ :

« Надѣяла снница славы,
А мори не зажгла. »

Ксшати о вышешприведенномъ вопросѣ. Г. Полевой, дивясь въ критикѣ

***

своей на 12-й томъ Исторіи Государства Россійскаго тому, что первыя главы оной были уже переписаны на бѣло, тогда какъ вся книга не была еще кончена, заключаешь изъ этого, что Карамзину некогда было думать. Если заключеніе сіе выведено изъ помянутаго обстоятельства, то мы готовы согласиться съ Г. Полевымъ, что онъ больше думалъ въ пять лѣтъ, нежели Карамзинъ въ двадцать пять; и въ доказательство, Г. Полевой можетъ сослаться на то, чему всѣ повѣряютъ безъ труда, т. е. что онъ печатаетъ *Исторію Рускаго народа* съ черновыхъ своихъ шестрадей.

О. Сомовъ.

ПОСЛѢДНІЙ КВАРТЕТЬ

БЕЕТГОВЕНА.

Я былъ увѣренъ, что Креспель помѣшался. Профессоръ утверждалъ противное. «Есть люди,» сказалъ онъ, «съ которыхъ природа или особеными обстоятельствомъ сорвали завѣсу, за кошкою мы пошухоньку занимаемся разными сумасбродствами. Они похожи на тѣхъ насѣкомыхъ, съ которыхъ анапомиситъ, снимая перепонку, обнажаетъ движеніе ихъ мускуловъ. Что въ насъ мысль, то въ Креспель дѣйствіе.»

Гоффландъ.

1827 года весною, въ одномъ домѣ въ предмешии Вѣны, нѣсколько любителей музыки разыгрывали новый квартетъ Беегговена, шолько что

вышедшій изъ печати. Съ изумленіемъ и досадою слѣдовали они за безобразными порывами ослабѣвшаго гения; такъ измѣнилось перо его! Исчезла прелесть оригинальной мелодіи, полной поэтическихъ замысловъ; художническая опѣлка превратилась въ кропотливый педантизмъ бездарнаго констрапунктиста, огонь, который прежде пылалъ въ его быстрыхъ *аллегро*, и поспешенно усиливаясь, кипячею лавою разливался въ полныхъ, огромныхъ созвучіяхъ, превратился въ рядъ непонятныхъ диссонансовъ; а оригинальныя, шутливыя темы веселыхъ менуэтовъ въ скачки и прели, невозможныя ни на какомъ инструмента; вездѣ ученическое, недостигающее стремленіе къ эффектамъ, несуществующимъ въ музыкѣ, вездѣ какое-то темное, не понимающее себя чувство; и это былъ все шопъ

же Беепговень , шопъ же , кошораго
 нмя вмѣспть съ именами Гайдена и
 Моцарша Тевшонецъ произносишь съ
 воспоргомъ и гордостію! — Часто,
 приведенные въ опчаяніе безсмыслицею
 сочиненія , музыканшы бросали смыч-
 ки и готовы были спросишь : не
 насмѣшка ли эшо надъ твореніями
 безсмершнаго? Одни приписывали у-
 падокъ его глухошть , поразившей Бееп-
 говена въ послѣдніе годы жизни; дру-
 гіе сумасшествію , шакже иногда обра-
 чавшему егѣ шворческое дарованіе —
 но они скоро снова принимались за
 смычки , и изъ почшенія къ прежней
 славѣ знаменишаго симфониста , какъ
 бы прошивъ воли продолжали играшь
 его непоняшное произведеніе.

Вдругъ дверь опворилась и вошель
 человекъ въ черномъ сюрпукѣ , безъ
 галстуха , съ разшрепанными волоса-
 ми ; глаза его горѣли , — но шо былъ

огонь не дарованія; — лишь нависшія, рѣзко обрѣзанныя оконечности лба показывали необыкновенное развитіе музыкальнаго органа, которымъ шакъ восхищался Галль, разсматривая голову Моцарта. — Онъ вошелъ тихо, заложивъ руки на спину и приблизился къ играющимъ. Присутствующіе съ почтеніемъ уступили ему мѣсто; онъ наклонялъ голову то на шу, то на другую сторону, стараясь вслушаться въ музыку; но тщетно: слезы градомъ покапались изъ глазъ его. Тихо отошелъ онъ опять играющихъ и сѣлъ въ отдаленный уголь комнашы, закрывъ лице свое руками; — но едва смычокъ перваго скрипача завизжалъ возлѣ подставки на случайной нотѣ, прибавленной къ *септимъ-аккорду*, и дикое созвучіе отдалось въ удвоенныхъ нотахъ другихъ инструментовъ, какъ несчастный встре-

пенулся, закричалъ: « Я слышу! я слышу! » въ буйной радости захопала въ ладоши и зашопала ногами.

— « Лудвигъ! » сказала ему молодая дѣвушка, вслѣдъ за нимъ вошедшая. « Лудвигъ! пора домой, мы здѣсь мѣшасмъ! »

Онъ взглянулъ на дѣвушку, понялъ ее и не говоря ни слова, побрелъ за нею, какъ ребенокъ.

На концѣ города въ четвертомъ этажѣ стараго каменнаго дома есть маленькая душная комната, разделенная перегородкою. Поспеля съ разодраннымъ одѣяломъ, нѣсколько пуковъ ношной бумаги, остатокъ фортепiana — вотъ все ея украшеніе. Это было жилище, это былъ мiръ безсмертнаго Бешговена. Во всю дорогу онъ не говорилъ ни слова; но когда они пришли, Лудвигъ сѣлъ на кроватку, взялъ за руку дѣвушку и

сказаль ей : «Добрая Луиза ! ты одна меня понимаешь, ты одна меня не боишься, тебѣ одной я не мѣшаю... Ты думаешь, что всѣ эти господа, которые разыгрываютъ мою музыку, понимаютъ меня : ничего не бывало ! Они думаютъ, что я ослабѣваю, — я даже замѣнилъ, что нѣкоторые изъ нихъ улыбались, разыгрывая мой квартетъ — воистинный признакъ, что они меня никогда не понимали ; напротивъ, я теперь только спалъ истиннымъ, великимъ музыкантомъ : идуци, я придумалъ симфонію, которая увѣковѣчитъ мое имя ; напишу ее и сожгу всѣ прежнія. Въ ней я превращу всѣ законы гармоніи, найду эффекты, которыхъ до сихъ поръ никто еще не подозрѣвалъ : я построю ее на храматической мелодіи двадцати лшавръ, я введу въ нее аккорды сошши колоколовъ, настро-

енныхъ по различнымъ камеръ-тонамъ, ибо, » прибавилъ онъ шополомъ — «я скажу тебѣ по секрету: когда ты меня водила на колокольню, я открылъ, чего прежде никому въ голову не приходило, я открылъ, что колокола есть самый гармоническій инструментъ, который съ успѣхомъ можетъ быть употребленъ въ пинхомъ адажіо. Въ финаль я введу барабанный бой и ружейные выстрѣлы, — и я услышу эту симфонію, Луиза!» возкликнулъ онъ видѣ себя ошъ восхищенія: «надѣюсь, что услышу, » прибавилъ онъ, улыбаясь, по нѣкопоромъ размышленіи. — Помнишь ты, когда въ Вѣнѣ, въ присушествіи вѣхъ Вѣнчанныхъ Главъ свѣпа, а управлялъ оркеспроемъ моей Ваперлооской бапаліи? Тысячи музыканшовъ, покорные моему взмаху, двѣнадцать канельменспровъ, а кругомъ бапальон-

ный огонь, пушечные выстрѣлы... О! это до сихъ поръ лучшее мое произведеніе, не смотри на этого педанша Вебера (*). — Но то, что я теперь произведу, займешь и это превосходное произведеніе. — Я не могу удержаться, чтобы не дать себѣ о немъ понятія. »

Съ сими словами Беепговетъ подошелъ къ фортепiano, на которомъ не было ни одной цѣлой струны, и съ важнымъ видомъ, ударилъ по пушымъ клавишамъ; однообразно спущали онъ по сухому дереву разбишаго инструмента, а между тѣмъ самыя трудныя фуги въ 5 и 6 голосовъ проходили чрезъ всѣ шансища

(*) Готфридъ Веберъ (котораго не должно смѣшивать съ сочинителемъ *Фрейшица*) сильно криковалъ въ своемъ Журналь, Целилія: *Wellingtons Sing*, слабѣйшее изъ произведеній Беепговета.

контрапункта и сами собою ложились подъ пальцами творца Эгмонша и онъ старался придашь какъ можно болѣе выраженія своей музыкѣ; — вдругъ сильно, цѣлою рукою покрывъ онъ клавиши и остановился.

— «Слышишь ли?» сказалъ онъ Луизѣ: «вошь аккордъ, котораго до сихъ поръ никто еще не осмѣлился употребить. — Такъ! я соединю всѣ тоны хроматической гаммы въ одно созвучіе и докажу педантамъ, что эшошь аккордъ правиленъ. — Но я его не слышу, Луиза, я его не слышу! Понимашь ны, что значить не слыхашъ своей музыки! — Однако жъ мнѣ кажется, что когда я соберу дикіе звуки въ одно созвучіе, — то оно какъ будто опадася въ моемъ ухѣ; и чѣмъ мнѣ грустнѣе, Луиза, тѣмъ больше нотъ мнѣ хочется прибавить къ *септиму-аккорду*, котораго ис-

шинныхъ свойствъ никшо не понималъ до меня. — Но полно! — можешъ бышь я наскучилъ тебѣ; какъ всешь теперь скучаю. — Только знаешъ, что? за такую чудную выдумку мнѣ можно наградить себя сегодня рюмкой вина. Какъ ты думаешъ объ эшомъ, Луиза? »

Слезы навернулись на глазахъ бѣдной дѣвушки, которая одна изъ всехъ ученицъ Беепговена не оставяла его, и подь видомъ уроковъ, содержала его прудами рукъ своихъ: она дополняла ими скудный доходъ, полученный Беепговеномъ опъ своихъ сочиненій. Вина не было! едва оставалось нѣсколько грошей на покуйку хлѣба! — Но она скоро отвернулась опъ Лудвига, чтобъ скрыть свое смущеніе, налила въ спаканъ воды и поднесла его Беепговену.

— « Славный рейнвейнъ! » говорилъ онъ, опшивая понемногу съ видомъ

знапка. « Королевскій рейнвейнь !
эпо шочно изъ погреба моего ба-
пюшки, блаженной памяти Фриде-
рика — я эпо вино очень помню !
оно ошо дня спановишся все лучше
— эпо признакъ хорошаго вина ! » —
И съ сими словами, охриплымъ, но
вѣрнымъ голосомъ онъ запѣлъ свою
музыку на извѣстную пѣсню Гётева
Мефистофиля :

Es war einmal ein König
Der hatt' einen großen Floh —

но прошивъ воли, часто сводилъ ее
на таинственную мелодію, которою
Беепговень объяснилъ Миньону (*).

— « Слушай, Лунза, » сказала онъ
наконецъ, отдавая ей стаканъ : « ви-
но подкрѣпило меня и я намѣренъ ше-

(*) Kennst du das Land, etc.

бѣ сообщить нѣчто, что мнѣ уже давно хотѣлось и не хотѣлось тебѣ сказать: знаешь-ли, мнѣ кажется— что я ужь долго не проживу — да и что за жизнь моя? — это цѣль безконечныхъ перзаній. Опъ самыхъ юныхъ лѣтъ я увидѣлъ бездну, разделяющую мысль опъ выраженія; увы! никогда я не могъ выразить души моей; никогда того, что предсказывало мнѣ воображеніе, я не могъ передать бумагъ; напишу ли? — играють? — не то! не только не то, что я чувствовалъ, даже не то, что я написалъ. — Тамъ пропала мелодія опъ того, что низкій ремесленникъ не придумалъ поставитъ лишняго клапана; тамъ несносный волпориистъ заставляетъ меня передѣлывать цѣлую симфонію опъ того, что его волпориа не выдѣлываетъ пары басовыхъ нотъ, то

скрипачъ убавляешъ необходимый звукъ въ аккордѣ отъ того, что ему трудно брать двойныя ноты. — А голоса, а пѣніе — речетиціи орашорій, оперь! — О! эшопть адъ до сихъ поръ въ моемъ слухъ! — Но я тогда еще былъ счастливъ: иногда, я замѣчалъ, на безмысленныхъ исполнителей находило какое-то вдохновеніе, я слышалъ въ ихъ звукахъ что-то похожее на шемную мысль, западавшую въ мое воображеніе — тогда я былъ внѣ себя, я исчезалъ въ гармоніи, мною созданной. Но пришло время, мало помалу тонкое ухо мое спало грубѣе: еще въ немъ оснавалось довольно чувствительности, чтобы слышать ошибки музыканшовъ, но оно закрылось для красоты; мрачное облако его обьяло — и я не слышу болѣе моихъ произведеній, не слышу, Луиза: въ моемъ воображе-

ни посятся цѣлые ряды гармоническихъ созвучій, оригинальныя мелодіи пересѣкають одна другую, сливаясь въ таинственномъ единствѣ, — хочу выразишь — все исчезло: упорное вещество не опдаешъ мнѣ ни единого звука, — грубыя чувства уничтожаютъ всю дѣятельность души. О! что можетъ быть ужаснѣ этого раздора души съ чувствами, души съ душею: зараждашь въ головѣ своей пворческое произведеніе и еже-часно умираешь въ мукахъ рожденія! — Смерть души! — какъ страшна, какъ жива эша смерть!

«А еще эпонгъ безсмысленный Гопфридъ вводилъ меня въ пустыя музыкальныя пляжбы, заставляешъ меня объясняшь, почему я въ шомъ или другомъ мѣсцѣ употребилъ шакое и шакое соединеніе мелодіи, шакое и шакое сочетаніе инструментовъ,

когда я самому себѣ этого объяснить не могу! Эти люди будто знаютъ, что такое душа музыканта, что такое душа человѣка? Они думаютъ: ее можно обкроить по выдумкамъ ремесленниковъ, работающихъ инструменты, по правиламъ, которыя на досугъ изобрѣтаешь засушенный мозгъ теоретика... Нѣтъ! когда на меня приходитъ минута восторга, тогда я увѣряюсь, что такое превратное состояніе искусства продлиться не можетъ, — что новыми, свѣжими формами замѣнятся обветшалыя, что все нынѣшніе инструменты будутъ оставлены и мѣсто ихъ замѣнятъ другіе, которые въ совершенствѣ будутъ исполнять произведенія гениевъ, что наконецъ исчезнетъ нелѣпое различіе между музыкою писанною и слышимою. Я говорилъ гг. профессорамъ объ этомъ, — но

* *

они меня не поняли, — какъ не поняли силы, копорою я обладаю въ минушу воспорга; какъ не поняли того, что тогда я предупреждаю время и чувствую по внушренимъ законамъ природы, еще не замъченнымъ просилоудинами и мнѣ самому въ другую минушу непоняшимъ. — Глупцы: въ ихъ холодномъ воспоргѣ, они въ свободное онъ заняшій время выберуть шему, обдѣлають ее, продолжатъ и не преминуть потомъ повторить ее въ другомъ шонѣ; здѣсь по заказу прибавятъ духовые инструмены, или странный аккордъ, надъ копорымъ думаютъ, думаютъ, и все это шакъ благоразумно общо-чатъ, облизуть; — что хонятъ они? я не могу шакъ работашъ. Сравниваютъ меня съ Микель Анжеломъ — но какъ работашъ пворецъ Моисея? въ гнѣвѣ, въ ярости, онъ сильными

ударами молота ударялъ по недвижному мрамору и по неволѣ заспавлялъ его выдавать живую мысль, скрывающуюся подъ каменную оболочкою. — Такъ и я! я холоднаго восторга не понимаю! Я понимаю шопть восторгъ, когда цѣлый міръ для меня превращается въ гармонію, всякое чувство, всякая мысль звучитъ во мнѣ, всѣ силы природы дѣлаются моими орудіями, кровь моя кипитъ въ жилахъ, дрожь проходитъ по тѣлу и волосы на головѣ шевелятся!... Но все это тщетно! силы мои слабѣютъ — голова больна: все, что ни думаю, все смѣшивается одно съ другимъ, все покрыто какою-то завѣсою. — Я бы хотѣлъ, Луиза, передать тебѣ послѣднія мысли и чувства, которыя хранятся въ сокровищницѣ души моей, чтобы они не пропали.... Но что я слы-

шу?...» Съ сими словами Беешговень вскочиль и сильнымъ ударомъ руки разшвориль окно, въ которое изъ ближняго дома неслись гармоническіе звуки.— « Я слышу! » возкликнулъ Беешговень, бросившись на колѣна и съ умиленіемъ пропянулъ руки къ раскрытому окну: — « это симфонія Эгмонша: — шакъ, я узнаю ее — вошь дикіе крики биввы, вошь буря спрасшей, она разгорается, кипитъ — вошь ся полное развишье — и все упихло, остаешя лишь лампада, которая гаснешъ, гаснешъ, — пошухаетъ — но не навѣки...» Снова раздались прубные звуки: цѣлый мѣръ ими наполняешя и шикшо заглушитъ ихъ не можешъ...»

На блистательномъ балѣ одного изъ Вѣнскихъ Министровъ, толпы людей сходились и расходились.

— « Какъ жаль! » сказала кто-то: « театральнй капельмейстеръ Бешговень умеръ, и говоряшь, не на что похоронить его. » —

Но эпошь голосъ потерялся въ толпѣ: всѣ прислушивались къ словамъ двухъ дипломатовъ, которые шолковали о какомъ-то спорѣ, случившемся между кѣмъ-то во дворцѣ какого-то нѣмецкаго Князя.

ь. з. й.

О Т Р Ы В К И

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Двѣ пѣвицы.

Вчера двѣ молодыя пѣвицы оживляли мою обитель своими свѣжими голосами. Одна, образованная дочь съвера, получила въ звучной Италіи свое музыкальное воспитаніе. Другая, рожденная въ опечесшѣ согласныхъ звуковъ, тамъ росла и училась пѣть и любить. Обѣ изливали съ робостью звуки по блещательные, по нѣжные. Съверная пѣвица, повиная матери, подошла къ форте-

піано, взглянула на родныхъ, искала ободрительныхъ и дружескихъ взоровъ, и увѣрясь въ снизхожденіи слушателей, покраснѣла, улыбнулась и заплѣла; грація и робость играли въ ея звукахъ, какъ вѣшній вѣтеръ въ душистыхъ кустахъ. Заплѣла послѣ молодая Римлянка: лице ея вдругъ задернулось блѣдностью, брови черныя, легко поднявшіеся, изъяснили спраданіе; уша побѣлѣли; голосъ задрожалъ, но какъ пронупая струна, и вдругъ.... быспро пошекли звукъ за звукомъ, чувшво за чувшвомъ, какъ будшо бы ея душа и голосъ склонялись подъ неизбѣжной, роковой гармоніей... Неужели здѣсь, въ Италіи, и застѣнчивость подъ вліяніемъ спрасши?

А Н І О

(*нынѣ Твероне.*)

Шумный Аніо, любимецъ живописцевъ, богатый роскошными водопадами, раждается въ горахъ, устьянныхъ душистой, запацвѣтнѣющей генистой: по журчитъ въ злчныхъ долинахъ, подъ стѣною гибкихъ ипальянскихъ шополей, или лѣсовъ каштановыхъ, ясенныхъ, дубовыхъ; по вершитъ колеса и двигаетъ многосложныя машины; по пѣтнпся и бушуетъ по разбросаннымъ камнямъ, падшимъ съ вершины скаль. Тутъ, подъ высокимъ монастыремъ, онъ какъ будто шепчетъ о тайныхъ изнуреніяхъ и молитвахъ Св. Венедикта; тамъ воешь подъ развалинами Виллы кроваваго и теапральнаго Перона; далѣ, подъ влажною

пѣнью, скицуетъ, накидываетъ (*) свой первый водопадъ и шанштвенно бесѣдуетъ съ любовниками изящнаго; далѣе, продирается сквозь горы, копаются въ пещерахъ, и вдругъ, передъ храмомъ Сивиллы, валился со скаль снѣжнымъ пошомомъ, бѣжитъ по прорицательной долинь и съ долгимъ ревомъ уходитъ въ землю, какъ звѣрь въ берлогу. Тамъ онъ своевольно роетъ себѣ мшистая кашакомбы, но, презирая мрачный конецъ, пробиваетъ себѣ нѣсколько пущей и является на солнцѣ, какъ полное произведеніе творческаго генія, какъ полубогъ въ мигъ апошозы. Семь водопадовъ орошаютъ роскошные холмы и дымятся надъ долиной, гдѣ разоспано все богатство при-

---

(*) Одно изъ двухъ словъ, *ad libitum*. Первое, какъ новое, требуетъ аукшоризма.

роды италъянской, и въ непрестанномъ волненіи, вѣчно тушь бушуютъ хоромъ, рассказывая про дѣянiя Тибурскія. Такъ на греческой сценѣ стоялъ неподвижный хоръ и открывалъ зрителямъ пайну мысли, души, преданій и предчувствій. Аніо, увѣнчанный именами таинственной Сивиллы, свѣтлаго Горація, изящнаго Мецената, игриваго и романтическаго Аріоста, удаляется отъ освященныхъ оливныхъ лѣсовъ и шепчетъ тише и тише, по молчаливымъ полямъ римскимъ, къ дѣду Тибру. Такъ, древле, удалцы - сосѣди новаго города прибѣгали въ Капитолійское убѣжище и покоряли буйныя главы свои подъ иго свѣжихъ и строгихъ законовъ.

Княгиня Зинаида Волконская.

МОНАСТЫРЬ СВ. БРИГИТЫ.

(*Повѣсть.*)

Ревель не покорился еще Швеціи. Двуглавый орелъ Римской Имперіи, осыненный чернымъ крестомъ Нѣмецкаго ордена, еще не уступилъ коронованному Льву (1) своего древняго мѣста на вѣропахъ Вышгорода (2). Но у городскихъ жителей не было согласія съ защитниками крѣпости. Рыцари по прежнему презирали гражданъ; а граждане, богаче ганзейскою торговлею, сильныя своею городскою спражей, уже не боялись рыцарей; рашуша смѣя-

лась повелѣніямъ Гермейстера, хотя онъ въ своихъ грамопахъ и не переставалъ величать ея членовъ *вѣрными, любезными и даже премудрыми.*

Когда возникла реформація, свѣтъ ея прежде озарилъ города, нежели замки. Въ Вышгородской кафедральной церкви Епископъ служилъ еще латинскую обѣдню въ присутствіи Комшура и рыцарской братіи; между тѣмъ кунечество, сидя на вѣсшихъ лавкахъ у Св. Николая, слушало, какъ присланный Лютеромъ проповѣдникъ сравнивалъ Папу съ блудницей Вавилонскою, и 7 холмовъ города Рима съ 7-ю головами змѣи въ Апокалипсисѣ.

Впрочемъ, сами рыцари безъ единоподушія защищали древнюю вѣру; многіе изъ нихъ уже отдавали предпочтеніе новой. Война между вла-

стями духовною и свѣтскою кипѣла въ Ливоніи сильнѣе, чѣмъ когда нибудь. Архіепископъ оплучалъ Гермейспера отъ церкви, а Гермейсперь осаждалъ замки Архіепископа, грабилъ его помѣстья.

Въ это смутное время, жилъ въ Ревель богатый Антоній Швальбергъ. Онъ былъ давнишній бургомистръ, и въ добавокъ — спаршина городскихъ пивоваровъ, следовашельно по тогдашнему, не послѣдній человекъ въ городѣ. Полицейская жизнь Швальберга заключалась въ слѣдующемъ: во дни собраній ратуши, онъ первый придетъ въ присутствіе, и важно утѣвшись на красномъ шерстяномъ мѣшкѣ, ждетъ, пока спанушь докладывать дѣло; потомъ, не пускаясь въ дальнія сужденія,

откашляется и скажетъ: я полагаю бы справишься съ прежними примѣрами. — Такимъ способомъ Швальбергъ прослылъ великимъ мудрецомъ. Онъ въ своей жизни даже ѣздилъ депутатомъ отъ Ревеля на Ганзейское собраніе въ Любекъ. Между нами будь сказано, его выбрали потому, что городъ, холодѣя къ союзу Ганзейскому, отправилъ депутата такъ — только для вида. Но Швальбергъ хвалился, что на этомъ союзѣ оказалъ своимъ согражданамъ существенную услугу: именно, онъ порядкомъ намылъ голову Любскому синдику за то — какъ, вопреки прежнимъ примѣрамъ, осмѣлились подать закуску депутату какого-то Вестфальскаго мѣстечка, прежде нежели ему, предсѣвителью именинаго города Остзейскаго.

По всему этому вы можете судить, что родился Антоний и в наше время, онъ вѣрно заслужилъ бы высокую степень уваженія. Уступчивый почти во всемъ, онъ былъ непреклоненъ, когда дѣло коснется до обычаевъ, освященныхъ стариною. На оспроколенномъ фасадѣ его дома, между бездной украшеній, нама- леванныхъ одно аляповатѣе другаго, торчала пребольшая бычачья голова; за нее бургомистръ отдалъ бы свою собственную — разумеется тогда, когда былъ немного навеселъ. Бычачья голова, любимый символъ преподобной Бригитты, украшала наследственный домъ Швальберга съ пѣхъ поръ, какъ его пращуръ, въ одной милѣ отъ Ревеля, построилъ монастырь Маріеншаль во славу Св. угодницы, и первый посригся шамъ въ монахи.

Въ семейномъ быту, бургомистръ Антоній, слѣдуя примѣру Августа Кесаря и другихъ людей великихъ, сосполялъ въ повиновеніи у своей сожительницы. Власть ея въ домѣ простиралась до того, что когда реформація усилилась въ Ревель, и супругъ, увлеченный подражаніемъ, вступилъ въ протестантство, упорная осталась при догматахъ вѣры католической; она старалась даже поселить ихъ въ малолѣпной, единственной дочери; безъ спросу ходила съ нею въ монастыри къ обѣдни, водила по игуменьямъ, и даже умирая, все бредила надеждою сдѣлать изъ нея чадо православной церкви. Но вдовець одинъ разъ въ жизни рѣшился пославить на своемъ. Онъ воспитывалъ дочь свою въ лютеранствѣ; впрочемъ — любилъ ее безъ памяти.

И кто бы могъ не любить обворожительной Авроры? — Не пошому, почтенные чашатели, чтобы она была красоты несравненной. Напрощивъ — нашъ взыскашелейный вѣкъ нашель бы вѣрояшно ножку ея не очень маленькою, росшь не очень воздушнымъ, взоръ не довольно мечшательнымъ. Нѣтъ! Ревельская красавица плѣняла полнымъ своимъ спаномъ, румяными ланипами, веселою, доврчивой улыбкою. Неужели и только? спрашиваете вы? — Терпѣнье! Аврора восхищала своимъ пріятнымъ голосомъ; и не одинъ ревельскій витязь брался выпить за-разъ полную чарку допелькюммеля, коли по слуху не узнаеть ея въ церковномъ хорѣ. Аврора была образецъ благонравія; но живость ея пѣлодвиженій напоминала иногда о пылкомъ нравѣ мащери, и подь длинными рѣсницами

★ ★

шаился дремлющій огонь глубокаго чувства. Бѣда, когда несчастіе разбудитъ сей огонь.

И часто ревельскіе юноши, сходясь на попойку, шолковали объ Аврорѣ. Напрасно. Всему городу давно было извѣстно, что милая дѣвица любила молодаго золотыхъ дѣла мастера, Эрнесша Крузе; съ нимъ она воспиталась, и за него была помолвлена еще ребенкомъ, скоро по смерти мастера.

Былъ день именинъ бургомистра Антонія; молодой Крузе наканунѣ прислалъ ему въ подарокъ серебряный кубокъ своей работы; на одной изъ сторонъ изображена была Св. Бригида, а подъ ней на коленяхъ человекъ, усердно кланявшійся въ

землю. — Крузе едва проснулся, как вошелъ Чухна, звать его къ бургомистру. Для чего же шакъ рано?

— «Здорово, любезный, здорово» — закричалъ спарикъ, подымаясь на цыпочки, чшобы обнять юношу. — «Ну, славный же кубокъ! видно, что поспрудился; ты уже, я смекнулъ, прямо глядишь въ большую гильдію... Только знаешь? ты мастерски изобразилъ моего незабвеннаго прапрадѣда, какъ онъ возитъ Бригиттѣ земные поклоны. Но жаль, что не разулъ его босикомъ и не поставилъ пары сапогъ поопдалъ. Именно шакъ, мой милый, вырѣзано на монастырской печати. Такихъ важныхъ вещей перемѣнять не слѣдуетъ (3).»

Между тѣмъ какъ юноша возражалъ, какъ могъ, на эту умную крипику, черпы старика принимали другое выраженіе. Онъ опустился съ

важностію въ дубовыя кресла, погладилъ свое крупное брюхо, и кивнулъ Эрнесу състь.

— «Теперь слушай, молодой чело-вѣкъ,» сказалъ онъ. «У меня есть для тебя новость важнѣе, чѣмъ ты думаешь. Радость и печаль въ одно время. Коротко сказать: ты долженъ выѣхать изъ Ревеля.» — Эрнесъ осполбенѣлъ. — «Да,» продолжалъ спарецъ; «прочти это письмо: оно изъ Любека отъ твоего роднаго дяди.»

Этотъ дядя, въ молодости удалившійся въ Германію, нажилъ богатое имѣніе. Онъ теперь писалъ, что овдовѣвъ бездѣшнымъ, желаетъ окончить дни свои въ Ревель, и зная о добромъ поведеніи своего племянника, зоветъ его къ себѣ, усроить съ нимъ дѣла свои за границею.

— «Ну, что жь ты призадумался? спросил Швальбергъ. «Колебаться нечего. Возьми здѣсь Ивановъ день, пошомъ на корабль, да съ Богомъ въ Любекъ.»

— «Аврора уже знаетъ объ эшомъ!» пасмурно спросилъ юноша.

— «Все у тебя Аврора. Она намъ не учишель. Я тебѣ полкую, что непременно надо отправиться. Пришомъ, дочь моя умна, много плакашь не будешь. Вѣдь тебѣ ѣхашь не въ когши къ Царю Ивану Грозному, а въ такую же Хрисціанскую землю, какъ и наша.»

Въ это время послышался легкій спукъ женскихъ каблуковъ, и Аврора въ бѣломъ плащницѣ, съ длиннымъ бархашнымъ шпенсеромъ, вошла — свѣжая какъ утро.

Ей принуждены были высказать все дѣло. Не испытавъ еще разлуки

ни съ кѣмъ близкимъ, бѣдняжка за-
крыла руками лице и захныкала, какъ
ребенокъ. Тутъ бургомиспръ, поше-
ривъ всю прежнюю важность, уса-
дилъ ее въ свои кресла, цѣловаль,
кликать: «Аврора! Авророчка, Аврор-
хень! не плачь, можно отперочипъ
пушешествіе, можно вовсе не ѣхать,
и ш. п. нѣжности.»

Но дѣвица была пверже своего от-
ца; побѣдивъ минутную слабость,
она осушила слезы и сказала: «Нѣтъ!
башюшка; пускай ѣдетъ, пусть ѣдетъ
немедленно, я знаю, это нужно ему.
А если Богъ судилъ мнѣ счастье,
мой Эрнесъ воропится безвреденъ.
Буди свяшая воля.»

Наступилъ день, предшешествующій
празднику Іоанна Крештителя (4).

Давно уже колоколь съ тонкой и высокой башни магнштрапа подалъ знакъ увеселеній. Народъ ликуешъ на живописныхъ висошахъ, окружающихъ Ревель. Цвьшущая ихъ зелень, пльнишельно для взора, сочешается съ лазурью широкаго залива, посреди которой мълководіи здѣсь и шамъ опшѣнены зеленою и фіолетовою краской. Чухонское племя оглашаетъ всѣ мѣста безумными кликами; оно радо шому, что благодаря упадку римской церкви, смѣешъ веселишься въ Ивановъ день, не заходя уже въ монастыри покупать грѣхоопущенія. — Насшала прозрачная іюньская почъ, и явилось новое зрѣлище: смолистые коспры огромнымъ освѣщеніемъ озарили все великое полукружіе высолъ, опъ веселаго Вимса до того лѣсисшаго берега, гдѣ утесы Тишерта зубчатою стѣною на-

висли надъ волнами. Запылало зарево на прошиволежащихъ островахъ, Наргенъ и Вульфъ; средину освѣщенія занимаетъ огонекъ, зажженный рукою смѣльчака на исполинской башнѣ св. Олая. — Скажешь, самое море не хотѣло посстыдиться въ сравненіи съ горами. Огненные ракеты лешають и лопаются надъ кораблями въ гавани, и купцы иноземные съ пѣснями гуляютъ въ освѣщенныхъ лодкахъ по заливу.

Въ толпѣ ликующихъ, бродилъ и нашъ Эрнестъ. Въ грустномъ восторгѣ смопрѣлъ онъ вокругъ, съ душою, полною предчувствій. «Пѣтухъ на башнѣ Олая!» мечпаль онъ про себя: «если бы въ самомъ дѣлѣ ты былъ вѣщунъ, какъ воображаютъ суевѣрные Эстонцы, я бы спросилъ себя: увижу ли вновь эту картину? скоро ли твой вѣрный маякъ будетъ

свѣтлѣ моему возвращенію на родину? (5) Густа завѣса будущаго. •

Вѣрно вы испытали, мои чувствительные читатели, что доска разлуки, подобно какъ и всякая душевная доска, имѣетъ свою сладость. Нѣтъ въ мірѣ такого обыкновеннаго человека, который бы въ минушу отъѣзда на чужбину, не сдѣлался занимательнымъ для нѣкопрыхъ, и для себя въ особенности. Душа его полна. Она научается дорожить нѣми предметами, на которые смотрѣлъ ежедневно съ равнодушіемъ. Всѣ сіи предметы на время должны какъ будто умереть для него. Онъ самъ какъ будто опжилъ одинъ вѣкъ бытія, и съ новыми надеждами начинаешь новый.

Что же послѣ этого долженъ былъ чувствовать молодой Крузе, когда его корабль удался по форваперу, и когда онъ въ послѣдній разъ завидѣлъ мановеніе блага плапка своей возлюбленной? Эрнестъ уже забылъ данное при прощаніи бургомистромъ порученіе — выписать изъ Голландіи хорошій рѣзной шкафъ для бѣлья и брачной ушвари. Изъ всей разлуки, онъ помнилъ одинъ спрашпный, мучительный поцѣлуй блѣднѣющей невѣсты. Счастливецъ! всѣ предметы представлялись ему сквозь слезы любви. Каждое зданіе въ городѣ, каждая рощица въ окрестностяхъ, привязывались къ цепи сердечныхъ воспоминаній. Даже надменные башни Вышгорода, на копорья онъ всегда считалъ за долгъ смолчать съ негодованіемъ, возбуждали въ немъ теперь непрощительную гнѣзность. Вотъ!

онѣ опустились въ водное лоно ; вслѣдъ за другими кануль *Германъ*, столь справедливо ошличенный прозваніемъ *Длиннаго* — шорчипъ одинъ шпиль св. Олая — но вошь ! . . . и онъ пропалъ за островомъ. Кончено — умеръ городъ Авроры ; ошалось въ живыхъ одно воспоминаніе.

Многимъ изъ людей благовоспитаннаго общества случалось ѣздить отсюда въ Любекъ на пароходъ. Можете спросить у нихъ, забавна ли буря на Балтійскомъ морѣ ? — Къ несчастію Эрнеста, сдѣлался такой шкваль, какого не могъ запомнить ни одинъ изъ старожилловъ. Море какъ будто взбуншовалось въ заговоръ съ воздухомъ. Въперъ въ самомъ Ревелѣ причинилъ опустошенія неслыханныя. Хорошо, что Петербурга не было въ то время ; иначе онъ весь былъ бы вѣрно зашопленъ. Не-

дѣли двѣ послѣ того, безпрестанно приходили вѣсти о погибшихъ. Наконецъ получено въ магистратѣ отношеніе отъ ратуши голландскаго города Висби; оно гласило слѣдующее: «Шкиперъ-де шакой-то, являсь къ намъ шакого-то числа на память св. Маргариты, показаль: что наканунѣ въ ночь разбилося недалеко отъ восточнаго мыса гамбургское судно *городъ Амстердамъ*, выѣхавшее тогда-то изъ Ревеля съ товарами въ Любекъ; что экипажъ весь попопулъ, исключая его шкипера и легавой собаки, издохшей отъ усталости, уже на берегу; что въ числѣ погибшихъ находились ревельскіе граждане: цѣховой мясникъ Гансъ, по прозванію *Калека*, цирюльникъ Андрей Шнурбартъ, золотыхъ дѣлъ подмастерье Эрнестъ Крузе (и еще именъ десятокъ). — Запѣлъ, помянутая рату-

ша, въ силу старинныхъ договоровъ о взаимной ошмѣнѣ береговаго права и пособіяхъ въ случаѣ кораблекрушенія, немедленно опрядила кого слѣдуешь, изловишь, буде возможно, шѣла и часшъ груза. Нѣсколько шѣлъ поймано лишь на 4-й день и шѣ всѣ изуродованныя; отъ груза же спасено 27 кулей липовскаго пшена и съ полсотни кадокъ русской икры; каковыя шовары, будучи попорчены, проданы на другой день съ молопка за полцѣны, а деньги выданы подъ разписку ревельскаго купца такогo-шо, • и проч. и проч.

Безмолвна Маріеншальская долина ; морской вѣтеръ легъ ; взошелъ осенній мѣсяць изъ-за высоты Шпрейтберга. Онъ свѣтнися въ водахъ из-

лучистой Бригишовки, и по ту сторону отдыхаетъ на бѣлющихъ стѣнахъ монастыря. Ничто не шелохнется. Одинъ чухонскій рыболовъ, проводя свою ладью между огромными камнями, разбросанными въ морѣ вокругъ рѣчнаго устья, напѣваетъ благозвучную народную пѣсню. Онъ мыслить: кто бы эта странная, закушанная женщина, кошорую вчера, споль же позднею порою, перевезъ онъ съ городского на монастырскій берегъ? — Что ему за дѣло? онъ получилъ съ нея много серебра, и обѣцалъ шайну. Пускай монахи къ концу года прійдутъ собирать подашь; онъ отдастъ имъ серебро, и сбережетъ семьѣ весь барышъ отъ ловли.

Между тѣмъ въ монастырь — не все еще спитъ. Правда, звуки органа не пошрясающъ сводовъ, и одна

лампада теплилася въ большой церкви предъ испуканомъ Апостола Петра въ панской шіарѣ. Но на женской половинѣ — суеша, движеніе. Освѣщены узорныя оконницы угловой сакриспін. Уже машь-наспояшельница взошла на свое мѣсто. Сеспры, держа въ рукахъ зажженныя свѣчи, стояшь двумя рядами и поюшь сипихи погребальныя. Чпò онѣ? хороняшь ошжившую сеспру? нѣшь—поспригаюшь новую. Діаконь по-лашынь прочель уже грамошу Епископа, кошпоруо разрѣшаенся немедленно поспричь нововспунувшую, пошому, чшо она совершила искусь въ домѣ родительскомъ. Падаюшь подъ ножницами шелковыя кудри; бѣлое покрывало широкими складками спускаенся на юное чело. Боже! какъ оно блѣдно! Съ поникшими глазами произносишь она страшныя обѣщы.

Въ заключеніе, духовникъ предлагаетъ послѣдній вопросъ: «Хриштова неvěста! ты должна забыть имя, которымъ звали тебя люди: скажи, какое имя хочешь имѣть у ангеловъ?» — Она, задремавъ, шепчетъ: «Эрнестина.»

Окончился обрядъ; разошлись монахини; и новой сестрѣ отвели келію, обращенную къ заливу. Всѣ дни остальной жизни желаетъ она встречать и провожать взглядомъ на море: въ его влажной могилѣ погребена ея любовь, ея земное счастье.

Минулъ почти годъ. Все спало уже въ Ревель, исключая часового, который сиповатымъ голосомъ кричалъ: «пробила полночь!» Но не спалъ бургомистръ; сидя въ верхнемъ жильѣ

своего дома, при лампадѣ, опъ въ ушѣшеніе опъ горести просмашриваль старыя пивоваренныя счешы. Вдругъ, кшо-то у входа брякнулъ молодкомъ; чу! дверь отворилась; чьи-то шаги слышны по лѣсницѣ; и входись — кшо бы вы думали? — Ну, почно какъ живой, входингъ призракъ Эрнеста. Антоній ахнулъ, а мершвецъ — прыгъ ему на шею, и ну душишь въ объятіяхъ. Антоній рванулся, ошескочиль и крешя привидѣніе обѣими руками, закричалъ: «Иезусъ-Марія!

— «Бапюшка! вы не узнаете вашего вѣрнаго Эрнеста? Чшо съ вами? гдѣ Аврора?»

— «Тсъ! — съ! не скажу — всѣ говорять — бросилась въ воду.»

Послѣ эшого, Эрнесту оставалось думать, что отецъ рехнулся, а съ Авророю случилось несчастіе. Внѣ

себя упалъ онъ на колѣни; закли-
наль и Богомъ, и Евангеліемъ, и
докшоромъ Лютеромъ сказашъ ему
правду. Все было безплодно, пока
не вошелъ Эрнесшовъ дядя. Только
тогда, общими силами, удалось увѣ-
рить старца, что Эрнесъ точно
живъ; Антоній рѣшился обнять юно-
шу; но и шупъ не могъ удержашъ
рукъ, чтобы прежде не пощупашъ:
плашь его не мокро ли, какъ бы-
ваешъ на ушоншихъ?

Съли — и Антоній разсказалъ по
порядку всѣ свои печали, всѣ на-
прасныя, слишкомъ позднія увѣщанія.
«Я увидѣлъ Аврору,» сказалъ онъ на-
конецъ,» когда была уже посприже-
на. Всѣ въ городѣ увѣрены, что она
ушонилась: ибо несчастная объявила
миѣ, что она прежде умрешъ, но-
жели кто нибудь изшоргнешъ ее изъ
монашшья.

— « Вздорь! » закричалъ Эрнестъ, топнувъ ногою, « она не смѣла сказать этого. Я съ нею обрученъ. Какъ она могла собой располагать безъ моей воли? »

Онъ бѣгалъ по комнатамъ и.... почтенныя чипательницы! Эрнестъ былъ малой скромный; но, признаюсь, въ эту минушу онъ произнесъ такія божбы, такія ругательства, что даже по-русски не возможно выразить.

— « У меня, » говорилъ онъ, « у меня есть друзья; я запишусь въ Черноголовые (б); я скличу всѣхъ Черноголовыхъ; гряну въ монастырь, разгоню этихъ монахинь, вышашу Аврору — не волей, шакъ силою. »

Старики очень долго не могли разтолковать сумасбродному, что одной силы недовольно, а прежде

всего нужно предупредить Аврору и узнать: она будетъ ли согласна?

— «Будетъ согласна,» закричалъ Эрнестъ; «но... вы меня опыните. Дѣйствуйте какъ хотите, только завтра же; а *послѣ* завтра — я себѣ господинъ, и они посмотрятъ, чего я надѣлаю.»

Съ общаго согласія, бургомистръ на другой день отправился шайкомъ въ Мариенталь, а съ Эрнеста взяли слово не показываться на улицу до его возвращенія. Смеркось. Юноша сбѣжалъ внизъ на встрѣчу Антонию.

— «Ну что?» прошепталъ онъ, дрожа какъ лихорадка.

— «Плохо!» — вздохнулъ старикъ. — Но я не буду слѣдовать разсказу добраго бургомистра: его многорѣчивость столько же надоѣла бы чиншателямъ, сколько она была досадна пылкому Эрнесту. Дѣло въ томъ, что до Ав-

роры нельзя было дойти; но игуменья объявила наотрѣзъ, что если Эрнестина и захочетъ покинуть монастырь, то ее не пускаетъ. «Домина игуменья!» возразилъ бургомистръ: въ эпомъ явное насильство, и рашуша засшупитса.— «А за монастырь засшупитса бароны,» отвѣчала Домина — и кончила совѣпомъ, что Антонию не худо удалитса, не то, она велишь выведитса его подь руки.

Эрнестъ не могъ долге слушать. «Громъ — вѣтеръ — буря — градъ — и — молнія!» закричалъ онъ, вскочивши съ мѣста; «я бѣгу сей часъ и найду себѣ разправу.»

— «Молодой человекъ!» — остановилъ дядя; «ты никогда еще не каялся, слѣдуя совѣсамъ моимъ. Не горячись. Ты одинъ испортишь дѣло. Намъ надо всемъ шроимъ — дѣйствовать заодно.»

Медленно печешь время въ пиши монастырской, но медленнѣ всѣхъ— для грустной Эрнестины. Она бросила мѣръ, думая найти уединеніе, спокойствіе! она повиновалась внушеніямъ печали, думая въ нихъ слышать призывъ самого неба. Но скоро, слишкомъ скоро очарованіе разрушилось.

Нравы тогдашняго духовенства не были подражаніемъ ни смиренной набожности Епископа Мейнгарта, ни строгому фанатизму Альбрехта Буксевдена — великихъ основателей православія въ Ливоніи. Монахи, накопивъ и земли и сокровища, думали о земномъ благополучіи, больше чѣмъ о Царствѣ небесномъ. Видя приближеніе грозной реформации, они жили въ ослѣпленіи, какъ упишанные шельцы передъ закланіемъ на пиршество. Монастырь св. Бригитты былъ

едва ли не хуже всѣхъ другихъ. Въ немъ, сообразно древнему уставу, помѣщались монахи и монашенки, раздѣленные одною каменной оградой. Но хитрость побѣдила и сіе слабое препятствіе. Поздно Аврора убѣдилась, что жизнь монастырская мало ошвѣчаетъ пому высокому идеалу, который она себѣ составила, вспоминая жаркіе рассказы своей покойной матери (7). Увяла душа бѣдной дѣвицы. Одной смерти просила она въ теплыхъ молитвахъ у Всевышняго, и часто мечтала: скоро ли ее, послѣднюю изъ Швальберговъ, схороняишь на шомъ самомъ кладбищѣ, гдѣ спитъ ея родоначальникъ, построившій обитель?

Но само Провидѣніе, кажется, не хотѣло предать ее въ жертву опечаленія. Оно послало ей опраду въ 16-ти лѣтней бѣлицѣ. Какъ скромная фіялка, которая цвѣтеть на пе-

регнившей почвѣ, росла въ монастырѣ невинная Аврелія. Еще въ пеленкахъ, сиротою, взяли ее въ обитель. Ея воображеніе не знало въ мірѣ ничего лучше монастыря; умъ ея не имѣлъ другихъ познаній, какъ житіе Св. угодниковъ; сердце другой любви, какъ любовь къ Спасителю. — Аврора плѣнила ее непорочною души, свѣжестію новыхъ, невѣдомыхъ чувствованій. По цѣлымъ вечерамъ, Аврелія сидѣла одинокая съ печальною пришельцей: развлекала ея скорбь разсказами о древнихъ монастырскихъ преданіяхъ. «Знаешь ли,» говорила она, «откуда взялось озеро Гельмепъ, и отъ чего, въ погоду ясную, видны во глубинѣ его пошнущія развалины? Мнѣ все пересказала мать игуменя. На томъ мѣстѣ давно, очень давно, былъ замокъ богатаго вишязя. Этомъ вишязь былъ

злой. Онъ гнался однажды за непо-
 рочною дѣвицею. Она въ сокрушеніи
 призвала трикрашы имя Божіе, и
 Богъ велѣлъ водѣ затопить замокъ
 и вишязя; а дѣва посприглась, и по
 смерти причислена къ лику преподоб-
 ныхъ. — Аврора слушала въ молча-
 ніи; случалось однако, что она жи-
 вишя, и сама начнешь рассказы-
 вать о чудесахъ городской жизни; о
 пышныхъ свадебныхъ пирахъ, празд-
 нуемыхъ въ домѣ большой гильдіи;
 о томъ, какъ Вальшеръ Пleshенбергъ
 побѣждалъ Рускихъ подь Магольмомъ;
 какъ люшый Тизенгаузенъ упопилъ въ
 мѣшкѣ родную сестру за то, что
 она смѣла влюбиться въ простаго пи-
 саря, и ш. п. — За этимъ, понево-
 лѣ пойдушь сердечныя признанія.
 Аврора припомнишь, какъ хорошо
 Эрнестъ пересказывалъ тѣ повѣсти,
 сидя подлѣ нея у просторнаго очага

отцовскаго. Тупъ живѣе прежняго, проснешся воспоминаніе о потеряномъ Эрнестѣ, о покинутомъ родителѣ. — Аврора бросишь въ объятія подруги, и громко начнешь плакать.

Такъ, однообразна и скучна, влачишься день за днемъ жизнь нашей героини. Но оиъ чего вдругъ, всѣ перемѣнились къ ней? Игуменья, можешь быть, надѣясь обогатить со временемъ монастырскую казну наследствомъ дома Швальберговъ, всегда была съ нею привѣтлива; оиъ чего же теперь глядишь сурово, и безъ умолку полкуешь: сколь важно и трудно соблюдать оиътъ монастырскій! Оиъ чего сестры коварно избѣгаютъ Авроры, и даже вѣрная Аврелія боится посягнуть се, боится близко състѣ за общюю прачезю?... Какъ внезапно, неожиданно объяснилась эпа тайна!

Въ то время главною духовною особою въ городъ былъ незабвенный Генрихъ Бокъ; самъ Люшеръ изъ Германіи прислалъ его суперинтенденшомъ въ Ревель и снабдилъ вѣришельною грамошою, до сихъ поръ сохранившеюся въ городовомъ архивѣ. За алтаремъ церкви св. Николая, любопытный можешь прочесть надгробную надпись, которая кудрявыми латинскими стихами гласитъ объ учености и заслугахъ покойнаго. Въ самомъ дѣлѣ, эпопъ пастырѣ, сочетая смѣлоснѣ и благоразуміе, утвердилъ реформацію въ Эспляндіи и сдѣлалъ много добраго. Народъ имѣлъ къ Генриху Бокъ великую довѣренность. Его заблаговременно упросилъ Эрнестовъ дядя, ишиши въ рапушу и поддержавъ дѣло племянника: ибо слишкомъ хорошо знали робоснѣ рансгеровъ ко всѣмъ нововведеніямъ. Эрнесту пре-

доставили обрабошпть Черноголо-
выхъ; а Швальбергъ, убѣжденный кра-
снорѣчивымъ Бокомъ, взялся предло-
жить дѣло на рашушѣ.

Великъ былъ гнѣвъ Черноголовыхъ,
когда они провѣдали приключеніе Эр-
несово; все братство почло себя
обиженнымъ въ лицѣ новаго сочлена.
«Чтобъ никому изъ насъ не хлебнушь
изъ козьеи ноги (8), прежде чѣмъ вы-
ручимъ Аврору!» кричали они въ
бѣшенствѣ. Рашуша едва успѣла со-
братъся, какъ они уже наряжались въ
свои ржавыя кольчуги, надѣвали
шишаки, съ недавнихъ лѣтъ укра-
шенныя бѣлыми перьями, и выноси-
ли на площадь свое ветхое знамя.
По краямъ этого знамени, была над-
пись: *Побѣдить или умереть*, а въ
серединѣ — эѳіонская голова ихъ по-
кровителя св. Маврикія. Смотри на
се вооруженіе, кпо бы не подумаль,

что они идутъ воевать противъ цѣлаго полчища невѣрныхъ!

Волненіе Черноголовыхъ сообщилось всему городу. Гильдіи закрылись. Изъ лавокъ, мастерскихъ, изъ погребовъ, анбаровъ—чернь посыпала къ дому рапуши, и съ крикомъ толпилась на площади, до сихъ поръ называемой *большою*: потому что каренъ 5 могутъ на ней разѣхаться, почти не зацѣпившись. Вдругъ раздалось: «Вивать Суперинтендентъ!»—и головы всѣхъ оборотились въ погъ уголь, гдѣ толпа раздвигалась передъ посохомъ чловѣка, скромно одѣнаго въ черную рясу. «Вивать ученикъ Меланхтона и Лютера!»—повпоряла сволочь, метая шапки вверхъ: «онъ за насъ заступится; онъ не боится ни поповъ, ни бургомистровъ!»—«Мало эшого!» звѣнтъ тоненькій голосокъ сухощаваго учите-

ля, который, вскарабкавшись на городские вѣсы, воображалъ себя на кафедрѣ, — «мало, любезные сограждане! вѣдь онъ magister juris, да какого еще juris? — universi; смѣйко кто заспоришь прошивъ него въ рашушѣ — онъ какъ разъ заколешь рогатымъ силлогизмомъ!» — Толпа захлопала въ ладоши, и учинель, ободренный рукоплесканіемъ, продолжалъ: «А знаете ли вы, премудрые сограждане! что такое рогатый силлогизмъ?» — Но его уже не слушали: народное вниманіе приковалъ къ себѣ другой выпязь. Это былъ наследникъ мясника Ганса *Калеки*. Взобравшись на плеча двоихъ сосѣдей, онъ, засучивши рукава, сноялъ богатыремъ на оживленномъ пьедесталѣ, и во все горло разсуждалъ о Папахъ, о попахъ — доказывалъ, что если рашуша уступитъ, то римскіе мо-

нахи всему городу запрешають круглый годъ пишашья мясомъ. Сей доблешный орапоръ палъ, какъ Цицеронъ, жертвою своего краснорѣчія: оно до того пронуло споявшихъ подъ нимъ, что они двинулись съ мѣста, и уронили его носомъ на головы окружающихъ.

Между тѣмъ Суперинтендентъ дошелъ уже до присушствія. «Именитые Сенапоры, премудрый Совѣтъ!» (9) такъ говорилъ онъ. «Не за тѣмъ я сюда пославленъ опъ докшора Лютера, чпобъ сидѣть сложа руки. Долго, скрѣпя сердце, видѣлъ я безчинства монашпырей, монаховъ. Ужели и теперь не рѣшитесь ихъ унять? Подумайте, что сами вы, что весь городъ въ опасности. Черноголовые схватили оружіе. Чернь рыщеть по улицамъ. Еще минуша — и возобновится 1524

годъ (10). Вы помните, какъ чернь вломилась тогда въ церкви, выжгла образа, и разграбила дома жилищныхъ гражданъ. — Но если все это васъ не трогаешь, уже ли вы не вступишь за ваше достоинство? оно оскорблено въ лицъ вашего сочлена: не онъ ли нашелся принужденнымъ опуститься передъ монахиней, боясь подвергнуть поруганію свою бургомистерскую особу? когда это видано?

— «Да! это прошивно всемъ прежнимъ примѣрамъ,» — сказала Швальбергъ; и многіе кивнули головами въ знакъ согласія.

Послѣ жаркаго пренія, состоялся приговоръ: освободишь дѣвицу Швальбергъ. Всѣ окна присущевія вельно открышь наснежь, и сидикъ, разправявъ стоячіе брызжи, среди которыхъ его шея насилу могла дви-

гаться, готовился чинить определеніе народу.

Вдругъ, говоръ на площади сдѣлался шумнѣе; раздались крики, брань; синдикъ выглянулъ въ окно, и объявилъ, что къ ратушѣ приближается оный Вышгорода рыцарь.

— «Допустить,» сказали ратсгеры.

— «Охъ! я уже думалъ: сообщить бы приговоръ для свѣдѣнія Компуру,» — сказала невольно Швальбергъ.

— «Несчастливая исправность!» подумалъ Генрихъ Бокъ; — «онъ самъ испортилъ свое дѣло.»

Разпахнулась дверь, и вошло чпошо похожее на ходячую крѣпость: человекъ широкоплечій, закованный въ оружіе съ ногъ до головы. Онъ поднялъ наличникъ — и круглое лицо съ двумя оловянными глазами просіяло, точно мѣсяць сквозь слуховое о-

***

кошко. Не снимая шлема, онъ произнесъ торжественно :

« Знаменитый Комшуръ Ревельскаго замка, Гаррии, Вирланди и всѣхъ Эстляндскихъ округовъ, Рембертъ фонъ - Шаренберхъ, вельфъ сказалъ поклонъ достопочтенной ратушѣ.

— « Благодаримъ за милость, » — отвѣчали всѣ ратсгеры, привешавая съ мѣсто и кланяясь низко.

— « Комшуръ вельфъ спросить, » прибавилъ рыцарь, « онъ вельфъ спросить именемъ Гермейстера и всего орденскаго Капитула: что значить волненіе въ городѣ, и для чего ратуша не принимаетъ мѣръ, дабы усмирить оное? »

— « Благородный рыцарь! отвѣчала Бокъ: не въ первый уже разъ господа Комшуръ и орденская брація изволятъ забавляться, смотря съ высоты башень своихъ въ наши кухни,

и спараясь узнавашь всю подногошную. Къ чему? право не знаемъ. Благодаря Всевышнему, городъ здравствуетъ и безъ ихъ пособія. Впрочемъ, мы не скрываемся, и сами гоповы были увѣдомить о всемъ г. Комшура.

— «Черная ряса! я не знаю тебя,» гордо сказалъ рыцарь: «я присланъ къ однимъ ратсгерамъ.»

На это возразилъ со всемъ должнымъ почтеніемъ старшій изъ бургомистровъ, что ратуша поручаетъ Суперинтенденту итти въ замокъ и лично объясниться за весь городъ.

— «Когда такъ,» нехотя сказалъ рыцарь: «я пойду съ нимъ; но — господа ратсгеры, запрешите вашей черни ругаться надо мною: за мою безопасность отвѣчать будете вы и весь городъ Ревель.»

Эта предосторожность была не бесполезна. Народъ, зная, что рыцари стоятъ за монаховъ, бѣсился на ихъ посланнаго; и храброму вишязю, не смотря на его лапы, едва ли воропнисья бѣ цѣлому на Вышгородъ, если бы не твердость того, кпо ему сопутствоваль. При выходѣ изъ площади, встрѣтили Суперинтендента двое старшинъ Черноголоваго браташва. Онъ мимоходомъ даль имъ наставленіе, котораго однако рыцарь не могъ слышать.

Когда пришли въ замокъ, Боку велѣно ждашь господинь - де Компуръ молился Богу. Довольно времени спустя, ввели его въ просторную комнашу со сводомъ и узкими оконницами. Разписныя ешекла пропускали невѣрное сіянне на спѣны, увѣщанныя гербами, доспѣхами и бокалами разнаго калибра. Здѣсь на

возвышеніи сидѣль фонъ-Шаренберхъ, окруженный рыцарями. У встѣхъ на бекренѣ — высокія перья; на лицѣ — гордость и лѣнь, а на груди, подѣ блескомъ золошыхъ цѣпей и заморскихъ камней — черный крестъ по бѣлой машии: символъ забытыхъ добродѣтелей.

Въ надменномъ безмолвіи слушали рыцари разсказъ Суперинтендента, пока не дошло до приговора, произнесеннаго рашушей. «А кто,» прервалъ Комшуръ: «кто даль рашушѣ право входить въ дѣла, касающіяся Епископа?»

— «Гермейстеръ;» смѣло отвѣчалъ Бокъ.

«Гермейстеръ? никогда, Г. Суперин-тан-шанъ (извините, коли плохо произношу вашъ мудреный титулъ).

— «Будемъ откровенны, г. Комшуръ! Припомните прошедшее. Развѣ гер-

мейстеръ фон-дербургъ не выгналъ Архіепископа изъ его епархіи, и пошомъ за ослушаніе не водилъ по улицамъ Рижскимъ, обороченнаго лицомъ къ хвосту лошади? И эпо для одной мірской корысти. А теенерь, когда содержатъ въ заоченіи вольную ревальскую гражданку...

— «Вольную? какъ? Ревель не признаетъ уже власти ордена, власти святой Римской Имперіи?»

— «Святая и Римская, благородный рыцарь, когда для васъ эпо полезно; когда нѣтъ: просто нѣмецкая и грѣшная. Ревель признаетъ ее лучше вашего. Наши права утверждены ею.

— «Вашихъ правъ я не читалъ; только въ дѣлахъ негородскихъ, я знаю, вы должны спрашиваться рыцарства, земскаго дворянства.»

— «Освободить дочь нашего бургомистра, дѣло городское. Поному и

вельно исполнишь приговоръ немедленно.

— «Исполнишь?» закричала Комшуръ, вскочивъ и спуча шпорами. «Немедленно исполнишь? вы... вы, кажется, забыли, что и у насъ есть всадники.

— «Сколько нужно съдлашь?» подхватила одинъ изъ рыцарей.

— «Ужь поздно,» сказала проповѣдникъ, спокойно просягивая руку. — «Они есть и у насъ. Знайте, храбрые рыцари; въ эту самую минушу, Эрнестъ Крузе съ шремя снами Черноголовыхъ уже у спѣтъ св. Бригитшы. Выборный спаршина съ другими шремя снами караулитъ подъемный мостъ у форшпашскихъ воровъ Вышгорода. Выходъ городской запертъ народомъ. А въ другихъ мѣстахъ, вылетѣтъ изъ замка могутъ одни вороны.»

Сии слова произвели магическое дѣйствіе. Комшуръ, видя, что дѣлать

нечего, радъ былъ привязаться къ тому: зачѣмъ до постриженія не было искуса и другихъ должныхъ обрядовъ. Онъ благоразумно обратилъ на игуменю весь зарядъ гнѣва и ругательствъ, приговоренный для Бока. Всадникъ поскакалъ — требовать Авроры именемъ рыцарей; и не прошло двухъ часовъ, когда счастливый Эрнестъ уже прижималъ къ груди милую добычу, сѣвша съ нею на речивомъ конѣ въ родимый Ревель.

Приключеніе Авроры пробудило всеобщій ропотъ на злоупотребленія монастырей Римско-католическихъ. Завелись жаркіе споры у народа съ рыцарями. Наконецъ, благодаря посредничеству Бока, и другіе согласились ввести въ монастыряхъ протестантскую проповѣдь, а всѣмъ постригшимся — дозволено возвращаться въ міръ. Многіе воспользо-

вались даннымъ разрѣшеніемъ. Но у св. Бригишпы, игуменя съ сестрами жили, какъ и прежде, до самой войны Іоанна Грознаго съ Ливоніей. Тогда подошли Рускіе, увели монахинь въ плѣнь, и навсегда разорили обитель. До этой напасти не дожидла одна Аврелія; неземная душа ея рано переселилась на родное небо.

Безмолвна и теперь Маріентальская долина, когда сплхнеть морской вѣтеръ, и полная луна смолришя въ водахъ рѣчныхъ. Она освѣщаетъ чешыре высокія сѣны съ гошическимъ фронтономъ, уцѣлѣвшія опъ пышнаго монастыря Маріенталля. Чухонецъ равнодушно беретъ для своей хижины обломки сакрестіи; а сельская дѣвица находитъ иногда

у берега Бригишовки поб'ялвшій чере-
репъ — остатокъ кладбища, гдѣ ког-
да-шо погребали Божіихъ опшель-
ницъ.

Титъ Космократовъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

- (1) Нынѣшній гербъ Эспляндіи — при вѣнчанніе льва — существуетъ съ 1560 года , когда Ревель призналъ надъ собою Шведское владычество.
- (2) Городъ (*die Stadt*) и цитадель или *Вышегородъ* (*der Dohm*) , до сихъ поръ отдѣлены другъ отъ друга не однимъ мѣстоположеніемъ , но и воспомина- ніями , правилами , предразсудками. Тамъ жили всегда граждане , здѣсь — одни дворяне и Епископъ. Во време- на феодальнаго рыцарства , сіи двѣ часпи города никогда не могли уживься , и часто воевали одна про- тивъ другой , какъ два укрѣпленные спана непріятельскіе.
- (3) Сія любопытная печать и досель не потеряна ; слѣпокъ съ нея мож-

но видѣть въ кабинетѣ достопамятностей, принадлежащемъ въ Ревель ученому и госпепріимному доктору Бурхарду.

(4) Очень примѣчательно, что простой народъ и въ Германіи и во многихъ земляхъ славянскихъ празднуетъ этотъ день потѣшными огнями. Въ Малороссіи, сіе празднество называется *Купаловыми* днями.

(5) Чухны и теперь не совсѣмъ отвыкли почищать пѣтуха великимъ колдуномъ; они твердо увѣрены, что онъ умѣетъ говорить, но молчитъ единственно отъ злости. Грошечные буквари, издаваемые въ Ревель для Чухонъ, почти всегда украшены лубочною карпинкою, гдѣ пѣтухъ, съ указкою въ лапѣ, преважно учитъ дѣтей азбукъ.

На Олаевской колокольнѣ усмотренъ былъ маякъ, весьма далеко вид-

ный для судовъ, плывущихъ къ Ревелю.

(6) Чипатели конечно уже знаютъ, что Черноголовое братство было учрежденіемъ вмѣстѣ рыцарскимъ и ипогровымъ; что ему поручено было охраненіе города; что оно составлялось изъ холоспыхъ людей и служило необходимою ступенью для всякаго, кто хотѣлъ быть мастеромъ большой гильдіи. Подробнѣе о всемъ этомъ, см. у Вильгерода въ книгѣ: *Geschichte Estland's*, Rerval 1830.

(7) Упадокъ монастырей въ XVI вѣкѣ безпристрастными и живыми красками описанъ у Руссова, Кельха, и другихъ испориковъ Ливоніи.

(8) Козья нога сохраняется въ домѣ Черноголовыхъ. Это былъ ихъ любимый кубокъ; они особенно уважали его, въ память басни о дикой козѣ, которая, прыгнувъ съ вышгородской

спремнины, будто бы подала поводъ къ имени: *Reh-Fall* или *Reval*.

(9) Рапуша во всѣхъ вольныхъ городахъ нѣмецкихъ любила щеголять пышными пиплами; въ бумагахъ и на словахъ называли ее не иначе, какъ *Senatus*, *hoher Rath* и п. п.

(10) Народъ бывалъ нерѣдко въ ссорѣ съ магистратомъ; въ 1524 году, рапуша колебалась признать реформацію; сдѣлался ужасный бунтъ, и тогда же введено Люперово ученіе во всѣхъ церквахъ приходскихъ. Монастыри, завися частію опъ рыцарства, могли бытъ преобразованы только гораздо позже (1549), при Генрихѣ Бокѣ, первомъ Суперинтендентѣ Ревеля.

ПИСЬМО III ИЗЪ ТУРЦІИ.

Варна, 14 Апрѣля 1829 года.

« Неупомимый путешественникъ! » —
возкликнете вы безъ сомнѣнія, раз-
вернувъ письмо сіе: — « Вотъ уже бо-
лѣе 20-ти дней, какъ неодолимый
сплинъ примчалъ его въ Турцію — и
можно ли представить себѣ, что
онъ до сихъ поръ все еще нѣжится
на одномъ мѣстѣ! Ужь не думаетъ
ли онъ поселить своихъ боговъ - Пе-
нашовъ въ Варнѣ, въ хижинѣ милой,
черноокой Деспины; не думаетъ ли
сдѣлаться для нея шамошнимъ Тур-
комъ, Грекомъ, Болгаромъ, жишь

единственно для своей восточной прелести — и съ нею, и для ней одной забыть все на свѣтъ? — Ба! вошь это, напримѣръ, было бы ужъ изъ рукъ вонъ.» — Конечно; но какое мнѣ дѣло до вашего *ба!* — Деспица способна не шуя возбудишь на минушу подобныя *фанаберин*: она шакъ свѣжа, шакъ нова, шакъ ласкова; жалобы горлицъ ея шакъ очаровательны; шрепепаніе ея мирпы шакъ заманчиво; говоръ здѣшнихъ фонтановъ шакъ привѣшливъ и усладительнень; но за всѣмъ пгѣмъ — я ли винованъ, что даже красота Деспицы, этой юной, восточной лилии, разсыла на одинъ шолько мигъ мою вѣчную зъвоту? — Теперь опяшь скучно; опяшь хочется чего нибудь новенькаго: слѣдовательно — вы видите, что совсѣмъ не то чувство, которое называютъ *нѣжною сердеч-*

ною томностію, удерживаетъ меня до сихъ поръ въ Варнѣ.

Задигъ былъ, какъ говорятъ, одаренъ рѣдкою способностію выводить изъ самыхъ темныхъ и повидимому вовсе ничтожныхъ признаковъ — заключенія чрезвычайно важныя: сомнѣваюсь, между тѣмъ, чтобы эта чудесная способность могла быть всегда полезна ему на стезѣ археологическихъ изысканій въ такомъ мѣстѣ, гдѣ слабыя черты минувшаго на каждомъ шагу прерваны, иногда совсѣмъ изглажены, или сокрыты отъ глазъ изыскателя шумнымъ невѣжествомъ, корыстолюбіемъ, всего же чаще — спеченіемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ особаго рода.... Къ этому надобно прибавить вѣчную коварность надежды: вы знаете, какъ увлекательны ея обѣщанія; какъ раздражительно эти обманы, копо-

рые, подобно причудамъ жеманной любовницы, не говорятъ: ни да, ни нѣтъ, и обманувъ сегодня, опкрываютъ сердцу перспективу завтрашняго благополучія. Такъ почто кокетничала со мною до сихъ поръ моя милая Археологія: манила, обѣщала — и почти ничѣмъ не увѣнчала моего долгошерпѣнія, со времени отсылки къ вамъ послѣдняго моего письма изъ Варны.

Умалчивая о вещахъ, недоспойныхъ всего вашего вниманія, я долженъ, между прочимъ, сказать нѣсколько словъ еще о двухъ кускахъ древняго мрамора, откритыхъ мною на дняхъ въ здѣшнемъ городѣ. Одинъ изъ нихъ есть, кажется, приношеніе, сдѣланное богу врачеванія по обѣщанію за изцѣленіе отъ болѣзни, ибо барельефъ представляетъ Эскулапа и Гигею, богиню здравія съ *ритономъ*

въ рукѣ, а за нею младенца и двухъ женщинъ. Сіе предположеніе, кажешся мнѣ, шѣмъ правдоподобнѣе, что надпись, находящаяся внизу барельефа, заключающъ въ себѣ имена двухъ супруговъ и слова: ΧΑΙΡΕΤΕ (радуишесь)! Эпошъ памятникъ древносипи омысканъ въ погребѣ одного Грека, между старыми бочками и бутылками; я нашель его покрытымъ запекшеюся кровію: какое именно животное было шупъ зарѣзано — мнѣ неизвѣстно; но зная дешевизну человѣческихъ головъ въ Турціи, я бы нимало не удивился, если бѣ узналъ, что эта кровь принадлежала какому нибудь попомку Резуса или великаго Замолксенса. Другой кусокъ мрамора есть разбишый барельефъ, сохранившій шолько верхнюю часть фигуры одного изъ Діоскуровъ. Голова Тиндарида покрыта *pileusомъ*;

онъ держитъ за поводъ лошадь, коей также уцѣла одна только голова и часть шеи.

Надобно замѣтить, что здѣшніе жители скрываютъ часно не изъ одного корыстолюбія извѣстные и въ особенности принадлежащіе имъ остатки древности. Вѣра въ таинственное могущество шалтсмановъ возвышаетъ нерѣдко въ ихъ понятіи самый ничтожный обломокъ мрамора надъ всеми сокровищами великаго Падн-Шаха; нужно только, чтобы этотъ обломокъ имѣлъ честь называться *старымъ, писаннымъ* камнемъ — (*παλαιὸν πέτρα, πέτρα γραμμένη*). Такъ почто цѣнилъ свою драгоценность практирщикъ, обладатель одного изъ сихъ мраморовъ. Миѣ потребно было все мое краснорѣчіе для увѣренія этой высокой души въ томъ, что ошесшвіе *писанаго* камня не

шолько не похишить, но даже усугубить и утвердить милость Божию въ спѣнахъ его гостепріимной харчевни. Такимъ же образомъ другой добрякъ объявилъ мнѣ, что въ спѣнахъ здѣшней цитадели заложень какой-то диковинный *писаный* мраморъ, и что онъ конечно указаль бы мнѣ ошъ всей души это сокровище, если бы не былъ увѣренъ въ неминуемомъ разрушеніи цитадели въ ту самую минушу, когда *писаный* камень будеть вынущъ изъ спѣнь ея. Такъ самъ Митрополитъ наконецъ — соглашался благословить меня какимъ-то ничтожнымъ барельефомъ не иначе, какъ за 500 пиастровъ, утверждая, что сила сего мезаллическаго палисмана, была одна въ состояніи замѣнить спасительное вліяніе мраморнаго.

Всѣ эти фарсы, сами по себѣ ни-
 чего не значащія, проливають, меж-
 ду прочимъ, если не ошибаюсь, нѣко-
 торый свѣтъ на настоящій харак-
 теръ народа, обезображенный до та-
 кой степени алчносшію къ корысти
 и малодушнымъ суевѣріемъ — неизбѣж-
 ными послѣдствіями столь долгаго
 оцѣпенія духа, омраченнаго оп-
 усствіемъ нравственной жизни,
 изнемогшаго подъ бременемъ вѣковой
 неволи. Переносясь мыслями въ сча-
 стливые времена древняго Милета,
 и обращая ихъ попомъ на здѣшнихъ
 переселенцевъ благословенной Іоніи,
 вы невольно восклицаете: и это-
 то соотечественники Фалесовъ и Ана-
 ксимандровъ, наследники просвѣщенія,
 вкуса и роскоши Аѳинъ іонійскихъ!
 Пускай философы толкують послѣ
 сего о высшемъ, священномъ
 предназначеніи чловѣка въ здѣшнемъ

міръ: «*время сдѣлало одинъ шагъ*» — и глухое варварство возстало на обломкахъ челоѳческой образованности!

Изшоргаясь по временамъ изъ холодныхъ объѳшій Археологіи, я нахожу неизьяснимое удовольствіе скипашься безъ всякой цѣли по темнымъ и перепушаннымъ улицамъ Варны; всего же болѣе люблю бродить по здѣшной пристани — глубокой, обширной, способной для помѣщенія не только купеческихъ, но даже большихъ военныхъ судовъ. Напомнивъ вамъ о подвигахъ нашей Черноморской эскадры во время послѣдней осады Варны, я полагаю, что превосходство ея пристани не потребуеть доказательствъ болѣе убѣдительныхъ. Кромѣ множества различныхъ выгодъ, доставленныхъ намъ покореніемъ сей знаменитой крѣпости, обладаніе оною

кажешся мнѣ важнѣе всего потому, что находясь въ средоточіи нынѣшняго театра войны, она служишь самымъ естественнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ вообще съѣстныхъ и военныхъ потребностей, привозимыхъ изъ Одессы для главной дѣйствующей арміи. — Какъ жива эта безконечная дѣятельность, которая кипишь при выгрузкѣ судовъ, опягченныхъ дарами Россіи, заботливою о благосостояніи ея волнуешь! Какъ разнообразны эти толпы азіатскія и европейскія, которыя съ дѣломъ или безъ дѣла перестраиваютъ здѣсь почти въ каждое время дня, курятъ табакъ, пьютъ свой воспочный кофе, или изгибаются подъ тяжестью полновѣсныхъ кулей съ рускими сухарями! Многіе путешественники весьма справедливо замѣчаютъ, что нынѣшніе Греки, утративъ великія ка-

чества предковъ своихъ, сохранили
 вполне эту афинскую болшливость
 и легковѣрїе, кошорыя хитрый Фи-
 липпъ умѣлъ сполько разъ обращать
 въ свою пользу. Къ сему наслѣдію
 должно также прибавить эту стран-
 ную любовь къ чудесному, кошорая
 отражается въ поэтической Мифо-
 логіи древнихъ Эллинавъ, съ пою
 только разницею, что радужный ко-
 лорипъ сихъ блестящихъ вымысловъ
 не существуетъ болѣе для ихъ очер-
 ствѣлыхъ потомковъ. Повѣрите ли,
 что всѣ магическія бредни Гофф-
 мана, черная комната г-жи Рад-
 клифъ и *чудесныя чудеса чудесъ* вклю-
 чительно, суть ничто въ сравненіи
 съ этими уродливыми преданіями,
 кошорыя существуютъ здѣсь о нѣ-
 кошорыхъ изъ окрестныхъ монасты-
 рей и развалинъ? Внимая нелпо-
 сямъ сей словесной фантасмаго-

рін, я каждый разъ воображала себѣ, что едва ли болпливый геній Шехерезады былъ бы въ состояніи предохранить голову эпой *умной, утенной* дѣвушки отъ сабли ревниваго Шахріара, если бы ему было извѣстно существованіе здѣшной пристани и талантъ скипающихся по ней сказочниковъ. Я, съ своей стороны, извлекъ изъ онаго шолько то, что бѣльшая часть здѣшнихъ окрестностей досшойна въ самомъ дѣлѣ немедленнаго обозрѣнія. Подобное предпріятіе требовало бы конечно поспешеннаго, или, какъ говорится, методическаго исполненія; но узнавъ, что бродячія толпы турецкихъ мародѣровъ и шайки болгарскихъ разбойниковъ не имѣють ровно никакого уваженія къ нашему *методизму*, я рѣшился пускнуться съ самаго начала въ монастырь св. Констан-

пина, лежащій на Бальчикской дороге, верстахъ въ 10 отъ Варны.

Генераль Г. снабдилъ меня для сей поѣздки двумя конвойными Козаками и собственнымъ своимъ переводчикомъ. Вмѣстѣ съ этимъ народомъ привязался ко мнѣ одинъ изъ сихъ безчисленныхъ вампировъ, которые съ самага вступленія нашихъ войскъ въ Турцію, объявили себя армейскими аншикваріями, и такимъ образомъ высосали послѣднюю кровь изъ жилъ древней Мизіи, въ надеждѣ продавать ее цѣною золота по возвращеніи во глубину своихъ родимыхъ губерній.

7-го сего мѣсяца я зарядилъ картечью свои турецкіе пистолецы, подпоясалъ свой старый дагестанскій кинжалъ, и вскочивъ на приготовленную для меня козачью лошадь, поскакалъ большимъ галопомъ къ севернымъ ворушамъ Варны. До сихъ

порь все для меня шло довольно благополучно; но едва успѣлъ я оставишь за собою послѣдній ровъ крѣпости, какъ вдругъ мой доморощенный аншикварій, преобразившійся изъ смиреннаго пѣхошинца, въ лихаго, красиваго всадника à la Sancho Pança, началъ голосомъ провинціального актёра неокончаемую повѣсть о послѣдней осадѣ Варны, сопровождая эту прошлогоднюю хронику ежеминутнымъ указаніемъ мѣстъ, прославленныхъ подвигами нашихъ воиновъ; — « Вотъ здѣсь, надъ этимъ ровомъ, » воскликнулъ онъ, « была устроена наша брешъ-батарея; подъ прикрытіемъ оной, храбрые наши сапёры проводили мину для взорванія крѣпостнаго вала. — Работы сіи производились подъ безпрестаннымъ огнемъ непріятельской артиллеріи. — Позади этой брешъ-батареи тянулись траншеи, изъ ко-

ихъ храбрые 13-й и 14-й егерскіе полки ударили 25-го Сентября на крѣпость и первые овладѣли приморскимъ баспіономъ, который и получилъ послѣ сего названіе *Царскаго*. — Вось на этой равнинѣ, » продолжала моя живая реляція, « были разположены наши главныя силы, и съ этой стороны напискъ русскихъ штыковъ былъ убійственнѣе; громъ осадныхъ орудій ужаснѣе и разрушительнѣе. » — Словесная мельница! — думалъ я: — громъ пушекъ, напискъ штыковъ и всѣ повѣстваемые тобою ужасы, суть конечно ничто въ сравненіи съ неугомонностію этого болтливаго демона, который играетъ языкомъ своимъ. М. Г! — сказала и потомъ, обращаясь къ моему повѣствователю: безъ сомнѣнія ничто не можешь быть любопытнѣе всѣхъ сихъ подробностей; но согласишься, что

большая часть оныхъ должна быть известна еще изъ прошлогоднихъ газетъ всѣмъ и каждому въ крещеной и некрещеной Европѣ. — «Разумѣется!» возразилъ онъ, и въ тошъ же мигъ погрузился снова въ пучину сихъ же-стокихъ подробностей. Дѣлать было нечего: я пришпорилъ донскаго бѣгуна своего, и черезъ минушу очутился одинъ, на лонѣ новой, доселѣ мнѣ незнакомой природы. Узкая дорожка тянулась передо мною то золотую лентою между высокихъ холмовъ, разбросанныхъ въ дикомъ, но плѣнительномъ безпорядкѣ по лѣвому берегу моря, и уже одѣтыхъ яркою пеленою травы и куспарника, уже увѣнчанныхъ зелеными букетами миртовъ, терновника и разныхъ другихъ растений. Мѣстами, семи разпусившихся черешень, дикихъ яблонь, грушевыхъ и персиковыхъ деревьявъ рас-

шворяли воздухъ своимъ ароматическимъ запахомъ и неожиданно прерывали однообразную перспективу зелени, качая бѣлые и розовые цвѣты свои вокругъ сихъ огромныхъ холмовъ, первыхъ ступеней древняго Гемуса. Иногда уединенный фонтанъ выглядывалъ изъ - подъ навѣса огромнаго грецкаго орѣшника, и сверкая, подобно разтопленному серебру, въ промежуткахъ темнозеленыхъ листьевъ его, сливалъ медленное свое журчаніе съ ихъ помнымъ, усыпительнымъ говоромъ. Я останавливался передъ каждымъ изъ сихъ фонтановъ и съ любопытствомъ разсматривалъ изнещряющія ихъ воспочныя надписи, жалѣя и досадуя, что не могъ постигнуть тайнаго, вѣроятно поэтическаго ихъ смысла. Какъ знашь: можешь быть какой нибудь новый Саади завѣщаль сему безотвѣтному мрамору

задумчивые звуки своего упоительнаго вдохновенія? можетъ бышь... — Стихи Ширазскаго Трубадура ошозвались въ эшотъ мигъ подобно голосу давноминувшей печали во глубинѣ моего взволнованнаго сердца: «Такъ!» воскликнулъ я: «*многіе подобно мнѣ видѣли сей фонтанъ; но ннхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далеге!*» Въ самомъ дѣлѣ, ничшо разительнѣе сихъ словъ не могло опноситься къ предметамъ, окружавшимъ меня въ эшу минушу. Озирая окрестность, я повсюду встрѣчалъ свѣжія могильныя насыпи, и каждый шагъ коня моего оппечатывался на рыхлой землѣ ихъ. «Эшотъ курганъ» — думалъ я, подъѣзжая къ нѣкошорымъ изъ нихъ — «онъ возвышается надъ могилою Рускаго, обагрившаго своею кровію сію чуждую землю!» Простой деревянный крешъ, полусокрышый гу-

стою зеленью и окруженный осколками огромных Турецких бомбъ и ядеръ — вошь единственный мавзолей, указующій мѣсто послѣдняго успокоенія нашихъ воиновъ. Признайся ли вамъ, что оглядываясь на прошлые дни свои, я ошь души завидоваль участи храбрыхъ, достигшихъ здѣсь вѣрнѣйшаго изъ своихъ назначеній; я думаль: что въ жизни, коей минувшее есть не что иное, какъ глухая спеша; пороспшая плевеломъ и колючимъ перновникомъ; наспоющее — спяжелое странспвіе безъ всякой видимой цѣли и мучительная борьба съ собственнымъ своимъ сердцемъ; а будущее...

« Ваше благородіе! Ваше благородіе! » возкликнулъ въ эту минуту позади меня грубый, *стенторскій* голосъ; я оглянулся, и увидѣль одного изъ конвойныхъ Козаковъ своихъ: « помилуйше, В. б. » продолжалъ онъ — « да

вы, Богъ знаешь куда завхали! неужели вамъ неизвѣстно, съ какими огромными ушами выхалъ изъ Бальчика нашъ Козакъ Ефремовъ, и какимъ безухимъ явился онъ въ Варну? Они, проклятые (ш. е. Турки) повсюду разсыпаны; и имъ, варварамъ, того шолько и надобно, чшобы вдесяперомъ напасшь на одного нашего!» Почувствовавъ всю силу замѣчанія шшоль убѣдительнаго, я поспѣшилъ возвратиться на свою настоящую дорогу, ошъ коей въ самомъ дѣлѣ слишкомъ далеко уклонился влѣво, во время своихъ поэпико - философическихъ размышлений.

Спутники ожидали меня близъ небольшого хлѣбнаго поля, огороженнаго низкимъ плешнемъ и покрытаго блѣднозеленымъ ковромъ щощаго, какъ будто изнемогающаго поствва. Беспорядочная смѣсь холмовъ и деревьевъ,

густаго кустарника и гремучихъ горныхъ ключей образовала богашую раму вокругъ сей скудной каршины. Нѣсколько паръ буйволовъ бродило близъ обваливагося плешня и спокойно жевало сочную праву, которая, какъ будто для того только цвѣла вокругъ сей бѣдной нивы, чтобы опшѣвнишь красотою своей богашой расшительности нѣжную, истинно-материнскую любовь природы къ безсловеснымъ чадамъ ея, отъ этой суровой холодноспи, которую она обнаруживаетъ здѣсь къ человѣку. Такъ! одинъ только онъ можетъ назвать эту божественную природу своей непріязненной мачихой; но кто же виновать въ томъ? — Цвѣтущія долины Мизіи служатъ съ незапамятныхъ временъ большою дорогою и обширнымъ поприщемъ его кровожадности. Не проникая въ темную глубину вѣковъ баснословныхъ,

не говоря о безпрестанныхъ побоищахъ племень еракійскихъ, кельшскихъ и разныхъ другихъ изверженій шаншвенной древности, взглянемъ на сокрушительные пошюки варваровъ, конми неизмѣримая сшепи Азии наводнили почву нашей Европы. — « Тамъ, » говоритъ Мальте - Брюнь, « плосколиций Сармашъ виляся на легкомъ конѣ своемъ вокругъ тяжелыхъ легионовъ римскихъ; тамъ безобразный Гуннь преслѣдовалъ разсыянные ошпашки Готѣовъ; тамъ Печентги, Авары, Кумане и множество другихъ народовъ испребляли другъ друга и попеременно основывали свое кратковременное владычество. » — Плодоносныя долины Мизии были вѣчнымъ, и какъ будто условленнымъ театромъ, на копоромъ разыгрывались сии кровавыя драмы. Не нужно слѣдовать за ними по порядку; не нужно доходить

сястемашически до войнъ современ-
ныхъ: сѣдишь заглянушь въ лѣтопи-
си Восточной Имперіи; сѣдишь шоль-
ко представити себѣ вѣковую борь-
бу Болгарь съ наследниками Вели-
каго Константина, чшобы приве-
сти умъ свой въ несостояніе раз-
рѣшишь: какимъ образомъ это лю-
бимое урочище смерти не превра-
щено до сихъ поръ въ одну безжиз-
ненную степь шоль долгою чредою
испробленія, шоль посшояннымъ
упорствомъ челошеческаго неиспов-
сшва!... Но обратимся къ моимъ
буйволамъ, или лучше сказать, по-
знакомимся съ несравненнымъ паспу-
хомъ ихъ. Онъ беззаботно лежалъ у
плешня и напѣвалъ дикимъ, суро-
вымъ, но не совсѣмъ непріятнымъ
голосомъ какую-то странную — по
веселую, по заунывную пѣсню. Чув-
кій спражъ небольшого спада его

вспрыгнул на нас издалека своимъ пронзительнымъ лаемъ; но прїездъ нашъ, повидимому, нисколько не попревожилъ *автомата*. Онъ продолжалъ лежать и шпунуть свою пѣсню, какъ будто не замѣчая, или не желая замѣпить, друзья или недруги окружили его въ шакомъ мѣстѣ, гдѣ почти каждый мигъ грозилъ неоспорожному вѣрною, и часто мучительною смертію. « *Банабагъ! банабагъ!* » закричалъ мой переводчикъ — и лѣнивый наспухъ, какъ будто пробудясь отъ глубокаго сна, началъ мало-помалу приходиться въ движеніе, привсталъ — и медленно сдвинулъ съ глазъ свою кудрявую шапку. Аплетическія черпы лица его, незаренныя ни одной искрою внутренней жизни и, такъ сказать, опуманенныя хаосомъ какого-то грубаго безстрастія; темнобронзовый цвѣтъ

его обнаженной груди; полстая сѣрая куршка, выложенная по краямъ голубой песьмой и снурками — все сіе, въ совокупности съ бараньей ярмолкой, представило мнѣ одну изъ эпихъ массивныхъ болгарскихъ фигуръ, кошорыя напоминають гораздо менѣе о прекрасномъ пасшурѣ дарданійскомъ, нежели о какомъ нибудь горномъ пасшурѣ, столь живописномъ съ бродячимъ стадомъ его, посреди дикихъ утесовъ альпійскихъ, или на скалахъ сумрачной Каледоніи. « Сколько часовъ до Конспаншиновскаго монастыря? » спросилъ у буколическаго Болгара мой черезъ чуръ драматическій переводчикъ. — « Полшора, » — ошвѣчалъ пасшуръ, и въ шу же минушу угрюмый лобъ его сокрылся по прежнему во глубину неисповѣдимой ярмолки. « Сколько? » повторилъ переводчикъ. — « Полшора, » —

пробормотала Болгарь, и лѣнивая голова его упала снова на землю. « Бышь не можешъ; » продолжала неугомонный драгоманъ: « Мы уже такъ давно ѣдемъ! » Пасхухъ запрянулъ свою прерванную пѣсню; неудовлетворенная болтливость переводчика разразилась надъ нимъ громовыми проклятіями; а я поскакалъ впередъ, убѣдясь въ совершенной невозможности добиться какого нибудь толку, касательно выбора лучшей, или ближайшей дороги.

Тѣ же холмы, тѣ же фоншаны, тѣ же кусты и деревья мелькали передо мною, съ тою только разницею, что иногда лѣсная чаща раздвигалась внезапно на лѣвой сторонѣ дороги и представляла глазамъ моимъ далекія высопы, усыпанныя однообразными, и какъ будто обдѣланными каменьями. Огромныя груды ихъ были кромѣ сего разсыпаны такимъ

образомъ, что возбуждали невольную мысль о развалинахъ какого нибудь стариннаго зданія. Знаю, что подобныя догадки могутъ быть сочтены грѣзами воображенія, слишкомъ горячо заняпаго своимъ предметомъ; но съ другой стороны, не должно, кажется, забывать и того, что я говорю о странѣ вѣковыхъ развалинъ. — Слѣды ея древняго населенія еще не совсѣмъ изглажены, и сколько остатковъ онаго сокрыто еще ось *скампеля* нашей европейской Археологii! — Вскорѣ дорога крушо поворошила на право; деревья сдѣлались рѣже — и монастырь св. Константина открылся передо мною во глубинѣ зеленой лощины, примыкающей къ скаламъ утесистаго морскаго берега.

Что сказать вамъ объ этой бѣдной обители? — И на ея убогихъ стѣ-

нахъ печать вѣковаго разрушенія , поражаешь прежде всего зорь вашу .
Ея низкая , почернѣлая отъ времени и во многихъ мѣстахъ обрушенная ограда , сложена подобно заборамъ варнскихъ церквей изъ безчисленныхъ каменныхъ обломковъ . Взирая на песчрую разнородность ихъ , какой нибудь натуралистъ могъ бы конечно указать вамъ всѣ признаки посшепеннаго образованія минераловъ .
Поспная монашеская фигура встрѣшила меня со всѣмъ подобоспрасптіемъ серальскаго невольника у ворошь монастырскихъ , и поклонясь до земли , бросилась предупредить Козака , подошедшаго взять мою лошадь . Крыльцо гостепрімнаго брата было уже обставлено подушками ; бѣдныя рогожки покрывали полъ онаго . Мысли . Добрый монахъ исчезъ , и чрезъ минуту возвратился , оспягченный

каймакомъ, шворогомъ и смешаною. За нимъ слѣдоваль маленькій Болгарь, неся шакже нѣскольго блюды съ оливамы, сельдереемъ и съ новымъ запасомъ многоразличной смешаны; деревянная баклажка вина заключила эши госпрономическія пригошвленія. — «Садитесь, садитесь, ошець мой!» повшоряль я безпрестанно своему раболѣпному Амфипріону; но онъ кланялся до земли съ приложенными ко лбу руками; попомъ складываль ихъ креспомъ на желудкъ, и пошупивъ глаза въ землю, оставался неподвижень, подобно мраморному изваянію Гарпокраша. Нѣтъ сомнѣнія, что мысль о какомъ нибудь маленькомъ шурецкомъ шпранѣ овладѣла въ эшо время всѣми умшвенными способностями одеревянѣлаго инока. Онъ оспался единшвеннымъ монашескимъ су-

щесствомъ въ здѣшней обители: вся прочая братія разбѣжалась во время варнской осады. Проглонивъ изъ любунышества чашку турецкаго кофе, т. е. кофейной гущи безъ сахару, я отправился въ сопровожденіи анахорета взглянуть на монастырскія достопримѣчательности. Храмъ св. Константина Великаго точно также убогъ, сумраченъ, тѣсенъ, какъ и всѣ варнскія церкви. Неугашаемая лампада теплится день и ночь передъ образомъ перваго Христіанскаго Императора. Я поклонился ему, и зажегъ свѣчу, полщиною въ цѣлый рубль, передъ его святою иконою. Эта набожная *торопатость* подѣйствовала столь сильно на моего инока, что выходя изъ церкви, онъ не только получилъ упоиребленіе языка, но указалъ мнѣ даже брошенный въ углу кусокъ мрамора съ барелье-

фомъ и греческою надписью, говоря, что въ ихъ монастырѣ находилось недавно еще три или четыре такихъ обломка. Эпоть уцѣлѣвшій оспашокъ совершенно подобенъ надгробнымъ мраморамъ, найденнымъ мною въ Варитѣ. Какимъ образомъ всѣ сіи памятники древности зашли въ монастырь св. Константина, тогда какъ все въ немъ явствуетъ недавность существованія—объяснить, можетъ быть, тѣ, кои болѣе моего посвящены въ таинства Археологіи; я же последовалъ въ эту минуточку безъ всякихъ ученыхъ предположеній за своимъ безцѣннымъ опшельникомъ, предложившимъ мнѣ посмотреть другой *писанный* мраморъ, брошенный близъ сосѣднихъ развалинъ монастыря св. Іоанна.

Напрасно стала бы я искать красокъ для изображенія этой волшеб-

ной природы, которая очаровывала меня на каждом шагу, во время сей восхищительной прогулки. Разбросанные по берегу обломки каменных громад — явные слѣды стариннаго землетрясенія; фаншаспическая дикость приморскихъ скаль; шумные порывы волнь, бѣгущихъ издалека на исполинскія стѣны ихъ, и оплетающихъ клубами серебряной пыли отъ ихъ гранишныхъ панцырей; свѣжая горная вѣпка, трепещущая надъ неукропимой спихією; говорливый фоншанъ, орошающій крупными слезами ея изумрудныя листья, песпрая пелена земли; ясная лазурь восточнаго неба; живописныя группы холмовъ и деревьевъ... Не приударить ли по струнамъ своей забытой гитары? — Впрочемъ, вамъ извѣстно, какъ вялы цвѣты простой описатель-

ной поэзи въ глазахъ нашего премудраго вѣка.

Отъ пышнаго убора сей несравненной природы вниманіе ваше отвлекается нерѣдко и здѣсь грудями поэпическихъ развалинь. Тамъ обнаженный квадраць повалившихся каменныхъ стѣнь; тамъ — длинный параллелограммъ другаго, сокрушеннаго временемъ зданія... Въ нихъ сердце человѣческое не пожалѣло бы, можетъ быть, вдохнуть часть собственной жизни своей для сравненія времени прошедшихъ съ насюющими; но какой археологъ можетъ опредѣлительно сказать: кому или чему принадлежали некогда сии разсыянные остатки давноинувшаго? — Сколько городовъ, процвѣтавшихъ по словамъ Справона на сихъ самыхъ мѣстахъ, исчезло даже до сего знамениаго географа. Приливъ и опливъ разно-

племеннаго человечества; рука времени, судорожныя измѣненія міра физическаго... Такъ напримѣръ — «большая часть Визоны» — говоритъ Справонъ — «погложена землешрясеніемъ.» Не знаю, эпопѣ ли самый городъ, процвѣтавшій, по сказанію греческаго географа между Аполлонією и Коллашією, названъ въ древнихъ картахъ Д'Анвилля *Vuzium* и поставленъ насупротивъ самаго Діонисополя; но если сіе гадательное предположеніе заключаетъ въ себѣ хотя искру правдоподобія, то какъ знать, не ошатки ли древней *Визоны* представлялись мнѣ въ хаосѣ сихъ безобразныхъ развалинъ: ибо древній Діонисополь или Крины существовалъ по мнѣнію гг. Лапорть-дю-Тайля и Корая, французскихъ переводчиковъ Справона, на мѣстѣ нынѣшняго Бальчика, и сѣдовашельно, не далѣе какъ въ 20-ши

верспахъ ошъ Константинской о-
бишели. Ксшати о Кринахъ. Исто-
рики повѣствуютъ, что море, вы-
сунувшее въ 544-мъ году изъ бере-
говъ своихъ, поглотило сей городъ
и разлилось по окрешностямъ до са-
мага Одессуса. По собраннымъ мною
на мѣстѣ свѣдѣнїямъ оказалось, что не
доѣзжая до Бальчика, нѣсколько лѣ-
вѣ сего города, существуетъ дерев-
ня, которая извѣстна здѣсь подъ
именемъ *Экрене*. Мнѣ кажется, что
сие послѣднее названїе звучитъ до-
вольно явственнo древними Кринами;
сверхъ того, Г. Будищевъ, означивъ
на морской картѣ своей одни толь-
ко песчоники сего мѣста, назы-
ваетъ оное *Криницею*; я же, съ своей
стороны, узналъ, что *Экрене* есть
довольно большая деревня, которая
до нынѣшней войны была обитаема
Турками, а теперъ заселена Болга-

★ ★

рами. Впрочемъ, какъ бы то ни было — Бальчикъ и Экрене находящаясь въ сщоль близкомъ разстояніи другъ отъ друга, что ученые гг. Лапортъ дю-Тайль и Корай не сдѣлали почти никакого промаха, предположивъ существованіе древняго Діописополя на мѣстѣ нынѣшняго Бальчика, тогда, какъ все означенные доводы заставляющъ, кажется, не безъ нѣкошорой основательности думать о тождествѣ пурецкаго селенія *Экрене* съ древними *Кринами*.

Монастырь св. Іоанна есть не иное что, какъ небольшая груда каменьебъ, закрытыхъ густою древесною чащею, а писанный мраморъ, обѣщанный мнѣ доспопочтеннымъ инокомъ — какъ бы вы думали, какимъ отккрытіемъ обогатилъ онъ меня? — Чудесный камень сей можетъ конечно украсить всякую мосшовую, но едва ли годился

для какаго бы то ни было Музея. На вопросъ мой: почему премудрый анахоретъ почитаетъ его шарнинымъ, рѣдкимъ, диковиннымъ, онъ отвѣчалъ, что безъ сомнѣнiя дорогой камень сей принадлежитъ временамъ глубочайшей древности: ибо, поступивъ шому назадъ болѣе 25-ти лѣтъ въ монастырь св. Константина, онъ съ тѣхъ самыхъ поръ помнитъ это сокровище все на одномъ и томъ же мѣстѣ.

На дальнѣйшіе разспросы мои объ окрестностяхъ, опшельникъ указалъ пальцемъ на синѣющійся вдалекѣ лѣсъ и объявилъ, что болѣе 5-ти верстъ отъ морскаго берега, и недалѣе 9-ти отъ монастыря Константиновскаго существуютъ огромныя развалины старой греческой обители. Болгары называютъ ее *Гадукою*; Грекамъ же и Туркамъ она вообще извѣстна подѣ

именем *Аладжи* - (песпраго) *монастыря*. Тамъ, по словамъ честнаго анахореша, — не только цѣлые Музеи драгоценныхъ *антиковъ* и рѣдкостей, но даже богатства болѣе существенныя : всѣ чудеса мечтательнаго *Эльдорадо* ожидаютъ предприимчиваго, который бы рѣшился на перекоръ всеобщей прусости порыться въ семь ужасномъ мѣстѣ. «Какая же опасность? какія же сокровища?» воскликнулъ я, взволнованный любопытствомъ. — «Старые люди говорятъ,» продолжалъ монахъ, «что эта чудесная обитель основана на развалинахъ *Эминскаго Филиппополя*; что слухъ о старинныхъ богатствахъ, сокрытыхъ въ его непроходимыхъ подземельяхъ, разгорячилъ однажды воображеніе какого-то инка до того, что онъ рѣшился непременно удостовѣриться собственными своими глазами въ не-

шинъ преданія; что на сей конецъ безстрашный монахъ спустился ночью одинъ съ попаеннымъ фонаремъ во глубину подземелья, и прошедь лабиринтъ онаго, увидѣлъ...» Но какъ изобразить вамъ всю неопредѣленность сего фантасмагорического видѣнія? — Изуродуйте, если хотите, нѣсколько сценъ изъ того, что Томасъ Муръ повѣствуетъ о таинствахъ древнихъ Египтянъ; прибавьте къ нему нѣсколько чудесъ изъ очарованной пещеры Аладдиновой и обставьте всю эту смѣсь нѣсколькими дюжинами древнихъ Ларвъ и воспочныхъ Гулей: — вошь чершовскій хаосъ, который окружилъ любопытнаго инока, при входѣ въ сокровенную глубину языческаго подземелья. — Подобныя бредни составляютъ конечно поэтическое достояніе всякаго младенческаго или состарѣннаго вѣко-

вымъ варварствомъ народа; но раз-
 вязка этой любопытной экспедици
 кажется мнѣ вовсе оригинальною:
 вопшь она. Послѣ долгихъ поисковъ,
 поварищи сего новаго Агамеда нашли
 его безъ чувствъ у отверзтія *про-*
клятой пещеры. Выраженіе блѣднаго
 лица его представляло самую спран-
 ную смѣсь ужаснаго съ уморитель-
 нымъ; борода спрадальца, разобран-
 ная на безконечное множество пле-
 шешковъ, скрученныхъ на подобіе
 шонкой сахарной бичевки, была всу-
 нута въ ноздри злополучнаго иска-
 шеля приключеній; но за то въ глу-
 бокихъ карманахъ его найдены цѣлой
 чешверикъ золотыхъ и серебряныхъ
антиковъ, а въ списнутыхъ кулакахъ
 нѣсколько дорогихъ талисмановъ. При-
 шедъ въ себя, онъ повѣдалъ удивлен-
 ной братіи свои неслыханныя похож-
 денія и проч. »

«Трудно въ самомъ дѣлѣ предста-
вить себѣ происшествіе столь стран-
ное и вмѣстѣ столь удивительное;»
сказалъ я моему разкасчику: «но
почему же вы полагаете основаніе
Аладжи-монастыря на развалинахъ
эллинскаго Филиппополя?» — «Такъ
толкуютъ старые люди,» — ошвѣчалъ
онъ. Прошивъ подобнаго авпоритета
говорить безъ сомнѣнія нечего; но
мнѣ кажется, что едва ли преданіе
дѣдовъ яснѣе безмолвія внуковъ о семь
любопытномъ предметѣ. Вамъ конеч-
но извѣстно затрудненіе *Виргиліе-
выхъ* исполковашелей объяснить слѣ-
дующихъ два стиха изъ 1-й книги
Георгикъ:

*Ergo inter sese paribus concussere telis
Romanos acies iterum vidēre Philippi.*

Монахъ Ларю изощраетъ для сего
весь ученый запасъ свой; но его длин-
ныя комменсаріи кажутся шемными

и вовсе неестественными и неупоминанному аббату Делию; — спрашивается: ясны ли его собственные доводы? — Не знаю; но будучи вовсе не намбрень сличать ученых мнѣній о разномѣстномъ существованіи двухъ древнихъ городовъ Филипповъ (Philippes), и еще менѣе разсуждать о томъ изъ нихъ, близъ коего Юлій Кесарь рѣшилъ судьбу тогдашняго міра, я позволяю себѣ замѣнить только то, что судя по границамъ, опредѣляемымъ Делиемъ Македоніи, во время Римскаго владычества, т. е. по протяженію оной къ востоку до береговъ Нестуса (нынѣшняго Кара-су, или Меспо), должно конечно полагать существованіе еракійскаго Филиппа — города споль знаменитаго кровавымъ торжествомъ Триумвировъ — на рубежѣ сихъ двухъ обласней, и слѣдовательно, на мѣстѣ нынѣшней шу-

рецкой деревни *Филибе*, находящейся въ 35-ти верстахъ отъ Ямболи. Изъ всѣхъ сихъ предположеній явствуетъ, что преданія дѣшнихъ сфарцевъ о существованіи *элинскаго Филиппополя* на мѣстѣ ихъ дивнаго *Аладжи-монастыря* не заслуживаетъ никакаго дѣльнаго опроверженія; но такъ какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины, то не сходство ли названія древнихъ *Кринъ* (*Діонисополя*) съ *Кренидами*, ш. е. градомъ испочниковъ, первоначальнымъ именемъ древняго еракійскаго Филиппа, смѣшало въ ихъ понятіи сей славный городъ съ мѣстомъ, находящимся, какъ я сказала уже, въ столь близкомъ разстояніи отъ нынѣшней деревни ихъ *Экрене*. Какъ бы то ни было, я увѣренъ что вы простите мнѣ это неумѣстное опущеніе. Увлечшись преждевременными разсужденіями о мѣстѣ,

увѣковѣченномъ пораженіемъ Бруша и Кассія, я при нынѣшнихъ обспояшельствахъ нисколько не опчаяваюсь въ возможности проскакать по равнинѣ, на коей за осмнадцать вѣковъ передъ симъ погибли *последніе Римляне*.

Часы мои показывали уже 7, когда возвращаясь въ монастырь св. Константина, мы сѣли на лошадей и пустились обратно въ Варну. Картина окрестностей представилась мнѣ на эпошъ разъ совѣтъ въ другомъ видѣ. Густыя облака шянулись огромными темноглубыми массами по безпредѣльности вечерѣвшаго неба. Колоссальные клубы ихъ спускались по стройнымъ, по разстѣянными слоями къ землѣ, драпировали лѣсисшыя вершины холмовъ, набросанныхъ въ безпорядкѣ другъ на друга и придавали имъ видъ волкановъ, дымящихся предъ сокрушительнымъ изверженіемъ.

Вся эта смѣсь возбуждала невольную мысль о первобытномъ хаосѣ; но декорация перемѣнилась, когда песчрая Варна представилась глазамъ моимъ. Западавшее солнце мелькнуло у подножія отдаленныхъ горъ, за противоположнымъ берегомъ залива. Темная туча висѣла надъ нимъ подобно несобѣяшному покрывалу; одинъ только лучъ шянулся необозримымъ краснымъ пучкомъ по морскому пространству. Корабельныя мачты, окруженныя его пурпуровымъ полусвѣпомъ, казались исполнскими факелами, догорающими въ шоржественномъ сумракѣ сей великолѣпной карпины.

Вы можете быть спросите: какое новое зло или благополучіе удерживало меня до сихъ поръ здѣсь, по возвращеніи изъ Конспаншиновской обители? — Ёду, My dear; на этой же недѣль пускаюсь въ дальнѣйшій

пушь... Проклятая надежда вымолишь необходимое военное прикрышіе для обозртія — чго бы вы думали?... *Страшнаго Аладжи-монастыря* съ его заколдованными пещерами, приковывала меня до сихъ поръ къ несносной, варварской, ошврашительной Варнѣ — и безъ сомнѣнія гг. черти подѣлились бы со мною своими подземными сокровищами, если бы прибывшій вчера по бальчикской дорогѣ транспортъ, не привезъ сюда десятерыхъ піонеровъ, конхъ носы и уши показались слишкомъ длинными повстрѣчавшимъ ихъ рабамъ великаго Пади-Шаха. Будучи совершенно доволенъ наспоющею пропорціею сихъ двухъ членовъ своихъ, я разсудилъ за благо сберегать ихъ до самой послѣдней крайности. Правду сказать, трудно поручиться за число и вѣжливость ухортзовъ, разсѣ-

янныхъ по всеѣмъ направленіямъ предстоящихъ мнѣ путешествій; но — *«advienne que pourra»* — говаривалъ маленькій Капралъ, нашъ общій пріятель.

Окончивъ это несвязное посланіе, я долго думалъ о средствахъ выбросить весь лишній вздоръ, который за грѣхи мои разсыпанъ полными пригоршнями по его безполковымъ страницамъ; но это новая Египетская работа; а вамъ извѣстно, какъ крупа неодолима лѣнь моя. И такъ — уничтожьте, сожгите, если угодно, не распечатывая эту огромную эпистолау. Впрочемъ, въ слѣдующемъ письмѣ я употреблю всѣ силы заключить свою праздную словоохотливость въ предѣлахъ одного только почтоваго листика; постараюсь предначертать себѣ планъ болѣе правильный и вооружусь дѣльною строгостію

къ своему непокорному слогу. Въръше
сему; надѣйтесь и — прощайте.

В. Тепляковъ.

Г · Л А В А

ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА.

Между шѣмъ посланникъ нашъ перѣхаль границу, разграничивающую нынѣ Пиряшскій повѣсь опъ Лубенскаго. Общихъ вѣжалыхъ дорогъ тогда не было въ Малороссіи; но почти каждому извѣстна была какая нибудь особенная, по мнѣнію его, самая ближайшая. Часто такая дорога, уклоняясь опъ ровной поверхности, проскальзывала въ рышвины, царапалась по косорогу, вѣшалась надъ провалами, и одинъ неровный,

слегка прощипанный подковою коня слѣдъ, означалъ ея уклоненія. Доспашочно было ввалишься въ лѣсъ или на безлюдное поле, чтобы заставишь спранспвующаго рыцаря не разбирашь ночлегомъ. Главное же неудобство для путешественника, неознакомленнаго съ мѣстами, было то, что онъ долженъ былъ на разстояніи 50 или 100 ружейныхъ выстрѣловъ вывѣдывать и выпрашивать пути у жителей, копорыхъ показанія всегда почти разногласили.

Пустивъ поводъ и наклонивъ голову, всадникъ нашъ давно уже погруженъ былъ въ раздумье, и только изрѣдка попадавшіяся кочки и пни срубленныхъ деревъ, заставляя спыкашься вѣрнаго его поварища, борзаго коня, перерѣзывали разомъ его думы, копорыя снова разноцвѣтнымъ ожерельемъ низались въ головѣ

его. Въ первый разъ еще случалось ему выполняшь такое порученіе : ѣхашь , Богъ знаешь куда , въ неза-селенныя степи Украйны ! и кто эшошь Глечикъ ? ... какая нужда Казимиру до начальника какой-то шайки , называвшаго себя полковникомъ Миргородскаго полку ? ... Ему не объявлено было ничего удовлетвори-тельного ни о характерѣ , ни о силѣ его , ни о шомъ , какія онъ имѣеть сношенія , и съ кѣмъ ? ... Къ чему же эта осторожность , какую нужно было имѣть въ рѣчахъ съ нимъ ? Зачѣмъ перелетаешь такую даль , что-бы только доставишь ему свѣдѣнія о событіяхъ , волновавшихъ Варшаву ? И чѣмъ могъ бышь полезень шайкой опдаленный союзникъ ? ... Мысленно досадовалъ путешественникъ на себя , что не выведалъ обстоя-тельно объ эшомъ ошъ Бригитты :

* *

ей, безъ сомнѣнiя, сколько нибудь были извѣстны причины шакого страннаго посольства. Солнце медленно прощалось съ землею. Живописныя облака, обхваченныя по краямъ огненными лучами, поминутно мѣняясь и разрываясь, будто чудныя пѣни волшебнаго фанаря, лепѣли по воздуху. Сумерки угрюмо надвигали сизую пѣнь свою и припворяли мало помалу ставни окошекъ, освѣщавшихъ свѣпмый Божiй мiръ. Въ это время пушникъ нашъ, послѣ долгаго степнаго странствiя, въѣхалъ въ лѣсъ. Раздѣпныя безжалостною осенью деревья сквозили, какъ рѣшето, и казалось, дрожали отъ вечерняго холода. Желпыя листья, какъ объѣдки и битые ковши отъ недавняго пиршества, валялись неприбранные, и одинъ только шелестъ ихъ, ходя по лѣсу, давалъ

знашь о присущствіи въ немъ наше-
 го всадника. Сквозь обнаженную вер-
 шину лѣса шемнѣло небо; рѣзкій въ-
 шеръ подымался съ поля и мчалъ за-
 унывные свои вопли въ гущу лѣса.
 Пушникъ поневолю задумался и оспа-
 новилъ коня своего въ нерѣшимости,
 что предпринять, пошому, что до-
 рога совершенно исчезла и передъ
 нимъ шорчалъ одинъ шолько лѣсъ,
 да неизвѣстность; какъ вдругъ гром-
 кій голось: *цобъ, цобъ!* поразилъ
 слухъ его, шяжело нагруженный возъ
 заскрыпѣлъ и пара воловъ показала
 изъ-за деревьевъ. Надобно вообра-
 зить себя на мѣстѣ пушешествен-
 ника, чтобы вполне почувствовать
 радость такой встрѣчи. Луна въ
 эшо время вырѣзалась на небѣ. Се-
 ребряный свѣтъ, перепушанный шнью
 ошъ деревъ, палъ рѣшешкою на зем-
 лю, освѣшивъ далеко окрешность,

и Лапчинскій увидѣлъ передъ собою дюжого пожилаго селянина. Сѣдые, закрученные внизъ усы его, гордо покоились на смугломъ, означенномъ рѣзкими мускулами лицѣ, которое такъ простодушно опшѣняла какая-то азіятская безпечность. По чернымъ бровямъ серебрилась сѣдина; огонь вылеталъ изъ большихъ карихъ глазъ и въ огнѣ томъ высвѣчивались попеременно то хитроспѣ, то простодушіе. На головѣ у него была черная козацкая шапка съ синимъ верхомъ. Корошенькій нагольный шу-лупъ, зашнурованный яркоцвѣтнымъ поясомъ, служилъ непроницаемыми латами отъ холода; сверхъ этого одѣянія, въ добавку накинутъ былъ обыкновенный *кобенякъ* изъ толстаго смураго сукна, который и понынѣ носятъ малороссійскіе мужики. Изъ-за пояса торчала пищаль и изогну-

шая шапарская сабля — оружіе, которое въ шогдашніа смутныа времена всякой Козакъ, рашникъ и селянинъ, почиталъ необходимошью всегда имѣшь при себѣ.

— «Помогай Боже, землякъ!» сказалъ онъ, ошановивъ воловъ и обнаживъ увѣчанную полько на верхушкѣ киспью волосъ голову, въ знакъ того уваженія, какое обыкновенно оказывали шогда простые поселяне рашнымъ людамъ. Надобно припомнить, что Лапчинскій, въ избѣжаніе непріяшностей, какимъ бы онъ неминуемо подвергнулся опъ жипелей, неперпѣвшихъ всего, что полько носило названіе Ляха или принадлежало Ляхамъ, принужденъ былъ переѣнншь щегольской костюмъ свой на скромное одѣяніе козацкаго десяшника.

Всадникъ нашъ опвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы на сіе привѣщаніе. — « Не знаешь ли, землякъ, » молвилъ онъ съ ласковымъ видомъ : « далеко ли отсюда до Ромодановскаго шляху? »

— « Не съумѣю, добродію, сказать вдругъ; повремените немножко! » — Тутъ принялся онъ высчитывать, что выражали машинально сгибаемые имъ пальцы. — « До Ромодановскаго шляху!... Какъ бы вамъ сказать... оно не такъ, чтобы близко. Знаете, Козаки наши немного было перешрусили: кто-то пронесъ слухъ, что все шляхетство собирается къ намъ на Сулу въ гости. — Ну, спохватились съ дуру и разломали мосты; такъ вамъ, добродію, чтобы не пришлось давать большихъ объѣздовъ. Впрочемъ, Богъ его знаетъ: я говорю это потому, что другіе

говоряшь... такъ, можешь бышь, выберешся и коропкѣй пушь; шолько, знаеше, шеперь время осеннее.... шо спанешся, чшо и далеко.... Только опяшь же, какъ подумашь, шо кажешся, чшо и близко. Вошь другое дѣло, если бѣ были посшавлены шолбы по дорогѣ, какіе безъ сомнѣнія сами, добродію, бывали въ Польшѣ и встрѣчали по шамошнимъ дорогамъ....

Не должно удивляшья прошворѣчіямъ, изпесшравшимъ монологъ нашего поселянина. Крошь дѣйствительной неизвѣстности, Малороссіяне любили поусомнѣться и въ самомъ знакомомъ имъ дѣлѣ. Малороссіянинъ и донынѣ ничего не скажешъ наобумъ, но разъ десяшь поправишь себя, а иногда съ умысломъ запушаешъ своего слушателя такъ, чшо топъ къ изумленію своему видить,

что до шакого-шо мѣста и далеко и близко.

— «Куда же, покрайней мѣрѣ, мнѣ шеперь держашь пушь?» спросилъ странникъ, вперивъ испышующій взоръ на своего наставника.

Тутъ селянинъ нашъ осмопрѣлъ его хорошенько съ головы до ногъ. «А вы, добродію, хотише шеперь вхашь?»

— «Почему же не шеперь?»

— «Богъ съ вами! шеперь и нашъ братъ, здѣшній, уже сильно подумавши развѣ поѣдетъ. Знаешъ, *мосьпане!* вѣдь намъ спѣишь шолько провхашь такое время, въ какое добрый мужикъ успеетъ вымолошнить полкопны жипа, чшобы слышашь собачій лай съ моего двора. Все бы лучше опочишь въ теплой хашѣ, а завтра хопъ и съ Богомъ!»
Отъ шакого предложенія нельзя бы-

до откажешься пушнику, копорый, кажешся, шого шолько и ожидадь.

— « А куда, » спросиль дорогою поселянинь нашъ своего будущаго гостя, « лежить пушь вамъ, мось-пане? »

— « Ёду-шо я далеко, на шу спору на Ворскла, къ Миргородскому полковнику Глечуку. Чшо, землякъ, не знаешь ли и ты его? »

— « Какъ не знать эшой старой собаки, копорая ни себъ, ни другимъ добра на полшеляга не сдѣла-ла. А изъ какихъ мѣспъ Богъ не-септь? »

— « Изъ великой станицы, что подь Лохвицею.

— « Какъ же это, добродію! мы не слышали ничего про то, чшобы станица была подь Лохвицею? » — Тутъ вонзиль онъ въ него оспрый

взоръ свой, кошорый, казалось, хотѣлъ выпышашъ его душу. — « И шо сказашъ! гдѣ уже мужику знашь все про войсковыя дѣла; до нашего захолустья еще и слухи не дошли объ эшомъ. »

Посланникъ нашъ спохватился, что не нужно бросашъ оспорожности въ розказняхъ и съ просшымъ селяниномъ, и пошому, собравшись немного съ мыслями, продолжалъ: « То ешть, вопшь видишь, землякъ, навѣрное я еще не могу сказашъ. Въ самой-то спаницѣ я не былъ, а встрѣпившійся подь Лохвицею запорожскій сошнивъ Шляйко, узнавъ, что я ѣду въ эшѣ мѣспа, далъ мнѣ грамошку къ Миргородскому полковнику. Лештъль онъ, какъ угорѣлый; изъ разспросовъ его я ничего не могъ узнашь навѣрное. Недавно передь штъмъ возвратился я изъ Варшавы... Видишь,

онъ можеть бышь имѣть причины
недовѣрять мнѣ... шо ешь... онъ...
шы, думаю, понимаешь меня.

— «Понимаю! гдѣ уже намъ, шем-
нымъ людямъ, разжевать, какъ слѣ-
дуешь!»

Госпъ во все эшо время вѣхаль ша-
гомъ, уравнивая легкую поспушь сво-
его гордаго коня съ лѣнливою вы-
спупкою шяжелыхъ воловъ, впереди
копорыхъ съ флегматической важ-
ностью шель селянинъ, помахивая
бапогомъ и попягивая корошенькую
люльку (*). Дымъ опъ нея обнималь
облаками смуглое лице его, кошо-
рое, освѣщаясь иногда вспыхивав-
шимъ огонькомъ, казалось лицемъ
какого нибудь упыря, выказывавшимъ
ся по временамъ изъ непробуднаго

(*) Трубку.

болошнаго тумана и сѣявшимъ искры чуднаго огня. Эшо заставляло Лапчинскаго чаще всмаприваться ему въ глаза, чшобъ удосповѣришься, точно ли шо былъ его шоварищъ. Но селянинъ нашъ самъ ошгонялъ всякое на счесть его сомнѣнiе, не давая минушы задумашься своему гощю. — «Слыхали ль вы, добродiю, про шакое диво?» говорилъ онъ, не выпуская изъ рша своей шрубки: «видишь ли сосну, вонъ далеко, далеко чернѣеть передъ нами?» и пушникъ къ удивленiю своему шочно увидѣлъ сосну. Какимъ образомъ зашла она сюда, когда во всей почти эшой шпоронѣ Малороссiи, на разстоянiи можешъ бышь по сту верстъ во всѣ шпороны, взоръ не ошыскивалъ эшой суровой жилицы сѣвера. Невольно вперилъ онъ на нее глаза свой: она одна шолько посреди об-

наженного лѣса сохраняла, казалось, жизнь, но жизнь ли эшо? Эшо была мумія, кошорую съ изумленіемъ ошывающъ между голыми скелешами, одну не сокрушенную плѣніемъ. Въ ней видны тѣ же черпы, та же прекрасная форма челоуѣка обьемлешъ ее. Но, Боже! въ какомъ видѣ? Неопразимое, непоняшное чувствво шоски и ужаса врываешся въ душу при взглядѣ на жалкій обманъ, кошорымъ суешное искусство силишся выхватишь и удержатишь шѣнь, одну шолько шѣнь жизни изъ челюстей разрушенія.

— «То еще не диво, что сосна, а вошъ что диво: лѣшъ за пяшдесяшъ передъ шѣмъ, какъ мы балагуримъ съ вами, жиль, чущъ ли не на вошъ эшомъ мѣспѣ, въ хоромахъ великій панъ. Воевода ли онъ былъ, сопникъ ли какой, или просто панъ,

эшого я не могу сказаць; знаю шолько, што онъ былъ Ляхъ и не нашей православной вѣры. Жилъ онъ, какъ всѣ нечистые польскіе паны живутъ: домъ съ утра до вечера ходенемъ ходилъ ошъ вина да ошъ пѣсень, и далече прохвапывала дрожъ Христіанина, когда онъ слышалъ раздавашіеся изъ лѣсу крики. Хлопцы изъ двори его то и дѣло што наѣздничали по окрестностямъ, да обирали бѣдныхъ жителей. Эшого мало. Спали обворовывать да обдираць Божьи церкви, шакъ што Христіанамъ приходилось жудко. Чшо спанешь дѣлать! ихъ горсть, а двори-шо, можетъ быть, съ полшоры сошни, да и на каждого бердыши, самопалы и вся збруя рашная. Вотъ и вызвался одинъ дьяконь — какъ уже его звали и изъ какого приходу онъ былъ, ей Богу, добродію, не знаю;—

вызвался и пришелъ въ лѣсъ. Если бы шеперь не ночь, да не засыпано лиспьемъ, то я, можешь спашься, показалъ бы вамъ оспашки этого дьявольскаго гнѣзда. На шу пору—шакъ видно самъ Богъ уже хотѣлъ — былъ у нихъ какой-шо окаянный праздникъ. У дьякона вѣщее засшучало, какъ на зарѣ дятель. Скрѣпившись, сколько доспавало духу, шолкнулся онъ въ вороша, запершыя шолпившимся народомъ. Цымбалы и бандуры бречали и гудѣли, словно на свашьбѣ, а пьяные паны и дворня изо всей силы отдиради *краковякъ*. Едва шолько увидѣли дьякона, какъ и закаркали: «Зачѣмъ сюда принесли попа?» а панъ говоритъ: «Гей, хлопцы! налейше-ка попу водки: пусть его панцуешъ съ нами, добрыми Христіанами, *краковякъ*, да подгоняйте его хорошенько бапожь-

емъ. » Дьяконъ, исполнившись видно Святаго Духа, началъ представлять нечесливымъ весь грѣхъ беззаконнаго жишья ихъ, и какія на шомъ свѣспѣ будущъ имъ муки, и какъ будущъ они плясають въ *пекль* (*), шолько не по своей волѣ, а понуждаемые горячими вилами чершей. — « А! такъ ты еще и проповѣдь читають! Гей, хлопцы! поднимите попа на крылось, а чшобъ не простудилъ горла, накиньте ему галсшухъ на шею! » И пущъ же челядь съ нечеловѣчьимъ смѣхомъ и гиканьемъ вспащила несчастнаго дьякона на ту самую сосну, мимо которой лежитъ намъ пущъ. Позвольте, *добродію*: пущъ-то и исторія: сосна эша какъ разъ спояла передъ хоромами, и какъ

(*) Въ здѣ.

нарочно еще передь самыми окош-
ками панской свѣщницы. Вопль какъ
ночь уже разогнала всѣхъ: кого на
лавку, кого подь лавку, пану наше-
му чудится, что на него каплетъ
что-то холодное. Дрожь проявляла его;
мешнулся, какъ полоумный, съ по-
спешли, смотришь: колючія вѣтви
сосны царапаются къ нему сквозь
спѣну и будто живыя, выпягиваютъ
ся длиннѣе, длиннѣе и какъ разъ
достають до него. Перекрестился,
можетъ быть, въ первый разъ опъ ро-
ду нашъ панъ, когда увидѣлъ, что
изъ нихъ каплетъ человѣчья кровь,
сначала холодная какъ ледъ, а по-
номъ жжесть да и полько! Къ окну—
такъ и ноги подкосились: сосна вся
посинѣла, какъ мертвецъ, и страш-
но киваетъ ему черною, всклоко-
ченною бороною. Сначала было ду-
малъ панъ, не хмель ли бродить у

* *

него въ головѣ; шакъ на слѣдующую ночь шо же диво, и вся дворня въ одинъ голосъ, что по лѣсу шо и дѣло что оппѣвають усопшаго шакимъ страшнымъ голосомъ, что всякаго морозъ дралъ по кожѣ и волосы щешиною поднимались на головѣ. Чего ужъ не дѣлали: и погребли съ честью шѣло дьякона, и принимались было рубить сосну, — шакъ съкира не беретъ: что ни ударить, шопоръ вызубрился, а дерево спонеть, будто дитя некрещеное. Рѣшились наконецъ бросить это окаянное мѣсто. Вошь каждый день и соберется вся челядь, ошдлають коней, заберуть все съ собою и выѣдутъ, еще черши не бьются на кулачки; ѣдутъ, ѣдутъ до самаго вечера: кажись, Богъ знаетъ куда заѣхали! Ошановаяся ночевать — шопришь, знакомыя все мѣста: опяшь шошь же ди-

кой лѣсъ, шѣ же хоромы, а прокля-
 шая сосна, пропягивая вѣшви, слов-
 но руки, хвашаетъ пана и обдаешъ
 его кровавыми каплями; а черная,
 всклокоченная борода шакже жудко
 киваетъ ему...» Тупѣ разскащикъ
 нашъ спремительно ударилъ въ слу-
 шателя огненными глазами своими,
 блиспавшими еще ярче посреди но-
 чи, и казалось, не безъ удовольствія
 замѣшилъ въ немъ впечатлѣнiе, про-
 изведенное его разсказомъ. Дѣйствителъно
 пупникъ нашъ не могъ не
 ощутишь какого-то шайно врывава-
 шагося въ душу страха, и съ без-
 покойствомъ посматривалъ вокругъ.
 Въ это время поравнялись они съ
 сосной. Серебряный свѣшъ падалъ на
 печальный вѣшви и отбрасывавшiяся
 отъ нихъ тѣни, будпо продолженiе
 ихъ, переламливаясь о встрѣчныя де-
 ревя, ложились безконечною лѣсп-

ницею на землю. Въперъ слегка покачивалъ вершину и когда путьникъ, немного проѣхавъ, оглянулся назадъ, то ему показалось, что какой нибудь непріязненный духъ, принявъ дикій, величественный образъ, медленно слѣдовалъ за нимъ, печально покачивая угрюмою бородою и разкидывая темнозеленыя объятія свои, въ намѣреніи схватить его.

— «Что же далѣ случилось?» спросилъ онъ умолкнувшаго рассказчика, стараясь подавить невольную робость.

— «Что? жизнь не въ жизнь спала пану: разпустилъ всю свою дворню, спалъ схимникомъ и какъ оправишь пятьдесятъ двѣ панихиды за упокой души дьякона, тогда только стихнуло чудо. Куда же дѣлся послѣ того схимникъ, этого никто не скажетъ вамъ. Дня за три до *Купа-*

ла, каплетъ съ эшого дерева день и ночь роса. Говорятъ еще, что и сгубленная чья-то душа таскается по лѣсу. Теща рассказывала года за чепыре, когда была еще при памяти, что встрѣтила однажды въ лѣсу дьявола въ красномъ жупанѣ, въ какомъ ходилъ и покойный пань. *Цобъ, цобъ, цобе! гей!* Вотъ мы, *добро-дію*, и пріѣхали. — Тутъ принялся онъ стучать въ низенькія ворота, рѣдко убишья впоперегъ положенными досками, какія и шеперь можно видѣть почти у каждаго малороссійскаго поселнина. Лай собакъ залился по лѣсу и старая женщина, въ накинупомъ на плеча шулупъ, вышла отворишь ворота. Глазамъ нашего путника представился небольшой дворикъ, обнесенный заборомъ изъ болотнаго тростника, нѣсколько сараевъ и хлѣвовъ, укрытыхъ такимъ

же проросшикомъ, и обыкновенная малороссійская хаша. На дворъ навалень былъ ворохъ ульевъ, изъ которыхъ многіе развѣшены были на деревьяхъ, нагибавшихъ со всѣхъ сторонъ любопытныя вѣшви свои во дворъ, какъ будто низкая буколическая жизнь его могла доставить имъ, величественнымъ, занимательное зрѣлище. Позади двора тянулось еще какое-то строеніе, котораго за темнотою нельзя было разпознать. По всему можно было заключить, что имѣніе сіе принадлежало слишкомъ зажиточному Козаку: въ тогдашнія времена не у всякаго могло найтись подобное великолѣпіе. Пока хозяинъ занимался выгрузкою своего выюка, Лапчинскому было довольно времени разсмотрѣть внутренность этого обиталища. Все въ немъ было почти также, какъ и нынѣ у просто-

людимовъ Малороссіи: прошивъ дверей нѣсколько оконъ, передъ ними споль, на кошоромъ замѣшилъ онъ ржаной хлѣбъ и соль, не снимавшіеся съ него никогда въ знакъ того, что гость во всякое время можеть найши радушный приѣмъ себѣ. Всю комнату обходили липовыя широкія и узкія лавки; у дверей громаздилась печь, съ отверстіемъ внизу, заслоненнымъ частію рѣшеткою, изъ-за кошорой выглядывали куры, гуси, индѣйки и домашніе кролики. Каждый изъ сихъ безсловесныхъ жильцовъ суешился по своему: пищаль, кудахпаль, гогопаль, и казалось, даваль знашь, что и его голось участвуешь во всеобщей разноголосицѣ. На полу, мальчишка лѣтъ чепырехъ колошилъ огромнымъ подсолнечникомъ по опрокинутому горшку, между тѣмъ какъ другой, годомъ поста-

рѣе, душиль за горло коша, напѣвая какую-шо пѣсню, копорую, вѣрно, ошъ частаго повшоренія его мамери заучиль навѣки. Передь большимъ, окованнымъ сундукомъ, сидѣла дѣвочка лѣшь одиннадцати, держа на рукахъ груднаго ребенка, плакавшаго изо всѣхъ силъ, не смопрія на шо, что она, желая забавишь его, побрякивала огромнымъ замкомъ и спращала малюшку вошедшимъ госпемъ. На стѣнѣ висѣли: серпъ, сабля, ружье, копораго замокъ былъ развинченъ и лежалъ близъ ружья на полкѣ, вѣроятно опложенный для починки; сѣкира, шурецкій пистолепъ, еще ружье, неопущенная коса и корошенькая нагайка — орудія, съ незапамяшныхъ временъ вѣчно враждовавшія между собою и копорыя непоняшный человекъ заставялешъ

миришься, не смощря на несходныя ихъ свойства.

— «Прошу не погнѣвайтесь, *добро-дію*, что заспавиль васъ ждашь не-много!» сказала вошедшій хозяинъ: «шакъ проклятая ярмарка ошеломила меня, что до сихъ поръ въ голову базаръ ходить. Счастье еще, что спарухи моеи нѣтъ дома; а то бы она вымыла мнѣ голову. Дома шолько насъ: я да теща.» При семь словъ вошла та самая спаруха, кошорая ошворяла вороша. Съ ка-кимъ-то груснымъ чувствомъ разсмашриваль ее пупникъ: казалось, передъ нимъ стояла жершва могилы, въ кошорой сильная природа нарочно удерживала жизнь, чтобы пока-зашь человѣку всю ничшожность дол-гольшія, къ коему шакъ жадно спре-мяшся его желанія. Могильное равно-душіе разливалось на усьянныхъ мор-

щинами чертахъ ея. Ни искры какой нибудь живости въ глазахъ! мушныя, они устремлялись порой на него; но шотъ бы обманулся, кшо прочиталь бы въ нихъ что нибудь похожее на любопытство. Они ни на что не глядѣли; имъ все казалось смутно, какъ не совсѣмъ проснувшемуся человѣку. Покамѣсть предавался онъ такимъ чувствамъ, снаруха отправилась на печь — всегдашнее свое жилище, весь мѣръ свой, копорый также казался ей просторенъ и люденъ, какъ и всякой другой; а хозяинъ обратился къ дѣтямъ своимъ. «Ай, да Федотъ!» говорилъ онъ, поднимая одною рукою подъ пополокъ чальчика съ подсолнечникомъ: «гдѣ ты взялъ такой страшный сонегникъ (*)? да эшимъ

(*) Подсолвечникъ, по малороссійскому произношенію.

шы какъ нибудь челоувѣка убьешь! Ты что шамъ дѣлаешь, Карпо? коша душишь? Какой же я шебѣ гостинець привезъ! Сшупай же, собачій сынъ! что жь ты стоишь и рошь разинуль? Вопшь какъ видите, добродію, спо разъ полкую, что я его батька: до сихъ поръ не вѣришь ледага дѣтника (*). Э, э! да шы долго у меня будешь ревѣшь, негодный плакса? А подайте мнѣ батогъ! вопшь я его! Давай его сюда, Маруся; я сей часъ за окошко: пусть шамъ съядяшь его волки, либо Ляхи...

— «Тебя таки, землякъ, Богъ надѣляль дѣтьми?» обратился госпъ нашъ съ вопросомъ къ своему хлоппливому хозяину.

(*) Негодный ребенокъ.

— Да не безъ того, *мосьпане!* всѣхъ-шо ихъ у меня семеро. Два уже поженились на чужой споронѣ; шолько чоршъ знаешь, какое приданое взяли за невѣсшами: по сажени земли, на кошорой ничего не родился, кромѣ волчца и бурьяну. Чшо жъ ты, *Федошъ*, не скажешь спасибо? панъ даетъ пряникъ, а онъ и не поклонился. Не извольте цѣловать его! у него вся рожа выпачкана золою. Были мнѣ съ нимъ порядочныя хлопоты. Услышадь, что ѣду на ярмарку, — шакъ: возьми и меня, шату! — Да куда я себя дѣну? шамъ себя задавяшь! — Ныгъ, не задавяшь! возьми, да и возьми! — Да шамъ шеперь шолько *Цыгановъ*, чшо еще украдутъ тебя — и тогда поминай какъ звали. — Возьми, да и шолько! — Чшо станешь дѣлать? плачу шакого натворилъ, чшо Боже

упаси! Насилу унялъ его обѣщаніемъ привезши медоваго коня съ золошой головою. Ну, Маруся, матери не-зачѣмъ дожидаться: давай-ка намъ *ветерять* (*). Баба ужъ вѣрно спишь! Такъ до кого, *добродію*, » продолжалъ онъ, вдругъ оборотясь къ госпою и садясь за споль: « говоришь ты, ѣдешь? У меня подъ старость голова какъ дырявое ведро: сколько ни лей воды въ него, все пусто; сколько ни толкуй умныхъ рѣчей, все позабудеть. »

— « Какъ, землякъ? развѣ я не сказалъ тебѣ, что до Глечика, » отвѣчалъ гость, немного удивленный такою странною забывчивостію.

— « До Миргородскаго полковника? шакъ нечего тебѣ и забираешься такъ далеко: не кто другой, какъ онъ, сидишь передъ побою, *мосьпане!* »

(*) Ужинашь.

Если бы въ это время пуля пролетѣла мимо ушей Лапчинскаго, онъ былъ бы менѣе удивленъ. Такъ внезапно, такъ неожиданно напасть на него въ разплохъ, когда всѣ мысли его разбрелись... когда... Нѣтъ! не можетъ быть: онъ ослышался! И глаза его неподвижно устремились на хозяина, какъ бы желая удостовѣриться въ лживости того, о чемъ донесъ ему слухъ его.

0000.

ВЫДЕРЖКИ

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

1.

Окруженный прелестію природы, среди цвѣповъ, я мечшаю шеперь въ шой самой бесѣдкѣ, гдѣ хранился Альбомъ Марии. Разкрываю его... какая пестрая смѣсь мыслей и чувствъ!... Вотъ кто-то написалъ: «*И я былъ въ Павловскѣ!*» но кто это я? — я не знаю. Вотъ еще надпись: «*Павловскъ огонь хорошъ!*» — Я съ нимъ согласенъ, Павловскъ дѣй-

спвишельно хорошь, но для чего написаль почтенный постъшишель въ альбомѣ подобную испину? — я не знаю... Смошрю далье — въ иныхъ спишкахъ замѣнно чувешво... Передо мною споншь спарый инва-лидъ: заговорите съ нимъ — и вы увидите, какая непришворная лю-бовь къ священной памяти Марии живешъ въ сердцахъ жипелей Пав-ловска!... *Бывало* — вошь ихъ люби-мое слово; въ эпомъ *бывало*, за-ключены всѣ ихъ воспоминаія. «Здѣсь *бывало* Императрица опдыха-ла — здѣсь *бывало* Она чай кушала — здѣсь *бывало* » — и иень конца ихъ печальному воспоргу!... Между про-чимъ, одинъ инвалидъ *розоваго па-вильона*, рассказаль мнѣ, какъ одинъ постъшишель написаль просьбу въ аль-бомѣ, о помѣщеніи своей дочери въ Инспишупъ. Два дни была ненасп-

ная погода, Императрица не гуляла въ саду; наконецъ въ прешій день просіяло солнце, Марія посѣдила павильонъ и по обыкновенію спросила заслуженнаго воина: «Нѣтъ ли чего нибудь новенькаго?» — «Есть, Машушка, » отвѣчалъ инвалидъ: «кто-то былъ и написалъ что-то въ альбомѣ... Императрица прочитала, и просьба не была отвергнута... Сей анекдотъ я записалъ въ мою книжку. Теперь нѣтъ уже Благодаршельницы на землѣ; слѣдственно можно, не будучи льстецомъ, говоришь о Ея благодѣяніи.

2.

Перелистываю альбомъ... вотъ и почеркъ Карамзина!... его нельзя пропустить безъ вниманія... Въ семь почеркѣ есть поэзія!... Что бы

**

онъ здѣсь ни написалъ — для меня все равно; сіи строки напомнили мнѣ Исторію Россійскаго Государства!... Кто любитъ свое отечество, тотъ безъ сомнѣнія полюбитъ Карамзина, Державина, Жуковского, Пушкина — полюбитъ ихъ за услуги, оказанныя ими родной липературѣ. . . .

Но какое печальное чувство стѣснился въ душу, когда смотришь на почеркъ знаменитаго чело­вѣка, плѣющаго во гробъ?... Небрежныя его строки, кажутся живыми... онъ говоритъ о смерти!... Перелистываю альбомъ... сколько людей посѣщало сей прекрасный павильонъ! Гдѣ они теперь? многихъ ужъ нѣтъ на землѣ; нѣтъ и Самой Владѣтельницы Павловска!... ихъ пережила сей альбомъ... Розовыя кушны цвѣтуть какъ прежде; но они теперь кажутся

мнѣ не символомъ радости, или любви — но шѣми печальными цвѣтами, которыми украшаютъ гробы усопшихъ людей... Каждый день печальный опытъ напоминаетъ мнѣ мою любимую мысль: *ты гость въ семь мѣртъ*. Не только камень надгробный, звукъ колокола, взглядъ умирающаго, или встрѣча съ дряхлою старостию — но даже и одинъ завялый листокъ можешь снова поселить во мнѣ равнодушіе къ земному... Къ чему намъ собственность, когда каждый мигъ приближаетъ насъ къ могилѣ? ошъ колыбели до гроба — мы поспешенно умираемъ... Младенчество и старость нельзя назвашъ жизнью... что же наша жизнь?... Нѣсколько лѣтъ горести? или нѣсколько минушъ удовольствія?... И то и другое ничтожно.

3.

Каждый разъ, углубляясь въ нравственное существо чловѣка, я нахожу въ своемъ сердцѣ неизчерпаемый источникъ печали; дайте мнѣ всѣ блага земныя, олицетворите во мнѣ всѣ мечты о счастіи: и та печаль, та стихія, изъ копорой я созданъ — останется всегда при мнѣ. Часто въ свѣтскомъ обществѣ я смѣялся для того, чпобъ смѣшишь другихъ; но чѣмъ всегда оканчивалась моя театральная сцена? — Я неумышленно оскорблялъ самолюбіе глупцевъ, и чѣмъ невинные были мои шушки, тѣмъ скрытая досада ихъ сильнее горѣла подь маскою хладнокровной улыбки; наконецъ она превращалась въ совершенную ненависть... Злобная память ничего не

забываешь; она противоположна могилѣ. Въ могилѣ сначала лежишь свѣжій шрупъ, попомъ онъ начинаетъ плѣшь, попомъ оспаются однѣ кости, наконецъ и онѣ спановятся землею: въ злобной памяти напротивъ! самое легкое оскорбленіе безпрестанно усиливается воспоминаніемъ; съ каждымъ днемъ оно громче и громче пребуешь мщенія... Чпо при началѣ не стоило бы и малѣйшаго вниманія, подь конецъ кажется уголовнымъ прешупленіемъ... Отсюда произпекаешь испочникъ пѣхъ сплетней и клеветъ, кошорья, какъ незримая паушина, обвивающъ каждого мыслящаго челоуѣка.... Добрыя сердца! если вы страшипесь пожара — шушите при началѣ пагубную искру.

4.

Поучительно было бы прозрѣть бездну своего существованія; иногда въ семь мракъ является мнѣ спройное, небесное существо; иногда какое-то безобразное созданіе стоитъ передо мною!... Войдите въ мшистую прясину босыми ногами — съ каждымъ шагомъ или терніе впивается въ васъ, или слышите вы отвращительное прикосновеніе амфибія, ущемленнаго вами въ уединенной его кельѣ... Такъ сердце, погружаясь въ душный хаосъ сомнѣнія, въ каждомъ предметѣ природы находишь новую пищу для своего мученія. Счастливъ пошъ, кто сильною душою, разорвавъ адскія цѣпи, скажешь: *«Да будетъ свѣтъ.»*

5.

Иногда я желаю совершенно забыться, я хочу умереть на один мигъ, чтобы познать ничтожество; я стараюсь отклонить отъ себя все окружающее; хочу, чтобы ни одна мысль, ни одно чувство не возмущали моего спокойствія. Иногда мнѣ удавалось впасть въ совершенное бездѣйствіе; я смотрѣлъ — и не видалъ; слушалъ — и не слышалъ; осязалъ — и не чувствовалъ; природа какъ бы не существовала для меня... Но какой-то внутренней силой и въ сіе мгновеніе за меня бодрствовалъ; я не имѣлъ опредѣленнаго понятія; но была во мнѣ идея общая, заключающая въ себѣ все; и сія безусловная идея напоминала мнѣ о моемъ существованіи. Я по-

ясню примѣромъ : закрывъ глаза , что вы видите? ... мракъ ; можете ли вы ничего не видѣть? — нѣтъ . Такимъ образомъ , углубляясь въ себя , я чувствовалъ въ себѣ чье-то присутствіе ; подобно той гармоніи звуковъ , пробуждающей въ сердцѣ безпредметную печаль или радость , сія идея , необлеченная въ форму физическаго міра , являлась мнѣ и была порукою въ моемъ безсмертіи .

6.

Сколько разъ желалъ я перенестись въ тотъ первобытный міръ человѣческаго дѣйства , когда не было еще изобрѣтено условныхъ знаковъ , для выраженія вѣнренняго міра . Тогда мимика пояснялась музыкою . Теперь мы живемъ въ такомъ вѣкѣ , въ кошоромъ всѣ чувства скры-

ваются подъ маскою приличія; восшорговъ нѣтъ; они исчезли вмѣстѣ съ первою жизнію людей; съ изобрѣтеніемъ словеснаго языка — чувства ослабли, и только одна музыка служилъ ихъ слабымъ опголоскомъ; лишь въ ней одной слышу я возвышенный языкъ молитвы. *Сотвореніе міра* Гайдна, *реквиемъ* Моцарта, *Обѣдн* Бетховена (це-мажорь): вошь представили изящныхъ искусствъ Христіанскаго міра. Они убѣдили меня въ божественности человѣческой души, и новѣйшая романтическая поэзія не задушилъ въ моемъ сердцѣ сѣмена, посѣяныя ими. Взгляните безпристрастно на хаосъ нашей поэзіи: съ чѣмъ бы сравнилъ его? — съ червемъ, питающимся могильною сыростию. Несчастный Фаустъ, несчастный Манфредъ — вошь представили нашего

вѣка ! Одно клеймо положено на
нихъ — вошь оно :

Сомнѣнне къ небесамъ , съ презрѣнiемъ къ землѣ ;
Гроза въ душѣ — печать унынья на челѣ .

7.

Человѣкъ удалился отъ природы ;
онъ промѣнялъ ее на искусство . Са-
молюбивое созданiе ! ты съ бѣль-
шимъ удовольствiемъ смотришь на
ландшафтъ , самымъ побою намале-
ванный , нежели на горы , лѣса и
моря , созданныя Великимъ Творцемъ .
Женевскiй мудрецъ былъ правъ ; вос-
хищенный природою , могъ ли онъ
удивляться творенiямъ творенiй ?
Онъ подалъ человѣчеству такой про-
ектъ , который не можешь быть
исполненъ ; онъ хотѣлъ возвратитъ
человѣка природѣ , какъ заблудшаго

сына... онъ хотѣлъ пересоздать чело-
 вѣчество... мизантропъ ли онъ?—
 Байронъ въ Чайльд-Гарольдѣ, по
 примѣру другихъ также упрекаетъ
 Руссо въ неосновательномъ подо-
 зрѣннн друзей; но едва ли правъ
 Байронъ; Руссо долженъ былъ имѣть
 враговъ, ибо современный ему вѣкъ
 былъ раздѣленъ на двѣ партіи: на
 энциклопедистовъ и анти-энцикло-
 педистовъ; къ первой принадлежали
 деисты, антикваристы и атеисты,
 ко второй — фанатики и лицемеры;
 Руссо одинъ составилъ претью пар-
 тію, которая въ послѣдствіи погло-
 щила обѣ враждующія секты. Женев-
 ской мечшатель выставилъ свой флагъ,
 и во время бури не хотѣлъ снять
 его, чшобъ пристать къ враждую-
 щимъ берегамъ. Онъ погибъ, но сѣ-
 мена его философіи оспались для
 потомства. Его ученіе можно на-

звать бальзамомъ для ранъ атеизма, но оно вредно Хрисціанамъ, вполне преданнымъ догматамъ церкви.

8.

Нашъ міръ можно сравнить съ возмужалымъ человѣкомъ : онъ много знаешь, много помнишь, но забылъ не только мигъ своего рожденія, но даже и нѣсколько лѣтъ своего дѣтства ; о сихъ лѣтахъ повѣствуютъ ему его няньки... вѣришь ли имъ? Вѣшкая спарость ихъ близка къ бессмысленному младенчеству... забывая свои слова, онъ часно сами себя противорѣчатъ... Что же остается ему? примѣнить настоящее къ прошедшему, дабы узнать грядущее. Но можешь ли возмужалый человѣкъ познать самого себя, если онъ забылъ свое младенчество? можешь ли

онъ постояннымъ наблюдениемъ, пробуждая рядъ забытыхъ чувствъ, наконецъ оживить и первое впечатлѣніе своего дѣтства? — Если можешь, то усиліе философіи не останешся тщетнымъ.

Тригунный.

НОВАЯ ПРОБИРНАЯ ПАЛАТКА.

Спанный сонъ! чудный сонъ!

Но привидѣлся онъ

Въ *тетвертокѣ* на свѣшу

И я видѣлъ во снѣ... не пустую мечту.

Мнѣ приснилось, что гдѣ-то, не могу хорошо опредѣлить мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе: появился необыкновенный человекъ, съ занятіемъ, еще болѣе необыкновеннымъ. Это былъ великорослый, видный Азіяецъ. На смугломъ лицѣ сверкали небольшіе пронизательные глаза. На головѣ имѣлъ онъ чалму (но не шурецъ-

кую) изъ скрученной бѣлой ткани съ красными полосами. На немъ было какое-то полукафшанье, опоясанное ременною перевязью, на которой висѣла кривая сабля. Близъ самого города (а какого? не знаю) разбилъ онъ свою палашку, и выставилъ надпись: «Съ дозволенія правительства.» — «Что шуть дѣлають?» спрашиваютъ проходящіе. Я былъ также въ числѣ вопрошающихъ. Иные говорили одно; другіе другое. Наконецъ къ намъ подошелъ человекъ въ поношенномъ фракѣ, въ старой, помятой, круглой шляпѣ; вообще одѣтый довольно небрежно, уже не въ первыхъ лѣтахъ молодости; но живой, горячій, съ судорожнымъ движеніемъ въ лицѣ, и началъ рассказывать. По всему видно, что онъ былъ училель математическихъ, и попому объяснялся языкомъ сей науки. Впрочемъ замѣнитъ мож-

но было, что онъ разумѣлъ также горное дѣло и химию, а въ продолженіе разговора и піишическія мысли у него кое-гдѣ промелькивали.

«Воистъ видите ли вы,» говорилъ онъ: «иностралець разбилъ здѣсь *пробирную палатку*. За малую плату онъ испытываеишь... но не металлы! Предметомъ его испышаній сущь: *дѣла, слова, писанія* и даже чувствованія людей.» — «Какъ же онъ это дѣлаеишь?» возкликнули всѣ въ одинъ голосъ. «*Истина,*» продолжалъ незнакомецъ, «есть перпендикулярная или опшѣсная линія. Все, что дѣлаеишь *прямо*, падаеишь по ней, и, подь *прямымъ* угломъ возвышаеишь надь *ложью*, которая шакже берешся за линію горизонтальную, на коей воздвигнута первая. Иноземець имѣеишь свои *инструменты* и между прочими опшѣсь и наугольникъ, къ

которымъ прикладывая каждое дѣяніе человѣческое, тотчасъ узнаешь, *прямо ли* оно по истинѣ, или подъ какимъ угломъ наклонено ко лжи.

«Онъ изъясняется также и языкомъ горныхъ пробирныхъ мастеровъ. Принимая истину за *чистое золото*, а все прочее за мишуру, лигатуру и смѣсь полумешалловъ, онъ, испытавъ *слово* или *дѣло*, *писаніе* или *поступокъ* по своему пробирному искусству, восклицаетъ: «золота знакъ!» или «мишура.» Рѣдко, рѣдко когда услышишь: «чистое золото!»

• Иноземецъ употребляетъ и третій способъ испытанія — *грезь разложеніе*. Представьте ему какое нибудь *письмо*, *стихотвореніе*, письменное удостовѣреніе въ любви, дружбѣ и прочее. Представьте описаніе какого нибудь случая; расскажите о чьемъ-либо опзывѣ: онъ тотчасъ

(извѣстными приемами) произведешь разложеніе и скажешь: «основаніе: голая зависть, смѣшенная съ такою-то частію возбужденной ею жел-ти, подваренная на огнѣ негодова-нія, услащенная лукавствомъ, изго-повленная прилигьемъ, и обернушая въ формы угтливости.» — Въ другомъ случаѣ онъ говоритъ: «это просто мщеніе, голая личность, прикрытая сусальнымъ золошомъ подъ названіемъ справедливости!» — На счетъ жен-щинъ онъ ужь слишкомъ жестокъ! Слова: жеманство! гордость! спесь! самонравіе, прямѣе сказать: капри-зы! кокетство! выпренность! или: суешность! суешность! суешность! сплешни! сплешни! сплешни!» толь-ко и вершится у него на языкъ, когда онъ разлагаетъ сладкія запи-сочки, ушренніе билешцы, дружес-кія переписки (онъ пріяшельницы къ

прішельницѣ); письма женъ къ мужьямъ, невѣстѣ къ женихамъ и ш. подобное, чѣмъ шакъ дорожашь, что называютъ перлами, украшеніемъ, розами жизни!

«Я,» продолжалъ повѣствователь, «имѣю жену милую, ласковую, копорая во всемъ мнѣ угождаетъ; только одного не могу отъ нея дожидаться, чшобъ сходила со мною въ *пробирную палатку*. «Зачѣмъ, душенька!» говоритъ она: «это грѣшно! это суевѣріе! — Какой нибудь Цыганъ, колдунъ, обманщикъ, пріѣхалъ сюда морочить людей!» — Ты ошибаешься, милая! у него есть *позволеніе отъ правительства*. «Пустое! гдѣ нибудь купилъ подложное!» А я шакъ думаю, что не пустое: нынче истина въ большемъ уваженіи при Дворѣ. — Но жена мнѣ не даетъ окончить рѣчи, и вошь ужь шрепья

недѣля! — Ей все, по недосугъ, по голова болить, однимъ словомъ: не могу дозваться моей милой супруги въ *пробирную палатку!*» — «Чудный кудесникъ!» сказала споявшій подлѣ насъ человекъ средняго роста, плотный съ одушловатымъ лицомъ, кошорое кругляло и лоснилось, какъ наливное яблоко, съ всклокоченными волосами, въ сюршукъ, кошорый когда-то былъ шемно-зеленаго сукна, а на эшопъ разъ пестрѣлъ опъ прорѣхъ и заплашь. «Славный шпукарь!» продолжало это говорящее существо, съ изобиліемъ нюхая зеленоватую пыль изъ бересповой павлинки. «Такъ спало онъ можеть перелагать или *разлагать*—какъ бишь вы изволили сказать? — и рѣшеніе *уголовныхъ палатъ*? на примѣрь бы . . .» — «Какъ же!» отвѣчала нашъ повѣствователь. «При мнѣ приносили ему изъ судебныхъ мѣстъ (на-

рочно для пробы) кипы бумагъ, изписанныхъ іероглифическимъ почеркомъ (безъ шочекъ и зацяшыхъ), называя эшо дѣлами уже рѣшенными. — Но чудакъ не долго съ ними возился! Прикидывая на свои золотые стски, онъ вскрикивалъ: « несправедливое рѣшеніе! . . . неправый приговоръ! » — « Какъ неправый? » возражали ему: « по эшому дѣлу обвиненное лице уже наказано; и . . . » — « Неправый приговоръ! » продолжалъ испышатель шакъ хладнокровно, какъ будшо онъ взвѣшивалъ и браковалъ пеньку или лень на пенѣковомъ буянѣ. Иногда же возклицалъ онъ: « незнаніе порядка! превращеніе смысла! нерадѣніе! недосмотръ! » А иногда выпускалъ и шакое словцо: « совершенная ложь! » изрѣдка шолько прорывалось: « и шакъ, и шакъ! Дѣло полосашое, какъ моя

чалма. На половину — правды! или:
« доброе намѣреніе, худой судь! » —

« Такъ вопшь онъ каковъ! Да его можно самого подь судъ за злодѣйство, на основаніи пункшовъ *Уложенія* и *Кормчей* книги... Пускай-ко ухишрился, пусть попышаешься узнатьъ, что у меня, на примѣръ, вопшь въ *этой палкѣ?* » Такъ говорилъ провинціальный приказный: мы угадали, что онъ принадлежишь къ этому званію. При семь приподнялъ онъ толстую коленчашую шпросъ, на подобіе вмѣщающихъ зонтика, опвиншилъ набалдашникъ, приставилъ опверстіе ко рпу и жадно, съ услажденіемъ насасывался, чѣмъ-то опзывавшимся кабакомъ. « Вопшь видише ли? » продолжалъ онъ: « это шпросъ, такъ-съ, ничего-съ, палочка! » При семь поставилъ онъ ее на полъ и щцатель-но завиншилъ. « Когда мы, ш. е. я

ПОЭЗИЯ.

дила на всѣ черты лица существе очарованіе. Вошь дия! Вошь ангель! думаль я. « Вы слышали о *пробирной палаткѣ*, прелестная Элиза? » сказалъ я ей. — « Слышала! » ошвѣчала она, опустивъ глаза на работу. « Не угодно ли вамъ дозволишь мнѣ проводишь васъ шуда, чшобъ удостоверитьсь въ справедливости чудесь эшого заведенія? » — Зачѣмъ же съ? » сказала Элиза запинаясь, и поблѣднѣла, какъ полошно.. « Я... не любопытна! припомъ же вы можете быть увѣрены, чшо я люблю вашего друга! Мы ужь обручены! можете бышь увѣрены, что... » — « Я вѣрю, сударыня! вѣрю, и... » съ сими словами я пробудился!

Федоръ Глинка.

ПОЭЗИЯ.

ПОЭЗИЯ.

П О Э Т У .

(С о н е т ъ .)

Познть! не дорожи любовію народной :
Воспорженныхъ похвалъ пройдешь минушнй шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной,
Но ты останься швердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты Царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечешъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онъ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнишь умѣешь ты свой прудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскашельный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранишь,
И плюешь на алшаръ, гдѣ швой огонь горитъ,
И въ дѣлской рѣзвостии колеблешъ швой шреножникъ.

А. Пушкинъ.

★ ★

НОВИНСКОЕ.

(Отрывокъ изъ 2 главы романа :
Наложница).

Все шоропилось : старъ и младъ
 Жильцы лачугъ, жильцы палатъ,
 Живою, смѣшанной шолопою
 Туда, гдѣ словно самъ собою
 На крашкѣй срокъ, въ единый мигъ,
 Блистая пестрыми дворцами,
 Шума цвѣшными флюгерами,
 Средь града новый градъ возыскъ.
 Сшоллица легкая бездѣля
 И безчиновнаго веселья,
 Народной живосши кумиръ,
 Тамъ цѣлый день разгульный пиръ,
 Тамъ раздаются звуки шрубны
 Звѣняшъ, гремяшъ липавры, бубны;
 Палсы съ зыбкихъ галлерей
 Зовушъ, маняшъ къ себѣ гостей :
 Тамъ клеперъ чуешъ чешъ и нечесъ,

Ножи проворные вѣнцомъ
 Кругомъ себя Индѣецъ мечетъ,
 И бисеръ нижетъ языкомъ;
 Гордась лихими сѣдоками,
 Тамъ одноколки, заспучавъ
 Съ пошвыныхъ горъ лешагъ стремглавъ.
 Своими длинными шестами
 Качели крашенныя шамъ
 Людей уносятъ къ небесамъ.
 Волшебный праздникъ довершая
 Межъ шѣмъ, съ веселымъ торжешвомъ,
 Карешъ блестящихъ цѣпь шройная
 Кашился медленно кругомъ.

Е. Баратынскій.

МЫСЛЬ О ЮГѢ.

Я взлелѣялъ югомъ, югомъ,
 Яснымъ небомъ избалованъ;
 Къ югу, югу вѣрной думой,
 Словно цѣпью я прикованъ.

Посмотри: тамъ волны моря
Вьются, плещуть голубыя,
Всѣ осыпанныя блескомъ,
Какъ надежды молоды!

Посмотри: тамъ пирамида —
Тополь въ виноградныхъ лозахъ;
Вкругъ фоншана вьются розы
И балконъ алѣшетъ въ розахъ!

Посмотри: тамъ черны очи,
Черны очи съ долгимъ взоромъ,
Съ огнедышущей любовью,
Съ огнедышущимъ укоромъ!

Тамъ гармонія, сіянье,
Благовонье, наслажденье:
Съверь гордый! съверь гордый!
Что жъ ты дашь мнѣ въ утѣшенье!

В. Туманскій.

ЧТЕНІЕ ДАНТА. —

Что въ морѣ купаться, то Данта читають:
Стихи его шверды и полны,
Какъ моря упругія волны!
Какъ сладко ихъ смѣлымъ умомъ разбиная!
Какъ дивно надъ рѣчью глубокой
Всплываешь ты мыслью высокой:
Что въ морѣ купаться, то Данта читають.
Шевыревъ.

ПЕРВАЯ ТРАКІЙСКАЯ ЭЛЕГІЯ.

Отплытіе.

На Венеціанскомъ бригѣ: la Perseveranza.

Внизжишь канашъ; изъ безднѣ зыбучихъ
Выходишь якорь; вѣпръ подулъ; —
Матросъ на верви машетъ скрыпучихъ
Последній парусъ напаянулъ —

И вошь надъ синими волнами
 Своими бѣлыми крылами
 Корабль свободный ужь махнулъ!

Плывемъ!.. блѣднѣешь день; бѣгушь берега родные;
 Злащій струится блескъ по синему пуши;
 Прости, земля! прости, Россія!
 Прости, о родина, прости!

Безумецъ! что за грусть! въ минушу разлученья
 Чьи слезы ты лобзалъ на берегу родномъ?
 Чьи слышалъ ты благословенья? —

Одно минувшее мудренымъ, пляжкимъ сномъ
 Въ пошъ мигъ душѣ твоей мелькало,
 И юности твоей избытый бурей чолнъ,
 И бездны передъ ней отверзшья казало! —
 Пусть шакъ! но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрю-
 мыхъ волнъ

Печально въ сердцѣ раздаеися!
 Какъ быстро мой корабль въ чужую даль несется!
 О люшня спранника, свяшой опъ грусти щипъ,
 Приди, подруга думъ завѣтныхъ!
 Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣтныхъ
 Къ тебѣ душа моя, о родина, лепитъ!

1.

Пускай на юность пы мою
 Вѣнецъ шерновый наложила —
 О мать! душа не позабыла
 Любовь спаринную пвою!
 Теперь — сны сердца прочь летише!
 Къ отчизнѣ думу не манише:
 Тамъ никому меня не жаль!
 Синѣй, синѣй, чужая даль!
 Съдыя волны, не дремлише!

2.

Какъ жадно вольной грудью я
 Пью безпредѣльности дыханье!
 Лазурный міръ! въ пвоємъ сіяньи
 Сгараеть, понеть мысль моя!
 Шумише, парусы, шумише:
 Мечшы о родинѣ молчише:
 Тамъ никому меня не жаль!
 Синѣй, синѣй, чужая даль!
 Съдыя волны, не дремлише!

3.

Увижу я спрану боговъ;
 Краснорѣчивый прахъ опкрою;
 И зашумитъ передо мною
 Рой незапамятныхъ вѣковъ!

Гуляйше жь вѣтры, не молчите!
Утесы родины, просните!
Тамъ никому меня не жаль!
Синій, синій, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремите!

Онъ кипитъ, онъ шумитъ —
И вѣтъ ужь родины на дальнемъ небоскапѣ!
Лишь шочка слабая, ея послѣдній взглядъ
Блѣднѣетъ — и дрожа въ вечернемъ шонетъ златѣ.

На смѣну солнечнымъ лучамъ,
Мелькая спранными своими головами,
Колоссы мрачныя свинцовыми рядами
Съ небесъ къ темнѣющимъ спускаюся зыблемъ...
Спустились; день погасъ; нѣтъ звѣздъ на ризѣ ночи;
Глубокій мракъ надъ кораблемъ;

И вошъ ужь непримѣннымъ сномъ
На шихой палубѣ пловцовъ сомкнулись очи.
Все спитъ; — лишь у руля мапросъ спорожевой
О дальней родинѣ шихонько напѣваетъ;

Иль кончивъ срокъ урочный свой,
Звонкомъ поварица на смѣну пробуждаетъ.
Лишь спранныца - волна, взмущаясь въ дали нѣмой,
Какъ призракъ въ саванѣ, колѣнопреклоненный,
Надъ спящей бездною встаетъ;
Простонетъ надъ пустыней водъ —

И рассыпаются по влагъ опѣненной.

Такъ перси юности живой

Надежда гордая вздымаешь ;

Такъ идеаль ея свяшой,

Душа, пресытившись мечтой,

Въ своей пустынь разбиваешь.

Но полно! что нашъ идеаль?

Любовь ли, дружба ли, прелестница ли слава?—

Сосудъ Цирцемъ ихъ фіялъ :

Въ немъ скрыта горькая ошрава!

И мнѣ ль вздыхать о нихъ, когда въ сей мигъ орломъ,

Надъ царствомъ шумныхъ волнъ, крылами думъ
носимый,

Паритъ мой смѣлый духъ, какъ въспрѣ неукротимый,

Какъ яркая звѣзда въ эфиръ голубомъ!

Толпы безсмысленной хвалы иль порицанья,

Объ васъ ли въ эпохъ мигъ душъ воспоминашь!

Объ васъ ли сердцу посковашь,

Измѣны ласковой коварныя лобзанья!

Нѣтъ, быстрый мой корабль, по синему пупу

Лети спрѣлой въ сираны чужія!

Прости, далекая Россія!

Прости, о родина, прости!

В. Тепляковъ.

23 Марта 1829.

СОНЪ И СМЕРТЬ.

Утро вешнее дышало
 Вдохновительной красой;
 Сбросивъ ночи покрывало,
 Все, казалось, оживало
 Съ обновленною землей...
 Вопль воздушною спезею
 Надъ юдолюю земною
 Въюсть пиho, какъ весна:
 Съ дивнымъ Ангеломъ кончины
 Вдохновенный Ангелъ сна.
 Опъ дѣлей земной кручины
 Ихъ зовушь небесъ долины,
 Ихъ зовешъ любви страна.

Но спихаетъ шумъ творенья...
 Слышенъ дивныхъ разговоръ:

АНГЕЛЪ КОНЧИНЫ.

Братъ, откуда?

АНГЕЛЬ СНА.

Изъ селеня,
 Гдѣ навѣкъ смежилъ шы взоръ
 Двумъ младенцамъ. Тамъ осталась
 Безушѣнная ихъ мать:
 Грудь скорбящей разрывалась
 И ошъ слезъ не осушалась
 День и ночь ся кровашь...
 И росою усыпленья
 Сирошу я окропиль,
 И мечшою обольщенья,
 Какъ привѣшномъ ушѣшенья,
 Грусть пошери уполиль.
 Снилось ей: въ селеньяхъ рай
 Сонмъ безплошныхъ силъ кипиль,
 И средъ нихъ чепа младая
 Словно звѣздочка гориль...
 Ты ошкуда?

АНГЕЛЬ КОНЧИНЫ.

Изъ селеня,
 Гдѣ съ фїяломъ изцѣленья
 Не гостиль я съ давнихъ поръ.
 Тамъ средъ дѣтскихъ игръ, на волѣ
 Прыгала малюшка въ полѣ;

Я къ невинной: свѣплымъ взоръ
 Дѣва юная смежила;
 На душистую шраву
 Тихо съла и главу
 Мнѣ на перси опустила.
 Жизнь попухла на устахъ...
 Ужь не вспыхнетъ въ сердце пламень...
 Горсть земли, могильный камень —
 И покоенъ Эммы прахъ!

АНГЕЛЬ СНА.

Какъ? и Эмма молодая,
 Цѣломъ дѣвства разцѣпая,
 Миръ оставила земной!
 О, какъ часно надъ шобой,
 Дѣва милая, бывало
 Я во мглѣ ночей летала
 И мечпаній покрывало
 То свѣпала, шо развивала!
 Свѣша дня, промеша ночи,
 Мнилось, не видали очи
 Упоенныхъ шобой...
 Что же нынѣ?... оплещѣла
 Ты въ спрану любви свяшой...
 Но земля осиротѣла,
 Разспаваясь съ красной!

Рано вѣкъ швой закашлася :
 Розы цвѣтъ весной увяль...
 Рано въ дребезги разбилася
 Всѣхъ утѣхъ земныхъ филъ!

АНГЕЛЪ КОНЧИНЫ.

Такъ; но опъ измѣнъ жестокихъ,
 Опъ любовныхъ язвъ глубокихъ
 Смершь невинную спасла.
 Ей бѣдой судьба грозила, —
 Но покойная могила
 Ей приющъ опъ бурь далъ.
 Тамъ, гдѣ звучными волнами
 Кають серебряный журчищъ,
 Подъ завѣшными дубами
 Бездыханный прупъ лежищъ
 Безъ волненья, безъ тревоги...
 О, какъ разумомъ убоги
 Тѣ изъ смершныхъ, чей языкъ
 Порицащъ меня обыкъ!
 Кпо изъ жишелей небесныхъ
 Волѣ даровъ чудесныхъ
 Имъ дарищъ въ замѣну бѣдъ?
 Братъ! пы скорбь ихъ уполяещъ
 На мгновенье... Упра свѣтъ
 Заиграещъ — и полещъ
 Ты къ Эдему мауравляещъ —

И несчастныхъ покидаешь
 Вновь во властьъ земныхъ сущь.
 Я же дивно изцѣляю
 Жизни пьгосшный недугъ;
 Прахъ покоемъ облакаю,
 И къ безсмертью пробуждаю
 Смерти своемъ неслѣнный духъ!

Онъ умолкъ — и ясныиъ взира
 Ошуманила слеза;
 И дрожащъ въ слезѣ укора
 Голубыя небеса...

Все въ природѣ оживало
 Съ обновленною землей;
 Сбросивъ ноши покрывало,
 Упрое вешнее дышало
 Вдохновительной красой.
 И крылашю чешюю
 Тихо Ангелы неслись,
 И за дальнею горою,
 Вмѣстѣ съ ушренной росю,
 Съ пурпуромъ зари слились.

М. Деларю.

НЕПОНЯТНАЯ ВЕЩЬ.

Спранная вещь!
Непонятная вещь!
Отъ чего человекъ такъ мятеженъ?
Отъ чего онъ груститъ,
И душею болитъ,
Отъ чего такъ унылъ, безнадеженъ?
Спранная вещь!
Непонятная вещь!

И въ пиши шалаша,
Суешился душа,
И въ пустынь онъ часто разсиронъ,
И богачъ, во власяхъ,
Въ шѣхъ же гибнетъ страстяхъ
И въ палахахъ, въ пирахъ неспокоенъ.
Спранная вещь!
Непонятная вещь!

Зной и холодъ въ крови:
Онъ алкаетъ любви,

И, въ мечтахъ, онъ, несыпный, лешаетъ
И желаетъ, желаетъ, желаетъ...
Получилъ, что желалъ —
И задумчивымъ спать
И о чемъ-то еще воздыхаетъ!...
Странная вещь!
Непонятная вещь!

Федоръ Глинка.

СОВРЕМЕННОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ.

Милый! не ропщи на Бога;
Въ чемъ тебѣ Онъ отказалъ? —
Душу создалъ у порога;
Умъ къ прихожей приковалъ.
Пусть вездѣ слывешь ты плутомъ,
Мѣднымъ лбомъ и плоскимъ шупомъ —
Счастливъ ты, философъ мой:
Все варишь желудокъ твой!

В. Тепляковъ.

Одесса, 1830 г.

КЪ ФИДИЛЪ.

Горац. книга 3, ода 23.

(Посвящ. А. П. В.....ой)

Если ты, моя Фидила,
Въ новолунны дни,
Вепря, омиамъ кадила,
Иль плоды одни,
Принесешь во храмъ священный
Благосклонныхъ Ларь:
Знай, что будешь имъ смиренный
Твой приищенъ дарь!
Разцвѣшутъ подъ ихъ охраной
И поля и садъ;
И осеніе туманы
Не погубятъ стадъ.
Пусть Алгида упучняешъ
Агницъ и шельцовъ;
Пусть ихъ кровь очермеляешъ
Топоры жрецовъ;

★★

Ты жь, колѣна съ вѣрой чистой
 Въ храмъ преклоня :
 Размарниъ и мирисъ душистой,
 Соли, ячменя,
 Положи предъ ликъ священный
 Благосклонныхъ Ларь :
 Знай, что будешъ имъ смиренный
 Твой пріятель даръ !

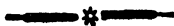
В. Вердеревскій.

13 Октября, 1830.

С. П. Б.

НЕАПОЛЬ.

Когда, какъ геній самовластный,
 Мечпа крылатая умчишь
 Меня шуда, гдѣ всѣмъ дивяшь
 Неаполь пышный и прекрасный,
 И вдругъ откроешь предо мной
 Великолѣпныя каршины :
 И неба куполъ голубой,
 И моря свѣшья равнины,

Террасы, гавань, корабли,
 Сорреншо, роши, Апеннины
 И блескъ полуденной земли;
 И волнъ роскошная прохлада
 Дохнетъ на жаркіе брега,
 Гдѣ на цвѣшущіе луга
 Низходящъ горы винограда;
 Гдѣ снѣны хижинъ и дворцовъ
 Въ садахъ лимонныхъ исчезаютъ;
 Гдѣ веселъ шумъ ночныхъ пировъ;
 Гдѣ очи женщины сверкаютъ
 Какъ пламя черныхъ облаковъ:
 Тогда, восторгомъ упоенный,
 Я говорю: зачѣмъ не шамъ
 Я пращу жизни срокъ мгновенный?
 И ужь гошовъ я по волнамъ
 Несшпсь въ пошъ край благословенный. —
 Когда жь смятенныхъ чувствъ моихъ
 Ушихнешъ первое волненье;
 И вспомню я друзей, родныхъ,
 Мѣста, гдѣ принялъ я рожденье,
 Ошчизны сладостный языкъ,
 Кошорый слышатъ я привыкъ;
 На коемъ выражалъ печали,
 Надежды, радости мои
 И милыя уша слагаали
 Мнѣ рѣчи дружбы и любви.

Когда вдругъ памяти представятъ
 Все, что покинуть должно мнѣ;
 О чемъ на дальней сторонѣ
 Душа грустнѣе невольно спанетъ:
 Тогда Неаполь новый видъ
 Приемлетъ быстро предо мною
 И ужъ роскошной красотою
 Моей мечты не веселитъ.
 Я зрю Везувій задымленный,
 Судьбу Помпеи поглощенной;
 Разврата грязные слѣды,
 Лохмотья черни угнетенной.
 И ножъ разбоя и вражды.
 Тамъ все, и люди и природа
 Въ сокрытомъ пламени кипятъ;
 Какъ лава спрасни тамъ горятъ!
 Тамъ безгранична ихъ свобода!

III—6—2.

ПѢСНЯ ДЕСДЕМОНЫ.

Бѣдняжка въ раздумьи подѣ тѣнью густою
Сидѣла вздыхая, крушима шоскою:
«Ва пойте мѣ иву, зеленую иву!»

Она свою руку на грудь положила,
И голову шико къ кольнамъ склонила.

Сшуденыя волны шума шамъ бѣжали
И спонъ ея жалкій тѣ волны роптали.
«О ива, ты, ива, зеленая ива!»

Горючія слезы капились ручьями
И дикіе камни смягчались слезами.

«О ива, ты, ива, зеленая ива!»
Зеленая ива мѣ будешъ вѣнкомъ.
«О ива, ты, ива, зеленая ива!»

Съ Англій.— *Иванъ Козловъ.*

ОТРАДНОЕ ЧУВСТВО.

Какимъ-то чувствомъ обновилась
 Моя шокующая грудь,
 Душа о чемъ-то взвеселилась
 И говорила мнѣ: « забудь,
 Забудь печальное бывшее! »
 И я, послушный, все забывъ,
 И мнилось мнѣ, что дымъ злое
 Вился изъ золотыхъ кадиль.
 Душа какой-то игрой мѣла;
 Понятный говоръ былъ ручья;
 И звѣздъ великая семья
 На высяхъ радостно свѣтала!
 И, полный кроткой тишины,
 Природой насыщая очи,
 Я мнилъ, что золото луны
 Мѣшалось съ тишиною ночи!
 Благодарю Его, Кто далъ
 Мнѣ хоть на мигъ покой сей чистой:
 Съ нимъ свѣпелъ спалъ я, какъ кристалль
 Одыши гравію лучшей!

Θ. Глинка.

ГОНДОЛЬЕРЪ и ПОЭТЪ. ⁴

(Переводъ неизданныхъ стиховъ
А. Шенье).

У стѣвъ Венеціи владычицы зыбей,
Безпечный гондольеръ въ мерцаніи ночей
Скользишь вдоль береговъ безъ шума и безъ слѣда,
Поешь Эрминію, Ринальда и Танкреда.
Онъ любишь свой напѣвъ, безъ паны овъ поѣшь,
Безъ гордыхъ умысловъ, безъ страха, безъ заботъ;
Поешь — и сладостно объявляешь вдохновеньемъ,
Свой путь на безднѣ водъ увеселяешь пѣньемъ.
Какъ онъ — безъ опзыва пою въ спранѣ чужой!
И звуки тайные, придуманные мной
На морѣ жизненномъ мой жребій услаждаютъ,
Гдѣ сполько бурныхъ волнъ ладью мою вращаютъ!

В. Туманскій.

1826. Одесса.

ДВѢ ПѢСНИ. —

Любовь до счастья и послѣ.

I.

Медли, солнце! спавъ на домы,
Но за нихъ не уходи,
И на праздникъ нашъ веселый
Полюбуйся, погляди!

Видишь: пышутъ нѣгой знойной
Щеки, пурпуромъ горл:
Чшо пивой полдень безпокойной!
Какъ блѣдна пивоя заря!

Дай имъ вдоволь нагорѣться,
Долго, долго въ нихъ свѣши;
Дай на ихъ мнѣ наглядѣться,
Ихъ въ мечшу перенеси, —

Чтобъ я могъ ихъ образъ яркой
Забывать и вспоминать,
И на ложь мыслью жаркой
Ихъ до ушра цѣловать.

Меди, солнце, спань на домы,
Но за нихъ не уходи,
И на праздникъ нашъ веселый
Полюбуйся, погляди.

2.

Солнце скучное, иди же!
Чась давно ночной поры;
Что лѣнивъе, чѣмъ ниже
Со лазоревой горы?

Безъ тебя мы все опхроемъ,
Безъ тебя найдемъ свой пушь,
Безъ тебя пылаешь зноемъ
Жарко - любящая грудь!

Что мнѣ видѣшь? — я почувю
Какъ усна ея горящъ,
Какъ ланишы съ поцѣлюю
Запылають, задрожатъ!

Ночь! своюю иемной дланью
 Погаси же день скорѣй,
 Обрати волшебной шканию
 Насъ въ невидимыхъ тѣней.

Солнце скучное, бѣги же!
 Часть давно ночной поры:
 Чпо лѣвивѣе, чѣмъ ниже
 Со лазоревой горы?

Шевиревъ.

ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
 Привѣспивуешь мое къ блаженспиву возрожденью,
 Чья скрипная рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
 Указываетъ путь и посохъ подаетъ;
 О, кто бы ни былъ ты: спарикъ ли вдохновенный,
 Иль юноспим моей шоварищъ ондаленный,

Иль опрокъ, Музами таинственно хранимъ,
 Иль пола крошкаго сшылливый Херувимъ,
 Благодарю шебя душою умиленной.
 Вниманья слабого предметъ уединенный,
 Къ доброжелательству досель я не привыкъ
 И спранемъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
 Смѣшонъ, участія кшо потребуешь у свѣща!
 Холодная полна взираешь на поэта,
 Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
 Глубоко выразишь сердечный, шпакій стонъ
 И выспраданнй спихъ, произишельно-унылой,
 Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силою, —
 Она въ ладони бешетъ и хвалишь, иль порой
 Неблагосклонною киваешъ головой.
 Постигнешъ ли пѣвца незапное волненье,
 Успраша скорбная, изгнанье, започенье, —
 «Тѣмъ лучше,» говоряшь любители искусствъ:
 «Тѣмъ лучше! наберешъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
 «И намъ ихъ передашь.» Но счастье поэта
 Межъ ими не найдешъ сердечнаго привѣта,
 Когда боязненно безмолвствуешъ оно.

• • • • •

А. Пушкинъ.

Ф И Л И Н Ъ.

(Переводъ.)

Ночной вѣщунъ! буди твои лѣса,
Должны оглашай могильнымъ крикомъ:
Густѣетъ мракъ и въ шухахъ небеса —
Пой смерть, пой смерть! въ швоемъ зываньи ди-
комъ,

Въ ужасныхъ пѣсняхъ, средѣ ночной тишины
Есть тайная ограда для души;
Твой праздникъ — смерть; тебя страшатъ живые,
Дни гибели — шо дни твои златые.

Дыши перспи бральной, пробуждайсь!
Одръ покоя бросьте — и внимать!
Прозвучать кому - шо часъ послѣдній:
Пробуждайсь, — прокричать вѣщунъ.

Когда изъ вѣдръ могилы, въ часъ полночной,
Ея печальный жипель възстаесть,
Когда земля трепещеть и гудеть,
Колелема его снопою мощной,

Лишь ты одинъ, съ любовію крыломъ
Подымъ его могильные покровы,
Пѣсь гибели поешь надъ мертвецомъ,
Ласкаешь ликъ его суровый.

Дѣши персти брѣнной, пробуждайсь!
Одръ покоя бросьше и — внимашь!
Прозвучалъ кому-то часъ послѣдній,
Пробуждайсь, — прокричалъ въцунъ.

Твой зоркій глазъ въ дали читаетъ смущенной,
Узришь ли смерть — и крылья разширивъ
Летишь туда, гдѣ гость земли минувной,
Земной свой жребій тихо совершивъ
Ошшелъ къ опщамъ: надъ свѣжею могилой
Ты вновь поешь, ужасный бардъ ночной,
И внемлеть вѣчность гласъ унылой
И спранику головить кровь родной.

И. Станкевичъ.

Москва.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Какъ Іовъ, язвами покрытый
 На ложь смерти я лежалъ :
 Одѣлся блѣдностью ланины
 И взоръ, уже полузакрытый,
 Какъ факель жизни догоралъ.
 Лишенный силъ, безъ упованья
 На благость Вѣчнаго Отца,
 Я уподалъ въ волнахъ страданья
 И, какъ желаннаго свиданья,
 Ждалъ жизни раннаго конца.

Я погибалъ... но вдругъ явился
 Крылатый Ангелъ предо мной :
 Надеждой взоръ его свѣтился
 И ликъ одѣшъ былъ красотою.
 И онъ съ привѣльною слезой
 Къ страдальческому изголовью
 Главой сіяющей приникъ
 И чистой дѣвственной любовью
 И плоть и душу мнѣ проникъ ;

Елея благоспши спруею
Спрадальца язвы окропиль
И милоспшью , какъ пеленою ,
Меня болящаго повиль...

И ожиль я ; въ святомъ волненн
Легко вздымалась грудь моя —
И долго, долго плакаль я...
Ужь гощь изчезъ... но въ умиласнн
Цвѣла надеждою душа.
И я, воспоргами дыша,
Взяль лиру: звукъ хваленья чистнн
Какъ вихрь, пронесся по спрунамъ,
И пѣснь, какъ оймямъ душисннн,
Взнеслась къ лазурнымъ высопамъ.

М. Деларю.

ТОСКА О НЕМЪ.

Гдѣ я? — Себя не узнаю!
Кругомъ, сдаешся мнѣ, все по же;
Но я одинъ въ пошьмахъ стою
И безъ Тебя шоскую, Боже!

Узри, прими шоксу мою!
Какъ изгнанникъ, какъ преселенецъ
Въ странѣ безводной и пусшой,
Я вопію, какъ опятамой
Ошъ груди матери младенецъ. —
Такъ въ предреченный грушннй вѣкъ,
Несчастливъ будешъ человекъ,
Когда любовь утратилъ Бога!
Завянешъ все въ его садахъ,
Запихнешъ на большихъ дорогахъ
И запусшетъ въ городахъ....

Ө. Глинка.

Р О М А Н С Ъ.

(На голосъ вальса Бешговена).

« Когда все пируетъ и блещешъ вокругъ,
« Зачѣмъ ты шакъ мраченъ, пуспынный нашъ другъ?
« Чшо вспомнилъ, надумалъ? чшо душу грызешъ?
« Пей съ нами: печали вино унесетъ! »

— Вино не уносишь властительныхъ думъ:
Ихъ крылья тяжелы, соборъ ихъ угрюмъ!
Весельемъ дышашь, о друзья! вамъ легко —
Веселье жь мое далеко, далеко. —

— За призракомъ мнѣмъ я сердцемъ ношусь,
Я страстью сгораю, разлукой томлюсь;
И въ грусти безумной мнѣ счастье одно:
Все въришь тому, чего нѣтъ ужь давно!

— Играйте и пойте, пируйте, друзья:
По-своему счастливы, хоть сумраченъ я!
Когда жь съ упованьемъ разсѣланусь моимъ,
Скажите: духъ смерти выпасетъ надъ нимъ!

В. Туланскій.

1829. Адрианополь.

Ш И Р О К К О.

Воздухъ скованъ теплою,
 Крылья въпра не прохладны:
 Маняшъ тѣни темной,
 Но и тѣни безотрадны.
 Въ теплыхъ рощахъ спрекоча,
 Надѣла саранча;
 Зефиръ листьевъ не колышетъ;
 Все чуть движется, чуть дышетъ;
 Миръ уснулъ, оцѣпенѣлъ;
 Маѣитъ зной, но небо ясно,
 И не жди, чпобъ дождь ненастно
 Надъ шобою прошумѣлъ.

Шевыревъ.

М Е Ч Т А.

I.

Я люблю ночной порою,
Вдоль по дремлющей рѣкѣ,
Полный чайною мечтою
Плышь на легкомъ челнокѣ.
Вѣтра шикое дыханье,
И весла чуть внипный шумъ,
И звѣзды небесъ мерцанье,
Все пшшаетъ сладость думъ.
Легкій челнъ мой обвивая,
Плещешъ влага голубая:
Вѣйся, вѣйся вокругъ челна,
Вѣйся, шихая волна!
Я люблю швой шумъ унылой,
Какъ призванье дѣвы милой,
Какъ души родной привѣтъ,
Какъ мечпу пропекшихъ лѣтъ.

II.

Блага въ зыбкихъ переливахъ
 Бьешъ о берегъ и журчишь;
 Входишь мѣсяцъ, и на ивахъ
 Листъ дрожащій серебришь.
 Какъ шоржественна природа
 Въ часъ таинственный, ночной!
 Эпа дальность небосвода,
 Этъ ивы надъ рѣкой,
 Эшопъ мѣсяцъ — лампа ночи,
 Этъ звѣзды — неба очи,
 И дыханье вѣсмерка,
 И спокойная рѣка,
 И шуманы надъ долиной,
 И надъ этою картиной
 Блѣдный неба колоритъ,
 Все такъ сердцу говоришь!

III.

Любишь серна молодая
 Горъ высокихъ круизну,
 Любишь рыбка золошая
 Водъ кристальныхъ глубину;
 Соловей въ тѣни прохладной
 Любишь пѣсни звонко лишь,
 Любишь ландышь ароматной
 Росу ушреннюю пишь;

Такъ и я, о томъ чело было
 Сердцу радостно и мило,
 Въ шпигиѣ люблю мечпань.
 Я люблю воспоминашь,
 Сердца памяшью богатый,
 И надежды, и ушрапы,
 И безпечносшь юныхъ дней,
 И мечты любви моей.

IV.

Неизмѣнной чередою
 Вслѣдъ за часомъ часъ идешъ,
 Но безсиленъ надъ душою
 Быспрый времени полешъ;
 И завѣтное мечпанье
 Въ глубинѣ души лежишь,
 И любви воспоминаше
 Память сердца сохранишь.
 Дней минувшихъ свѣпмый геній,
 Геній чистыхъ наслажденій,
 Опъ меня не оплешай!
 Мнѣ въ мечпаньяхъ предсавляя
 Образъ юной дѣвы милой,
 И въ душѣ моей унылой
 Воскреси, возобнови,
 Сновидѣнїя любви!

Платонъ Волковъ.

С А Р А.

(Опрывокъ изъ романа : *Наложница*).*Глава V.*

Едва веселыми лучами
 День новый окна золотилъ,
 Елецкій скорыми шагами
 Уже по комнашь ходилъ.
 Порой въ забвеніи глубокомъ
 Остановясь, прилежнымъ окомъ
 Во что - то всматривался онъ.
 Во взорахъ счастье выражалось,
 Передъ душой его, казалось,
 Лепалъ веселый, свѣтлый сонъ.
 Черезъ мгновенье пробужденный,
 Онъ, тѣмъ же чувствомъ озаренный
 Свою прогулку продолжалъ,
 И скоро снова прерывалъ.
 Въ покоѣ шомъ же, занимая
 Диванъ, Цыганка молодая

Сидѣла, блѣдная лицомъ;
 Усталостьъ выражали очи:
 Казалось въ продолженъе ночи
 Она ихъ не смыкала сномъ.
 Рукѣю сердитою чесала
 Цыганка черные власы,
 И ихъ на темныя красы
 Нагихъ плечей своихъ мешала.
 Она склонялась головой;
 Но на Елецкаго, порой
 Взоръ изъ подлѣбья подымала.
 Какою злобой онъ дышалъ!
 Другой мечны душою помонъ,
 Подруги онъ не замѣчалъ.
 Къ ней на послѣдокъ подошелъ онъ.
 «Что это смотришь ты со мной?»
 Сказать онъ: «Сара, что съ тобой?»
 Да молви слово!

С А Р А.

Ахъ! мой Боже!
 Ты ждешь опивѣна моего!
 Вошь онъ: я знаю, ошь чего
 Ты пакъ доволенъ.

Е Л Е Ц К И Й.

Отъ чего же?

С А Р А.

Меня ты думалъ обмануть,
 Когда вчера, кривя душою,
 Ты мнѣ съ заботою такою
 Скорѣй совѣшывалъ заснуть.
 «Устала, Сара? дремлешь, Сара?
 «Ляжь, Сара, спать! — Я и легла,
 Да ужь нарочно не спала;
 Давно грозила эша кара,
 Давно я брошена тобой!
 Ты сунки цѣлья, порой,
 Двухъ словъ со мной не произносишь;
 Любимыхъ пѣсней пѣшь не просишь;
 Да и по комъ швоя душа
 Ужь шакъ смертельно заболѣла?
 Ее вчера я разглядѣла:
 Совсѣмъ, совсѣмъ не хороша!

Е л е ц к и ѳ.

Такъ вошь въ чемъ дѣло?

С А Р А.

Сара знаешь

Какля ждетъ ее судьба
 За то, что служишь, угождаетъ
 Тебѣ по волѣ, какъ раба:

Со знашней барышней своею
 Ты обвиняешься, а съ нею
 Простишься; и ее на дворъ
 Мешлою вымешушь, какъ соръ.

Е л е ц к и й.

Ты совершенно сумасбродишь!
 Какія странныя мечпы!
 По пуснякамъ горюешь ты
 И на меня шоску наводишь.

С а р а.

А кто бывало говорилъ,
 Ко мнѣ ласкаясь то и дѣло:
 «Тебя я, Сара, полюбилъ;
 «Жишь одному мнѣ надоѣло,
 «Будь мнѣ подругою; со мной
 «Живи подѣ кровлею одной.
 «Я нравомъ веселъ; живо, шумно,
 «Въ пирахъ и пѣсняхъ завсегда
 «Мы будемъ проводишь года.»
 Я согласилася безумно,
 Чшо жъ вышло?

Е л е ц к и й.

Изъ моихъ рѣчей

Тобой забыша половина;
 Я говорилъ: швоя судьбина
 Не будетъ скована съ моею;
 Покуда любо жить со мною,
 Живи; наскучило, — прощай,
 Былую радость поминай!
 Съ швоей свободой, той порою
 Я выговаривалъ мою.
 Но я тебя не узнаю;
 И сердце будущимъ превожа,
 Ты на Цыганку не похожа,
 Вашъ родъ безпечень...

С Л Р А.

Проклятъ онъ!

Онъ человѣчества лишенъ!
 Намъ чужды всѣ края мірскіе,
 Мы на обиды рождены;
 Забавишь племена чужія
 Изъ проишанья мы должны;
 Я о себѣ молчу; Цыганка
 Вамъ не подруга, а служанка:
 Она пляши и разпѣвай,
 А сердцу воли не давай.

Е л е ц к и й.

Осталье пустыя опасенья!
 Не разлучимся мы съ тобой!
 Хошя другаго поколѣнья,
 Родня я вашему судьбой:
 И я, какъ вы, отверженъ свѣшомъ,
 И мнѣ враждебенъ сердца гласъ;
 Не распадется, вѣрь мнѣ въ эшомъ,
 Цѣпь, сопрягающая насъ!

Когда съ Цыганкой молодою
 Судьба Елецкаго свела,
 Своей разгульною душою
 Она мила ему была.
 « Я горю знашь не буду съ нею;
 Какихъ тяжельхъ, черныхъ думъ,
 Мнѣ иногда гнепущихъ умъ,
 Свободной рѣзвостью своею
 Не удалишь она сей часъ?
 Кому, при блескѣ эпихъ глазъ,
 Присяпся мрачныя печали!»
 Такъ думалъ онъ; но дни мелькали;
 Къ ея душѣ, своей душой
 На продолжишельное время
 Не могъ приспалъ Елецкій мой.
 Ему попомъ ужъ спали въ бремя

Зашѣи дѣвы удалой.
 Не принимая въ нихъ участья,
 Ужь онъ желать другаго счастья:
 Души, съ которой могъ бы онъ
 Дѣлиться всей своей душою!
 Надеждой шемной увлеченъ,
 Онъ Сарѣ пробовалъ, порою,
 Передавалъ свои мечты:
 Но образованнаго чувства
 Языкъ, для дикой красоты
 Былъ полонъ справной шемношны.
 Она, не вѣдая искусства,
 Подъ рѣчи друга своего
 Безъ всякой совѣсли зѣвала;
 Иль въ скоромъ времени его
 Споронней шушкой прерывала;
 Но смупно прогазась; и ей
 Невразумительныхъ рѣчей
 Цыганка голосъ понимала.
 Подругъ въпренной своей,
 Онъ ежедневно быть милѣй,
 Но къ ней кладѣлъ по шой же мѣртъ;
 Когда, любовью вспыхнувъ къ Вѣрѣ.
 Онъ нравомъ спать еще мрачнѣй,
 Она развечь его кошѣла,
 Она родныя пѣсни пѣла,

Она по сипулямъ , по столамъ
 Съ живыми кликами скакала ,
 Она при немъ по пуснякамъ ,
 Какъ можно громче хохотала .
 Но всегда ея смущалъ
 Въ это время , взоръ его брюзгливый :
 Предъ нимъ порывъ ея игривый
 Въ одно мгновенье упадалъ .
 И хладнымъ ядомъ проникала
 Грусть роковая въ сердце ей ,
 И бесполезно призывала
 Она свободу прежнихъ дней .

Е. Баратынскій.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЪ.

Высоко надъ сѣмьею горъ ,
 Казбекъ , швой царспивенный шаперъ
 Сіяеть вѣчными лучами .
 Твой монастырь за облаками ,
 Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ ,
 Паритъ , чуть видный , надъ горами .

Далекій, возделанный берегъ!
 Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
 Поднятыя къ вольной вышинѣ,
 Туда бѣ, въ заоблачную келью,
 Въ сосѣдство Бога скрышься мнѣ!...

А. Пушкинъ.

АЛЬПИЙСКІЯ СОСНЫ.

Есиль на альпійскихъ высотахъ
 Опшельницы въ зеленыхъ ризахъ ;
 Главу скрывая въ пучахъ сизыхъ ,
 На недоступныхъ намъ скалахъ
 Онѣ обитель основали ;
 Ихъ кудри гробовой печали
 Эмблема на землѣ ; онѣ
 Въ уединенной вышинѣ
 Въ грозу дрожатъ предъ небесами.
 Вокругъ ихъ саванъ снѣговой ;
 Онѣ бесплодными камнями
 Едва питаютъ голодъ свой :

За то сѣкира ихъ не срубить,
Земной огонь ихъ не пожреть;
За то орелъ привѣтъ ихъ любить,
И громъ — небесный ихъ сосѣдъ!

Трилуный.

ОДА ГОРАЦІЯ ПОСЛѢДНЯЯ. —

(IV. к. 16).

«Что грезитъ, Тибръ? — Спруя желша, мушна!
Иль желчью ты встревоженъ безпокойной,
И чувствуешь сердитая волна,
Что пьешь ее Римлянинъ недостойной?»

Иль отъ спыда ты бѣгъ торопишь свой?
Почто же ты не держишь злой стихіи,
Не спелешься криспальной волной
И не глядишь на небо Авзоніи?»

— Мнѣ недосугъ: не спишь моя волна:
Я мою Римъ, я града ослѣжишь;
Я, нагрузивъ нечистымъ рамена,
Бѣгу въ поля, усердный ихъ поищешь, —

И пороплюсь въ безбрежный Океанъ,
Что землю всю водами убѣлаешь:
Пріемлешь онъ грѣхи моихъ Римлянъ
И съ волнъ моихъ нечистое смываетъ.

Но щещно я, послѣдній гражданинъ,
Свой правлю долгъ, въ примѣръ, безъ укоризны:
Себя несу на жертву я одинъ
Цѣленію и здравію опчизны.

Шевыревъ.

Г Л И Ц Е Р Ъ.

« Urit me Glyceræ nitor
« Splendentis Pario marmore purius :
« Urit grata protervitas,
« Et vultus nimium lubricus aspici. »
НОВАТ. Lib. I. Ode XIX.

Лобзай меня: швои лобзанья
Огнемъ любви текушь по мнѣ,
Но я стараю въ томъ огнѣ
Безъ слезъ, безъ муки, безъ рошанья...
О жрица нѣги! счастливъ шомъ,
Кого на одрѣ швой прихопливый
Съ закапомъ солнца позовешъ
Твой взоръ, то нѣжный, то спыдливый;
Кто на взволнованныхъ красяхъ
Минутой счастья жизнь обманешъ
И упромъ съ ложа нѣги встанешъ
Съ примѣпой шомносини въ очахъ.

М. Деларю.

КЪ СИНЕМУ НЕБУ.

Синее небо! синее небо!
Алмазные звѣзды!
Заягыне, ушоньше,
Въ раскрытую душу,
Какъ понете вы величаво
Въ хрустальномъ, глубокомъ пошокъ!..
Ахъ! какъ бы я весель, ахъ! какъ бы я счастливъ
И радостенъ былъ,
Когда бъ я могъ слышать, когда бъ я могъ вѣрнше,
Что небо въ душѣ я ношу!...

Федоръ Глинка.

Э Л Е Г И Я.

Я ошыщу шопъ крестъ смиренный,
Подъ конь, межъ чужихъ гробовъ,
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
О свѣтлой юности моей
И въ поучительныхъ преданьяхъ
Про жизнь поэтовъ нашихъ дней.

Тамъ, гдѣ на доль съ горы ошлюгой
Разнообразно сходишь боръ,
Въ виду рѣки и двухъ озеръ
И нивъ съ песчаною дорогой,
Гдѣ древнимъ садомъ окружень
Господскій домъ уединенный
Дряхлѣеиъ, памятникъ почтенный
Елисаветиныхъ времяъ ;

Насъ полныхъ юноши и вольныхъ
 Тамъ было шрое: два пѣвца,
 И онъ, краса ночей заспольныхъ,
 Кипѣвшій силами бойца,
 Онъ, послѣ кинувшій забавы,
 Себѣ избравшій ратный пупъ
 И освятившій въ полѣ славы
 Свою студенческую грудь.

Вонъ тамъ: обоями худыми
 Гдѣ-гдѣ прикрытая спѣна,
 Полъ нечипеный, два окна
 И дверь шпеклянная межъ ними;
 Диванъ, подъ образомъ въ углу,
 Да пара спульевъ; споль украшенъ
 Богатспвомъ винъ и сельскихъ брашенъ,
 И ты, пришедшая къ сполу!

Мы пировали. Не дичилась
 Ты нашей доли — и порой
 Къ своей веснѣ переносилась
 Разгоряченною душой,
 Любила слушать наши хоры,
 Живые звуки чуждыхъ странъ,
 Рѣчей напоры и олпоры
 И звонъ спакана объ спаканъ.

Ужь гасишь ночь свои свѣтила,
 Зарей алѣешь небосклонъ:
 Я помню, что-то намъ про сонъ
 Давнымъ - давно ты говорила —
 Напрасно! взять свое Токай
 Шумнѣй привольная пирушка!
 Садись - ка, добрая старушка,
 И съ нами бражничашь давай!

Ты* расскажи намъ: въ дни бывые,
 Не правда ль? не на эту спашь
 Твои бояре молодые
 Любили ночи корошашь?
 Не шакъ бывало! слава Богу,
 Земля вершитса. У людей
 Все коловранино; по немногу
 Все мудренѣй и мудренѣй.

И мы... Какъ дѣтство шаловлива,
 Какъ наша молодость вольна,
 Какъ полвольніе умна,
 Какъ спарость мило-говорлива,
 Со мной бесѣдовала ты,
 Вскла мое воображенье...
 И вопшь тебѣ поминovenье,
 На гробъ твоя свѣжіе цвѣшы!

Я опыщу швой крестъ смиренный,
 Подъ коимъ, межъ чужихъ гробовъ
 Твой прахъ улегся, изнуренный
 Трудомъ и бременемъ годовъ.
 Предъ нимъ печальной головою
 Склонюся, много вспомню я—
 И умиленную мечшою
 Душа развѣжился моя.

Н. Языковъ.

О Т Р Ы В О К Ъ.

На холмахъ Грузіи лежишь ночная мгла,
 Шумишь Арагва предо мною.
 Миѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла,
 Печаль моя полна побою,
 Тобой, одной побой... Унынья моего
 Ничто не мучитъ, не превожитъ,
 И сердце вновь горитъ и любитъ — оцъ того,
 Что не любишь оно не можетъ.

А. Пушкинъ.

Къ Н. И. ГНѢДИЧУ (*). —

Служитель Музъ и древняго Омера,
Судья и другъ поэтовъ молодыхъ!
Къ твоимъ словамъ въ отважномъ сердцѣ ихъ
Есть тайная, особенная вѣра.
Она меня зоветъ къ тебѣ, поэтъ:
    Дай искренній совѣтъ,
Какъ жить тому, кто любитъ Аполлона.
Завиденъ мнѣ счастливый жребій твой:
Съ какою ты спокойною душой
На высотѣ опасной Геллкона!

(*) Это посланіе за нѣсколько лѣтъ передъ симъ напечатано было въ одномъ изъ С. П. бургскихъ журналовъ. Опрывокъ изъ опивша на него помѣщенъ во второмъ изданіи Учебной книги Рос. Слов. Н. И. Греча. Получивъ отъ автора полный экземпляръ сего опивша, мы надѣялись дославить удовольствіе читателямъ своимъ, соединивъ въ нашемъ альманахѣ оба посланія, какъ нѣчто цѣлое.

Прекраснаго поклонникъ самъ и жрецъ,
 Предъ божествомъ своимъ въ мольбѣ смиренной,
 Забылъ шы свѣшъ и судъ его премѣнной,
 Ты пренебрегъ минушнй въ немъ вѣнецъ,
 Отдавъ свой трудъ единому попомству.

А я, какъ рабъ, спрашямъ моимъ службу

И шолько оцупью брожу :

Шѣнясь хвалою, я вѣроломству

Младенчески, какъ дружбѣ, отдаюсь

И милая дѣлю съ нимъ сердца шайны ;

То, получивъ въ трудъ успѣхъ случайный,

Съ опважностью за славою спремлюсь,

И падаю, другой Икаръ, въ пучину ;

То, измѣнивъ безсмертія мечтѣ,

Ищу любви въ бездушнй красоти

И въ Граціи записываю Фрину.

Зачѣмъ скрывать? Въ поэзіи моеи

Оспанется лишь повѣсть заблуждений,

Посыдная уму игра страстей,

А не огонь небесныхъ вдохновеній.

Безсиленъ я владѣть своеи душой

И съ Музою согласно жипь одной :

Мнѣ нравится шо гуль трубы военной,

То нѣжный звукъ свирѣли пастуховъ,

То ципры гласъ уединенной,

Ласкающій спыдливуо любовь,

И часто грозваго Ахилла
 (Когда въ живыхъ швоихъ стихахъ
 За нимъ спремлюсь) въ моихъ мечтахъ
 Смѣняетъ рѣвая Людмила.

Такъ пошпру на пурпурный восшокъ,
 Гдѣ царь свѣшилъ является прекрасной,
 Днша глядишь съ улыбкой ясной:
 Огъ золота лучей горитъ пошокъ,
 Окресный лѣсъ и дальнихъ горъ вершины;
 Предъ нимъ чудесныя каршины,
 Воскреснувшей природы видъ;
 Но онъ, невольникъ чувствъ, бѣжитъ
 За мотылькомъ, надъ ближними цвѣтами
 Мелькающимъ блестящими крылами.

И Музы мстятъ невѣрностию мнѣ
 За рѣзвыя мои въ любви измѣны:
 Какъ часто гласъ невидимой Спрены
 Я слышу въ тишинѣ!
 Склоняю слухъ къ пѣвничельному звуку,
 И въ радости накладываю руку,
 Чшюбъ голосъ спрунъ съ ея мнѣ пѣнемъ слышь;
 Коварная... мгновенно умолкаетъ,
 Восторга звукъ на лирѣ умираетъ,
 И я готовъ бездушную разбить.
 О сладкое, святое вдохновенье,
 Огонь души и сердца упоенье!

Я чувствовалъ, я помню эпошь жарь,
 Какъ Муза мнѣ съ улыбкой мысль внушала;
 Передо мной шеперь одни начала,
 Погибнувшій небесной дѣвы даръ.
 Повѣришь ли: я часно въ грусти пайной
 Завидую шому, кто чуждый Музъ
 Съ безпечноспью одной хранишь союзъ,
 Не зная вѣкъ бесѣды ихъ случайной.
 Когда молодой художникъ посѣпшипъ
 Развалины разрушеннаго града,
 Онъ плачешъ пламъ; онъ горестнаго взгляда
 Въ спраданіи души не отвратишъ
 Отъ славныхъ сихъ разбросанныхъ обломковъ,
 Гдѣ въ каждой онъ возвышенной чершъ
 Находитъ дань небесной красоншъ,
 Или урокъ, священный для пошомковъ:
     Такъ я въ увынш снжу
 Надъ мыслію, счастливо мнѣ внушенной
 И въ пламенномъ спихъ изображенной;
 Прикованный, я на нее гляжу,
 Какъ на кусокъ разбиатаго кумира:
 Ошброшена безжизненная лира;
 Не уловишъ пчезнувшей мечты
 И не видишъ мнѣ полной красоншы.

Доспупный другъ веселью и спраданью!

Я все принешъ къ шебъ на судъ,

Все, что судилъ мнѣ благошворный трудъ,
И что вѣрять я упованью;
Я раздѣлялъ всѣ радости съ тобой
И муки всѣ въ моей суровой долѣ;
Скажи, еще ль борешься мнѣ съ судьбой,
Иль позабышь обмановъ сладкихъ поле?
Бышь можешь, я вступилъ средь дѣтскихъ лѣтъ
На поприще поэзіи ошибкой;
Какъ другъ, скажи мнѣ съ тихой улыбкой:
Сними вѣнокъ, шы не поэтъ.

П. Плетневъ.

Къ П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Отвѣтъ на его посланіе.

Мой другъ! себѣ не доверяю —
Примѣна скромная пишомца Музъ младаго.
Такъ юные орлы, съ гнѣзда слетѣвъ роднаго,
Полеши къ солнцу вдругъ не смѣютъ испытать;
Паряшь, но по слѣдамъ ошцовъ ширококрылыхъ.
Могучихъ геніевъ дерзая по слѣдамъ,
Вѣрлася шы младамъ еще криламъ;

Но въ шрудныхъ опысахъ не поспыдилъ ихъ силы.
 На что жь ты одаренъ сей силой неземной ?
 Чтѣобъ смѣлое внушаешь другимъ лишь помышленье?
 Чтѣобъ пѣшь великихъ душъ побѣды надъ судьбой ?
 А первому блѣднѣть подъ первою грозой,
 И дашь въ пѣвцѣ узрѣшь души его паденье? ...
 Мужайся, другъ! себя бѣдами не спраши,
     Воюй съ враждебною судьбою;
 И не увизипь ей возвышенной души,
 И року шоржества не видѣшь надъ шобою!
 Гордись, пѣвецъ! высокъ пѣвцовъ удѣль!
 Земная власть его не даспъ и не опнимень.
 Богатство, знатность, честь—могила ихъ предѣтъ;
 Но дара Божія мракъ гроба не обвинешь.
 Богачъ, склонивъ чело предъ Фебовымъ жрецомъ:
 Онъ имя смершное швое увѣковѣчипъ,
     И въ мракъ гробовомъ
 Онъ данъ тебѣ пошомшва обезпечипъ. —
     Чшо былъ бы гордый Меценашъ
     Безъ пѣсней Флакка и Марона? —
 Въ могилу брошенный изъ золошыхъ палапъ,
 Безславный бы рыдалъ, бродя у Ахерона,
     Рыдалъ бы онъ, какъ бѣдный дровосѣкъ,
     Который весь свой темный вѣкъ
 Подъ шалашемъ свое оплакиваетъ бѣдшво,
     Печальное ошцевъ наслѣдство!
 И ты, богини сынъ, и ты, Пелидъ герой!
     Лежать бы подъ землей вѣмой

Какъ смертный безымянный,
 И въки долгіе забвенія стлшалъ;
 Когда бъ пророкъ Хіуса вдохновенный
 Безсмершіемъ себя не ублчталъ. —

Отъ Музъ и чesль и слава земнороднымъ;
 Гордись, пишомецъ Музъ, удѣломъ превосходнымъ!

Но, если геній швой,
 Разочарованный и небокъ нашимъ хладнымъ
 И хладомъ душъ, не съ шѣмъ ужъ духомъ, славы жад-
 нымъ,

Глядишь на пушь прекрасный свой,
 Невольно унываетъ
 И крылья опускаетъ,
 Убійственнымъ сомвнѣемъ омраченъ,
 Не щещно ли вступилъ на пушь опасный огъ?
 Не щещно ли себя ласкалъ вѣнкомъ поэша?

И молча ждетъ нельспиваго отвѣша...
 Мой другъ, не отъ толпы и грубой и слѣпой

Владыка лры вдохновенной
 Услышишь судъ прямой

И голосъ истины священной,
 И не всегда его услышишь отъ друзей:
 Слѣпые мы рабы слѣпыхъ своихъ спрасшей.

Приспрасшенъ, другъ, и я къ сплхамъ друзей-поэ-
 шовъ;

Прощаю грѣшный сплхъ за слово для души. —

Стасплвивъ, кто самъ, спрасшей своихъ вѣшиши,
 Приспрасшенъ дружескихъ почувствуешь совѣшовъ

Самъ поэтическіе судья грѣховъ своихъ,
Мараешъ часто онъ хваленыи другомъ стихъ.

О! ешь, мой другъ, и опышь убѣждаетъ,
Есть внушрении у насъ,
Не всѣми слышимый, минушный, стихій гласъ:
Какъ вѣрно онъ хулитъ, какъ вѣрно одобряетъ!
Онъ совѣсть гениа, паланша судія.
Счастливиъ, кто голосъ сей безусловный понимаетъ,
Счастливиъ Димитріевъ! что у него друзья
Въ стихахъ перевозносили,
То чувства строгиа поэта осудили (*).
Любимцемъ Музъ увѣренъ я,
Что наша совѣсть намъ ешь лучшій судія. —

Довѣренность къ друзьямъ, но не слѣпая вѣра.
Кто нашимъ слабосныамъ изъ дружбы не ласкаль?

А иногда изъ видовъ, я слыхалъ.
« Бышь можешъ, юноша шрубой Гомера
« Въ Россіа загремилъ!

« Тогда и я съ попомспвомъ опдалепнымъ
« Жилъ буду именовъ, для рифмы въ стихъ вмѣ-
щеннымъ.

(*) И. И. Димитріевъ многія цѣлыя пьесы уни-
чтожилъ въ послѣднемъ изданіи своихъ стихо-
твореній.

« Поклонникъ, другъ пѣвца, я буду ль имъ забыть! »

Вошь для чего ничтожный Эпичесовъ

Такъ набиваешься на дружество поэтовъ. —

Кто жаждетъ въ памяти людей
Оставивъ по себѣ слѣдъ бытія земнаго,
Жизнь благородныхъ думъ и чувствъ души своей
Навѣки утвердивъ могучимъ даромъ слова;

Не отъ ласкательныхъ друзей

Тонъ ожидай отвѣта:

Горнишь ли въ немъ священный огонь Поэта;

Испытывай себя

Не на шолпъ слѣпой народа. —

Есть безпристрастнѣйшій Поэтовъ судія,

Ихъ собственная мать, Природа.

Предстань передъ лице ея

Въ часъ солнцева шоржеспивеннаго восхода,
Когда умытая душистою росой
Являешся со всей роскошной красотой

Безсмертно-юная Природа;

Или въ полнѣ часъ, когда и ночь и тишина

Льнявымъ сномъ смыкаетъ смертныхъ очи:

Природа, лишь подъ кровомъ ночи,

Какъ непорочная, прекрасная жена
Любимцу тайныя красы разоблачаетъ.

Пусть генийъ твою природу вопрошаетъ;
И если ты ея достойный неофицъ,

Она къ тебѣ заговоритъ

Своимъ проснымъ , во черни непонятнымъ ,
 Краснорѣчивѣйшимъ для сердца языкомъ ;
 И если въ сердцѣ онъ откликнется швоемъ
 Глубокимъ шрепешомъ , душѣ поэта вышнымъ ;
 И если по шебѣ незачно пробѣжитъ
     Священный холодъ испуленья ,
     И духъ швой закипитъ
     Живою жаждой пѣснопѣня ;
 Рукою смѣлою коснися струнъ шѣмыхъ :
     Онѣ огнемъ души зажгутся ,
 Заговорятъ , и онѣ персповѣ швоихъ
     Живыя пѣсни разольются .

Н. Гнѣдигъ.

К Ъ Ф Е Б У. —

Плодовъ и звуковъ божество!
Къ тебѣ вызываетъ стихъ мой смѣлый:
Да мысль глядишся сквозь него,
Какъ шы сквозь плодъ прозрачно-спѣлый;
Да будетъ соченъ и глубокъ,
Какъ персикъ вскормленный лучами,
Точащій свой избытннй сокъ
Благоуханными слезами.

Шевыревъ.

О С Е Н Ъ 1830 ГОДА.

« Il faisait beau en effet. »

« Comment une idée sinistre aurait-elle pu poindre parmi tant de gracieuses sensations? »

« Rien ne m'apparaissait plus sous le même aspect qu' auparavant. Ce beau soleil, ce ciel si pur, cette jolie fleur, tout cela était blanc et pâle de la couleur d'un linceul. »

(*Le dernier jour d'un condamné.*)

Творецъ зеленыхъ нивъ и голубаго свода!
Какъ вършишь тяжело, чтобы Твоя природа,
Чтобы топилъ свѣтлый мѣръ, который создашь Ты,
Который Ты облекъ величьемъ красоты,
Могли быть смертному таинственно враждебны;
Чтобъ воздухъ, нашихъ силъ питатель сей цѣл-
бный,

Внезапно могъ на насъ предательски дохнуть
И язвой люшою проникнуть въ нашу грудь;

Чтобы земля могла, въ благомъ Твоемъ законѣ,
Заразою насъ питать на машеринскомъ лонѣ !

Какъ осень хороша ! какъ чисты небеса !
Какъ блещутъ и горятъ янтарные лѣса
Въ опшѣнкахъ золотыхъ, въ багряныхъ переливахъ !
Какъ солнце свѣтнися въ волнахъ, на свѣжихъ ни-
вахъ !

Какъ сердцу радостно раскрыться и дышатьъ,
Любуясь кругомъ на Божью благодать.
Средь пршества земли, за трапезой осенней,
Прощальной трапезой, тѣмъ смертнымъ драгоцен-
нѣй,

Что зимней ночи мракъ послѣдуетъ за ней,
Какъ веселы сердца довѣрчивыхъ гостей.

Но горе ! шайный врагъ, незримой, неизбежной,
Средь праздниства потрясъ хоругвию мятежной :
На ней начертано изъ буквъ кровавыхъ : Морь.
И что вчера еще увеселяло взоръ,
Что иѣгу чистую по сердцу разливало :
Улыбчивыхъ небесъ лазурное зеркало,
Воздушной синевы прозрачность, и лугвъ
Послѣдней зеленью играющій покровъ,
И полные еще дыханьемъ благовоннымъ
Лѣса, обильные какъ золотомъ червоннымъ :

Весь эшотъ пышный храмъ, святилище красотъ,
 Неизмѣнившійся, сегодня ужъ не шотъ;
 Не въ радость песпрый лѣсъ и яркихъ горъ вершина;
 Печальнымъ облакомъ омрачена картина:
 Тѣнь грозной истины лежишь на ней. Она
 Въ хладѣющую грудь воникнула до дна.
 Изъ истинъ, истина единая живая,
 Смершь воцарилась, жизнь во лжи изобличая,
 И сердце, сжатое боязнь и шоской,
 Слабѣешь и падешь подъ мыслью роковой.

Не върыне небесамъ: имъ чувство довърлось,
 Но сардонически и небо улыбалось.
 Есть солнце на небѣ, а бѣдствуетъ земля.
 Сіянемъ праздничнымъ одѣяны поля
 И никогда пышный не зрѣлся намъ мръ Божій;
 Но свѣдѣвшихъ сихъ полей владѣшель и прохожій,
 Земнаго царства царь, въ владѣннн своемъ,
 Одинъ подъ битъ поникъ униженнымъ челою,
 Одинъ, среди богатствъ цвѣтущаго наслѣдства,
 Онъ преданъ на землѣ въ добычу зла и бѣдства.

Скорбь въ разныхъ образахъ грозить ему. Въ борьбѣ
 Съ Прощемъ, иѣтъ ему убѣжища въ себѣ.
 Одинъ въ минувшемъ онъ и въ будущемъ несчастенъ,
 Одинъ предвидишь зло и забываешь не власпенъ,

Одинъ неспраждащій, онъ спраждаетъ о другихъ,
 То слезъ своихъ родникъ, то въ долъ слезъ чужихъ
 Иль жершвой падаешь , иль изъ своихъ объятий
 На люшый жертвенникъ онъ оппускаетъ братій.
 Во дни кровавые народныхъ непогодъ ,
 Когда предускоренъ природы мърный ходъ ,

Когда съ небесъ падешь карашельная клятва
 И смерти алчущей спорицей зрѣешь жашва
 Подъ знойной роспью убійственныхъ спрастей,
 Такъ въ жершвахъ, преданныхъ сѣкирамъ палачей,
 Последняя стоишь , въ живой кончинѣ страха,
 И очереди ждешь , чтобъ упраздилась плаха.
 Отсрочка ей не жизнь, судьбы коварный даръ ;
 И вмѣсто, чтобъ пресѣкъ въ ней жизнь одинъ ударъ,
 Надъ нею смерть свои удары помножая ,
 Спраданій лѣшницей ведешь на край отъ края.

Кн. Вяземскій.

БѢДНОСТЬ И УТѢШЕНІЕ.

Не плачь, жена! мы здѣсь земные постояльцы;
Я вѣрю: *гдѣ-то* ешь и намъ пріютный домъ!

Подъ часъ вздохну я, сида за перомъ;

Слезу роняешь ты на пальцы:

Ты все о будущемъ полна заботныхъ думъ:

Богъ дастъ дѣшей? ... Ну что жь? — пусть Онъ
нашъ будетъ Кулиб!

Ө. Глинка.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ
ЮСИФА КОРЖЕНЕВСКАГО :
ОТШЕЛЬНИКЪ.

Д Ъ Й С Т В І Е 2-е.

Я В Л Е Н І Е 3-е.

(Темный коридоръ при боковой двери въ церковь; слышенъ хоръ молящихся иноковъ).

Н Е З Н А К О М Е Ц Ъ .

(Входитъ и останавливается у церковной двери).

Вопшь тошъ предѣль, котораго еще

Перешагнушь досель я не рѣшался!

Огибаюшся колѣна всякой разъ,

Лишь только я хочу войти въ сей храмъ, гдѣ

Все спрашиваю мигъ напоминаетъ мнѣ!
 Алтарь и сводъ, мракъ, сплѣтъ загибы тѣ же!
 Ужель еще я долженъ видѣть васъ,
 Свидѣтели злодѣйства моего?...
 Пойду ль ступать на плишахъ капли крови,
 Взойду ль на тѣ ступени, съ коихъ... Нѣтъ!
 Нѣтъ — никогда! Останусь лучше здѣсь.
 И здѣсь могу я слышать ихъ моленье.

(Помолгаб).

Желалъ бы я молишься, горько плакашь;
 Ахъ! горе мнѣ, глаза мои горятъ!
 Пусть къ небесамъ мое забыло сердце!
 И голосъ мой спалъ Богу непоясень!

Голосъ 1-й (въ церкви).

Душа! хвали Бога, вселенной Творца:
 Собою Онъ все сохраняетъ;
 Всевидящимъ окомъ Онъ смотритъ въ сердца
 И тайныя мысли чиняетъ.

Голосъ 2-й.

Услыши, Создатель, рыданье и стонъ
 Души, злополученья убитой;
 Пусть врагъ угрожаетъ — не спрашенъ мнѣ онъ,
 Когда мнѣ Господь мой защитой.

Г о л о с ь 2-й.

Ахъ! пошъ, кто покинушъ десницею Твоею,
 Колико безсиленъ, несчастенъ!
 Не можешъ избѣгнушъ оиъ вражьиъ сѣтей
 И вслѣзъ угнешашъ его власиенъ.
 Печальный скрипалецъ, упранивъ свой пушъ,
 Не узришъ свѣнилъ пугеководныхъ;
 Во шмѣ его ужасъ хвапашетъ за грудь
 И давишъ въ объашьяхъ холодныхъ!

Н Е З Н А К О М Е Ц Ъ .

Такъ, братія! молишесь за меня.
 О, голосъ вашъ достигнетъ до небесъ,
 Какъ гимнъ святой любви и упования!
 Вздохъ праведной души— чистѣйшій даръ,
 Какой земля приносишъ Богу; даръ сей
 Хоръ Ангеловъ снесетъ къ стопамъ Творца.
 Но въ чьей груди одинъ лишь слышенъ голосъ,
 Одна лишь мысль всечасно бдитъ, подобно
 Уединенной пальмѣ средъ песковъ,
 Палящими лучами разкаленныхъ;
 И чье чело изъ дѣтства Сашаной
 Заклеймено, какъ принадлежность ада,
 Пусть пошъ не молишся, а проклинаешъ
 Ужасный мигъ рожденья своего!

Г о л о с ь 1-й.

Ницъ, грѣшникъ ничпожнѣй, склонися челомъ
 И Божьему вѣрь общанью,
 Онъ благъ, поспояненъ въ общѣ Своемъ,
 Конецъ низпошлешъ Онъ спраданию.
 Покайся предъ Вышнимъ, лей слезы, молися —
 Творецъ покаяніе приметъ
 И чадолубивый — лишь духомъ смиришь —
 Заблудшаго сына обнимешъ.

Г о л о с ь 2-й.

Моленій собрата не выслушалъ ны,
 Исполненъ гордыни и месипи;
 А Царь мірозданья внималъ съ высоты
 Изчадію шавна и перспи!
 Владыка небесный услышалъ швой гласъ,
 Тебя Онъ узрѣлъ въ власяницѣ —
 И громъ ошомщенья незапно погасъ.
 Въ Его милосердой десницѣ!

Г о л о с ь 1-й.

О, Благоспешъ буди къ намъ, Боже боговъ,
 Свершая надъ нами судъ правый,
 Гдѣ жь смертнѣйшій пошъ, чуждый грѣховныхъ оковъ,
 Чшобъ ждашъ могъ безъ страха расправы?

Н Е З Н А К О М Е Ц Ъ .

Вашъ голосъ мнѣ надѣялся велишь!
 Предъ многими дверями храмовъ Божьихъ
 Покрытый вѣщищемъ, простертый въ прахъ,
 Я скорбныя моленья возсылалъ;
 Тогда хощя я плакать могъ — и плакалъ!
 Теперь же я и самыхъ слезъ лишень!
 Досель еще встрѣчалъ я состраданье
 И часто нищій, глядя на меня,
 Свой собственный удѣлъ забывая, лилъ слезы.
 Теперь куда ни обращусь, вездѣ
 Я нахожу холодныхъ, любопытныхъ,
 Испуганныхъ людей; но мнѣ ль ропсать?...
 Нѣтъ! — Покорюсь. Въ слезахъ моихъ погаснеть
 Небесный громъ и жало угрызенья
 Приступится о каменный уступъ,
 Кольнами разкаянья простертый.
 Злодѣевъ много видѣлъ я! — Неразъ
 Передо мной кипѣло разоборство
 Опчаныя и жизни. Все же грѣшникъ
 По излеченьи многихъ лишь борьбы,
 Подобно крошккому младенцу, тихо
 Уснувшему на маперинскомъ лонѣ,
 Разкаленный спокойно засыпалъ
 Въ объятіяхъ привѣтныхъ смерти. Такъ!
 Придетъ и мнѣ чреда. — Всегда началу
 Послѣдуетъ конецъ. Таковъ законъ

Вселенныя! Ты шакже замокнушь долженъ,
 О грозный гласъ, гласъ совѣсти моея!
 Хоша себя не въ силахъ заглушить
 Ни прескъ громовъ, ни бури завыванье,
 Замокнуешь ты по манію Руки,
 Которая способна успокоить
 Ужасный ревъ морскихъ валовъ. Ея
 Могущество и благость безпредѣльны!

(Помолгаѡ)

Безумецъ!... Мнѣ ль надѣяться еще
 На тѣ священные законы, кои
 Поруганы мной?... Горе, горе мнѣ!
 Какъ прахомъ въпррь порывистый играетъ,
 Такъ мыслями моими всюду мещетъ
 Длань шажка, желѣзная судьбы!
 Куда шеперь снопы мои направляю?
 Чшобъ ни было — перешагну сей прагъ,
 Съ опчаяньемъ, въ сердечномъ сокрушенн
 Повергнушь ницъ предъ ликомъ Божества:
 Пущь на меня обрушишь своды храма,
 Смерть прекратишь мученья! (Идетъ, но вскорѡ
 возвращаясь, вскрикиваетъ).

Боже сильный!

Кровь на престолѣ! (Падаетъ безъ чувствъ.)

В. Щастный.

С У Д Б А.

Со дня созданія подъяшъ надъ смершнымъ родомъ
Незримый, вѣчный метъ Судьбы:
Его не избѣжишь обдуманнѣйшъ уходомъ,
Его не искусашь чистѣйшихъ устъ мольбы!
Онъ сѣбно падаешъ, вращаемъ въ длани швердой,
На слабый цвѣпъ, на идолъ гордой
Разишъ безъ выбора земныхъ племенъ толпы!

А человекъ — игра живая
Коварныхъ сновъ, надеждъ, суешъ —
Въ мечтахъ поржесипвенныхъ до неба досягая
Не помнишъ грозныхъ, близкихъ бѣдъ.
Какъ бурный вихрь онъ магранушъ,
Его блаженство разменпушъ,
И никогда попомъ отрады не заглянушъ
Въ его развѣнчанный прѣишъ!

В. Туманскій.

1830.

МОГИЛА ПОЭТА.

(Посвящается памяти В....ва).

Пушникъ , узнай : здѣсь лежишь Аонидъ вдохновен-
ный пишомецъ :

Грудь молодую пѣвца огонь вдохновенія сжегъ.

Пушникъ ! бессмертные дорого цѣнлятъ небесъ до-
споянье !

Тяжко спрадалъ Промеѣей , хищникъ свяшаго
огня !

М. Деларю.

КЪ МЕЛЬПОМЕНЪ.

(Горац. Книга 4. Ода 3.)

*Quet tu, Melpomene, semel
Nascentem placido lumine videris.*

О! Мельпомена, кого въ колыбели,
Ласково встрѣшилъ небесный швой взоръ,
Въ играхъ Исхмійскихъ того не прославишь
Мощныхъ бойцовъ приговоръ.

Топъ не спремипгъ на Ахейскомъ риспаньи
Къ мѣшь побѣдной лепучихъ коней;
Топъ никогда не взойдегъ въ Капинолій
Гордыхъ смиришель вожей.

Тѣни прокладныя рощей Тибура,
Свыпалыя воды, зелень, цвѣшы:
Мнѣ Эолійскія пѣсни внушая,
Сердца лелѣюгъ мечшы.

Рима державный народъ, благосклонно,
Мѣсто въ собраньи поэтовъ своихъ
Мнѣ указалъ: — и коварную зависть
Смѣло карасишь мой стихъ.

Ты повелишь, — и неспройная лира
Дивный и сладостный звукъ издаешь;
Ты повелишь, — и безгласная рыба
Лебедя гласомъ поестъ,

Перваго римскаго лирика славу,
Рукоплесканія, клики похвалъ,
Жизнь за могодой, и радости жизни:
Все опъ тебя я пріялъ.

В. Вердеревскій.

С. П. Б. 1830.

ОСЕНЬ и СЕЛЬСКОЕ ЖИТЬЕ.

Съдѣсть въ воздухѣ, и лепки
 Повѣсили свои листки;
 И медленнѣй кружатся рыбки
 Въ шелкучемъ зеркалѣ рѣки.
 Янтарный листъ дрожитъ на вѣткахъ:
 Звончѣй гудеть въ пустой шрубѣ;
 Молчатъ, нахмурясь, птицы въ кѣшкахъ;
 Дрова привалены къ избѣ;
 Въ лѣсахъ прочищаются дорожки;
 Заглохло на полѣ пустошь;
 Но въ сельскомъ домикѣ простомъ
 Вспавляющъ на зиму окошки...
 Обобранъ шумный огородъ;
 Замокли рощи и долины...
 Но въ деревняхъ слышнѣй народъ
 И закурчился овины...
 Распушъ душистые снога,
 И золошьютъ скирды хлѣба...
 Какъ жизнь креспянъ не дорога!
 Какъ незанѣйна ихъ погрѣба!

★★

Кусокъ насущнаго, да квась,
 Да зелень, и, порой, приварокъ
 Для нихъ ужъ лакомый подарокъ!
 Но не бѣднѣй богатыхъ насъ,
 Сии сыны простой природы!
 Свѣжи и въ запоздалы годы,
 И сановиты и ловки!
 Въ хозяйствѣ дѣло разумѣютъ
 И толковыты для работъ;
 И не грустятъ и не желтѣютъ
 Какъ мы ошъ сплетней и заботъ!...
 Проходишь скоро ихъ кручина!
 А у пригожихъ ихъ дѣвицъ
 Лебязья грудь и свѣжестъ лицъ,
 Въ ланипахъ и въ усахъ малина!
 Ихъ не шомитъ огонь сыростей
 И сушны не клчестъ голоса;
 Не знаютъ припорныхъ сластей
 И позже ихъ сѣдетъ волосъ!...

Осдоръ Глинка.

П Р И М Ъ Т Ы.

Шумишь! . . . Напоръ воды у берега Волги силенъ :
Стрѣляетъ звонкій громъ ! всю ночь кипишь гроза !
Вчера былъ вой волковъ, свѣпились ихъ глаза ,
Сегодня и вчера пугалъ насъ вѣщій филинъ ;
Въ конюшнѣ вздрогнулъ конь , просяжно вьлаи псы . . .
Какъ долго шянутся безсонные часы !
Что значатъ эшѣ всѣ недобрыя примѣшны ?
Онѣ мучительны осирошѣлой мнѣ !
Начну я посты держашь . . . и дамъ церквамъ обѣшны :
Ахъ ! живъ ли-шо мой другъ за Рейномъ на войнѣ ?..

Федоръ Глинка.

Т Р И З Н А.

Ушихнулъ бой Гафурскій. По волнамъ
Лешащъ изгнанники опчизны.
Они, приставаъ къ Исландіи брегамъ,
Убиныхъ въ честь готовящъ призны.
Злашится медъ, играешъ мечъ съ мечемъ...
Обрядъ исполнили священный
И мрачные, возсѣли предъ холмомъ,
И внемлющъ арфѣ вдохновенной:

С К А Л Ъ Д Ъ.

Ушѣшьтесь о падшихъ! Они въ облакахъ
Пьющъ юныхъ Валкирій живыя лобзанья;
Ихъ чела цвѣшушъ на небесныхъ пирахъ,
Надъ прахомъ костей разцвѣтающъ преданья.
Ушѣшьтесь! за падшихъ вашъ мечъ ошомснитъ;
И гдѣ бы ни пошухнулъ нашъ пламенныйкъ жизни,
Пусть доблестный духъ до могилы кинитъ,
Какъ чаша заздравная въ память опчизны.

ТАЛИСМАНЪ.

Есть талисманъ священный у меня.
 Храню его! въ немъ сердца все имѣнье,
 Въ немъ цѣль надеждъ, въ немъ узелъ бытiя,
 Грядущаго залогъ, дней прошлыхъ упоенье.
 Онъ не браслетъ съ таинственнымъ замкомъ,
 Онъ не кольцо съ завѣнными словами
 И не письмо съ признаньемъ и мольбами
 И не рукой его изписанный альбомъ,
 Онъ не перо изъ бѣлаго султана,
 Онъ не его портретъ,
 Но, не назвали вамъ талисмана,
 Не разгадали вамъ мой секретъ,
 Онъ мнѣ дороже упованья,
 Я за него опдамъ свободу, жизнь и кровь:
 Мой талисманъ — воспоминанья
 И неизмѣнная любовь.

Д.....а...

СВЯТОЧНАЯ ШУТКА.

Скажите жь, вѣдали ль вы чорща?
 Каковъ онъ? Нѣмецъ или Русакъ?
 Что на ногъ его: ботъ - форша,
 Или камеръ-юнкерскій башмакъ?
 Черноволосъ ли, бѣлобрысъ ли
 Въ усахъ ли, или не дуешь въ усь?
 Что, каковы въ немъ чувства, мысли,
 Что за приемы, рѣчи, вкусъ?
 Что ошъ него вы переняли
 Или не его ль учили вы?
 Чоршъ, какъ ни чоршъ, но все едва ли
 Хитрѣй ошъ женской головы.
 Чоршъ хоть ужъ ладова боишся,
 И шо одно спасенье ешъ;
 Но кто ошъ женщинъ защитишся,
 Но женщинъ какъ и чѣмъ провешъ?
 Сжигалъ я ладонъ передъ ними,
 Но сердце съ ладономъ прожегъ
 И а съ убытками 'одними,
 А ошкуришся все не могъ.

Что, говорилъ ли онъ стихами,
 Или чертовщину прозой дралъ,
 Не хуже, какъ и между нами
 Дерешъ ее иной журналъ?
 Онъ романтическій прелестникъ,
 Или классическій вортунъ?
 Кто свалъ его: Европы ль Вѣстникъ,
 Или Онѣгинъ нашъ шалунъ?
 Что, все ли онъ ума палапа,
 Или старалъ стала глупалъ?
 Я съ чоршомъ жилъ за панибраша
 Въ бѣдахъ и счастлии пополамъ.
 Меня онъ жаловалъ, мой милой,
 Грѣшно мнѣ укорить его,
 Я крѣпокъ былъ подъ вражьей силой
 И не спрашиса ничего.
 Но нынѣ ужь другое время:
 Съ лѣшами чоршъ ко мнѣ не пошъ
 И по несчастью, злое сѣмя
 Какъ прежде, цвѣта не дзешъ.
 Не говоря худаго слова
 Чоршъ, хошъ и добрая душа,
 Но какъ любви, ему обнова
 Для перемѣны хороша.
 Онъ съ молодежью куралеситъ,
 А насъ морочитъ не лущемъ,

И нынѣ бѣсъ меня лишь бѣснятъ
И дразнятъ ангельскимъ лицомъ.

К. Вяземскій.

О Т В Ъ Т Ъ .

Нѣтъ! чорта не видала я;
Его напрасно призываю;
Съ нимъ не свела судьба моя
И я въ глаза его не знаю,
Но пошъ ли бѣсъ лишь, кпо людей
Въ ночи пугаетъ привидѣнемъ?
Нѣтъ, не ужасенъ Асмодей,
Не онъ нашъ умъ мущинъ волненемъ.
Не спрашенъ адскій сонмъ бѣсовъ:
Ошъ ихъ крестомъ мы опчершимся;
Бѣсовъ земныхъ же, ихъ умовъ
Невольно въ тайнѣ мы спашимся.

Ихъ много естъ: иной въ откахъ,
Онъ безъ когтей, онъ не пугаетъ,
Онъ колокъ въ прозѣ, онъ въ спихахъ
Весь пламень страсти выражаетъ.
Другой задумчиво глядишь,
И усь кудрявый разправляя:
«Въ любви лишь счастье!» говоришь,
И замолчишь опять вздыхая.
Тупъ бѣсъ въ отспивкѣ; аксельбаншъ
Онъ фракомъ моднымъ замѣняетъ,
Онъ раздушенъ, на шеѣ баншъ
И въ баншѣ бабочка сіяетъ.
Но сколько мѣкихъ бѣсеняшъ
Въ кадансѣ мазурки повторають:
«Какъ вы прелестны! вашъ нарядъ
«Всѣ съ удивленьемъ замѣчаютъ!»
Еще естъ родъ иныхъ чертей:
Они въ расчетахъ безъ ошибки;
Кто избѣжитъ ихъ всѣхъ свѣей?
Коварно-нѣжной ихъ улыбки?
Чоршъ, даромъ, чпо за нимъ весь адъ,
Онъ соблазнитель молчаливый;
Но бѣсы свѣтскіе болтливы,
Они какъ разъ заговоряшъ.

К.... а Т... шева.

Л У Н А.

Вспалъ вѣсперь съ запада; съдыми облаками
Покрывъ небесь попухшій океанъ;
Сквозь шонкій видишь ли пуманъ,
Какъ, увлекаемый волнами,
Челнокъ лепашеть золотой?
Вошь онъ изчезъ . . . блеснулъ . . . вошь скрылся за
волной,
Вошь снова онъ и выплылъ и сінешь,
И ангель свѣшлыхъ звѣздъ кормиломъ управляешь.

Э П И Г Р А М М А.

Вошь враль! подобнаго ему не знаю чуда:
Врешъ слогомъ, врешъ перомъ; не объясните ль вы,
Ошкуда онъ беретъ всю эту дрань? — Ошкуда?
Да все изъ головы.

К. Вяземскій.

Б А Л Ъ.

Открылся балъ. Кружась, лешѣи
 Чешы младыя за чешой;
 Одежды роскошью блестяи,
 А лица — свѣжей красотой.
 Успавый, изъ толпы я скрылся,
 И жаркую склоня главу,
 Къ окну въ раздумьи прислонился,
 И заглядѣлся на Неву.
 Она покоилась, дремала
 Въ своихъ гранишныхъ берегахъ,
 И въ шихихъ, серебряныхъ водахъ
 Луна купалась, трепетала.
 Спяла я долго; залъ гремѣлъ...
 Вдругъ, безъ размѣра полетѣлъ
 За звукомъ звукъ. Я оглянулся,
 Вперилъ глаза: весь содрогнулся;
 Морозъ по шѣлу пробѣжалъ.
 Свѣтъ меркнулъ:... весь огромный залъ
 Былъ полонъ оспавовъ... чешами
 Сплешая, шолпяся, другъ друга мча,
 Обивавшись желшыми коспиями,
 Кружася, по полу спуча,

Они залъ быстро облепали.
 Лицъ прелесшь, спановъ красота,
 Съ косней ихъ всъ покровы спали;
 Одно оспалось: — ихъ усна,
 Какъ прежде, все еще смѣялись;
 Но одинаковъ былъ у всѣхъ
 Широкихъ устъ безгласный смѣхъ.
 Глаза мои въ шолвъ перялись:
 Я никого не видѣлъ въ ней;
 Всъ были сходны; всъ смѣшались,
 Плясало сборище косней.

Л Ъ С А.

Хописель вы въ душѣ провѣдашь думы,
 Кошорымъ нѣтъ ни образовъ, ни словъ;
 Тамъ, гдѣ кругомъ гуснѣеть мракъ угрюмый,
 Прислушайтесь къ молчанію лѣсовъ,
 Тамъ въ тишинѣ перебѣгають шумы
 Невнятный гулъ беззвучныхъ голосовъ.

Въ сихъ голосахъ мелодіи пустыни:
 Я слушалъ ихъ, заслушивался ихъ,
 Я ирепешалъ, какъ предъ лицемъ святыни,
 Я полонъ былъ созвучій, но нѣмыхъ,
 И изъ груди, какъ узникъ изъ швердыни
 Вошше кипѣлъ, вошше мой рвался стихъ.

К. Вяземскій.

О Б В А Л Ъ.

Дробясь о мрачныя скалы,
 Шумяпъ и пѣняпъ валы,
 И надо мной кричашъ орлы,
 И ропщешъ боръ,
 И блещушъ средъ волнистой мглы
 Вершины горъ.

Отшоль сорвался разъ обвалъ
 И съ тяжкимъ грохотомъ ушалъ,
 И всю пѣснину между скалъ
 Загородилъ
 И Терека могущій валъ
 Оспановилъ.

Вдругъ изщощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ны прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ воля упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...

Ты захопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Нешалой грудой лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ
И пылью водъ .
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шель,
И конь скакалъ и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Спешной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

А. Пушкинъ.

Э Л Е Г И Я.

Недолго теплый вѣсперъ лѣта
 Играешь яхонтомъ Невы,
 И ночи, нѣгой полусвѣта,
 Даряшь поклонниковъ любя;
 Недолго здѣсь въ садахъ шѣнскихъ,
 Поетъ веселый соловей,
 И Флора сѣверныхъ полей
 Ласкаетъ жизнь цвѣтовъ душистыхъ.
 Здѣсь, надъ обиженной землей,
 Недолго солнца шаръ златой
 Лучами жаркими сіяетъ;
 Какъ прихоть дѣвы молодой,
 Такъ быстро лѣто исчезаетъ.
 Внезапно осень налетитъ:
 Сорветъ съ земли нарядъ роскошный
 И хладной бурей возвѣспитъ
 Приходъ гарицы полунощной.

Зима на сѣверѣ дика :

Морозъ хрустнеть и въ искрахъ блещеть,

И сладкошумная рѣка

Подъ крышей льдисною не плещеть.

Какъ шрупъ подѣ бѣлой пленой,

Обезображенное поле

Лежишь подѣ ризою снѣговой;

Ужь не поешъ о сладкой волю

Пѣвецъ пернатый: онъ исчезъ,

Онъ улещьль къ веснѣ далекой;

И мраченъ опустѣлый лѣсъ

Объятый шишиной глубокой,

Сводъ неба дремлетъ въ сѣрой мглѣ,

Все тихо, мертво на землѣ,

Лишь по ночамъ играешъ въюга,

Какъ свистъ призывный грабежа,

Какъ гнѣвный ропотъ мяпежа,

Какъ спонъ послѣдняго недуга.

Дика, угрюма и спрашна

Здѣсь долгая зима, и мнишья,

Смотри на снѣгъ, что ужъ весна

Къ намъ никогда не возвратишя.

И щакъ къ снѣгамъ привыкнемъ мы,

Что память намъ ужъ не рисуешъ

Красотъ весны, и видъ зимы

Увынѣемъ сладкимъ насъ волнуешъ.

Такъ, послѣ крапкихъ счастья дней,

Когда постигнушь насъ спраданья
 И грозной шажеснью своей
 Задавать смѣлымъ желанья,
 Мы шакъ ужъ къ долѣ роковой
 Привыкнемъ хладною душой,
 Что и не ждемъ, чшобъ наслажденья
 Намъ возвратила жизни даль,
 И намъ тогда сладка печаль,
 Какъ прежде радости волненье.

Ш... б... въ.

И Д Е А Л Ъ.

Въ шѣ дни, когда душа младая,
 Въ мечтахъ какъ въ раѣ упоая
 Свой рай спремится воплотить
 И жаждешъ вѣрить и любить;
 Когда блуждая безъ участья
 Среди мѣрскаго шоржества,

* *

Мы ждемъ опъ неба шайны счастья,
 Ждемъ ошкровенья Божешва; —
 Порою, въ сѣшное мгновенье
 Какъ шѣнь проходишь мимо насъ
 Неизъяснимое видѣнье
 Краса живая лишь на часъ,
 Мелькнешъ и скроешь изъ глазъ...
 Невинный образъ, прелестъ, вѣжностъ,
 Движеній спройную небрежностъ,
 И гордостъ чувствъ и свяшностъ думъ
 Всѣ блага придаетъ нашъ умъ
 Сему шворенью безъ названья,
 Безъ признаковъ для упованья,
 Чьей родины намъ не узнашь,
 Съ кѣмъ намъ не жишь, не ликовашъ!..

Вопще попомъ къ опрадамъ свѣща
 Мы будемъ дни свои спремишь,
 Любви воздушнаго предмета
 Намъ не рассѣлшь, не забышь!
 Дыша надеждой благъ чудесныхъ,
 Вопще мы будемъ каждый мигъ
 Искать шѣхъ очерковъ прелесныхъ:
 Въ красъ условной женъ земныхъ
 Имъ не дано обвороженье,
 Имъ шайна неба не дана,

И какъ о миломъ привидѣньи
Не напоминаешь ни одна!

В. Туманскій.

Т Р О Й С Т В О.

Я, въ лучшія минушы окрыляясь,
Мечтой лечу въ шопъ звучный, стройный міръ,
Гдѣ въ проиственный и полный ликъ снѣваюсь,
Поюшь Омиръ и Данте и Шекспиръ, —
И радости иной они не знаютъ,
Какъ межъ собой мѣняшь знакомый стихъ, —
И между пѣмъ, какъ здѣсь шумяшь за нихъ,
Какъ шамъ они другъ друга понимаютъ!

Шевыревъ.

Л Ю Б И Л А Я.

Любила я твои глаза ,
Когда ихъ радость оживала ,
Любила ихъ , когда слеза
Невольной грусти въ нихъ сіяла.
Любила я ! любила я !

Любила я всегда встрѣчать
Твои задумчивые взоры ,
Любило сердце понимаешь
Очей нѣмые разговоры .
Любила я ! любила я !

Любила милый звукъ рѣчей :
Онъ меня обворожали ;
Любила въ тишинѣ ночей ,
Чтобъ сны мои ихъ повпоряжи .
Любила я ! любила я !

Любима умъ пріятный твой
И пылкія души мечшанья,
О незабвенный! все съ тобой,
Все было мнѣ очарованье!
Любила я! любила я!

З...я Р....а.

С Л Е З Ы. —

Слѣпецъ! ужасна ночь швоя:
Твой міръ шакъ шѣсенъ и печаленъ!
Воспоминанье, какъ змія,
Гнѣздишся средь живыхъ развалинъ;
Оно о солнцѣ говоришь:
Но страшной тѣмы не озаришь!
Судьба исполнила угрозы,
Ты все утрашилъ, что любилъ,
Весь міръ прекрасный скоронилъ...
Тебѣ однѣ оспались слезы!
Молись, чтобъ врагъ швоя не унесъ
И даже сихъ послѣднихъ слезъ!

Храни ихъ въ сердцѣ, какъ святыню;
Безъ нихъ — чудовищъ адскій строй
Придетъ бесѣдовать съ тобой
И населишь всю пустыню!

Трилуный.

Р У С А Л К И.

(*Фантазія.*)

Trzeba, chcąc czucie rozszerzyć,
Tworzyć bostwa i w nie wierzyć.

Kazimierz Brodzinski.

1.

Сонъ минувшій, сонъ мой милый,
Золотой, алмазнокрылый,
Юный возрастъ бышій,
Пылкой молодости годы,
Идеалъ любви, свободы,
Я привѣтствую тебя!

Рано гибнешъ міръ мечтаний!...
Чудной силѣ волхвованій,
Этой силѣ неземной
Я ужъ вѣришь не намѣренъ,
Я не прошу, не суевѣренъ,
И Зорины нѣтъ со мной.

Нѣтъ, не шопъ я былъ съ Зоринной.
О! тогда моей судьбиной
Было чудомъ видѣть все;
Суевѣрный прошивъ воли
Я любилъ — шо мудроно ли,
Что и вѣровалъ въ нее!

Кто бъ бѣжалъ ея обаяній?...
Ахъ! исполненъ былъ заклятіемъ
Чародѣйки разговоръ.
Весела, рѣзва, живая,
Какъ Русалка молодая;
Что за щеки, что за взоръ!

Этъ жаркія ланины
Пухомъ персика покрышы,
Эти дивные глаза
Какъ двѣ звѣздочки прекрасны,
Такъ черны какъ ночь, и ясны
Какъ жемчужная роса.

« — Бойся! » — мнѣ она швердила:

« Мнѣ шамисшевская сила »

И могущество даны.

Мать Зорину научала,

Въ молоко меня купала

При рожденіи луны.

Семь звѣздъ въ небѣ загорись,

Трижды мѣсяць опразишься

На волнуемомъ Днѣпрѣ,

Споишь мнѣ махнушь рукою,

И я сдѣлаю съ шобою

Что угодно будешь мнѣ.

Ты едва моргнешь ресницей, —

Будешь рыбой, будешь пшницей,

Будешь всѣмъ, чѣмъ захочу. » —

И въ душѣ моей пугливой

Мнѣ казалось: вошь я рыбой,

Вошь ужь пшницей я лечу.

Бояливый и унылой

Я, лобзая руки милой

И припавъ къ ея плечу,

Молвилъ: «Сжался надо мною!»

—«Нѣтъ! я сдѣлаю съ шобою

Все, что только захочу!»—

Ну, швори жь свою шы волю.
Я люблю пернатныхъ долю;
Пусть же въ птицу превращусь.
И тогда, какъ соколъ сильный,
Какъ орелъ ширококрыльный,
Въ поднебесную взвѣюсь.

Все лѣшьшь, ... но что жь со мною,
Если встрѣчу предъ собою
Скаль высокое чело,
Непролешный лѣсъ дремуцій,
Или низко будущъ шучи,
Иль не выслужить крыло?

Все лѣшьшь, ... но кто жь мнѣ скажешъ,
Что еще она прикажешъ?
Можешъ быть велишь принесшь
Пурпуровый лучъ денницы...
Всѣ зашъи прихошницы
Кшо же можешъ перечешъ?

И невольню я смушился;
Хладный пошъ съ меня кашился...
Но — ешь въ жизни нашей мигъ,
Въ эшо чудное мгновенье,
Мощной воли вдохновенье
Побъждаешъ насъ самихъ.

Я ль, какъ воюша безславной,
 Передъ дѣвой своенравной
 Сшану голову склоняшь!..
 И питомцу ли природы,
 Сыну гордому свободы,
 Цѣпи рабства лобызашь!..

Не со мной ли конь мой бодрый
 Средь развалинъ Каффы гордой
 Въ часъ полуночный лешалъ;
 И не я ли, въ ночь, безъ страха,
 Кашай - узы и Будзяха
 Спешь и дебри посѣцалъ?

Сыну ль смѣлому Украйны
 Бури вой и спонь печальный
 Могушь въ сердце робость мнѣшь?..
 Нѣшь! ... не я ль чрезъ Днѣпръ широкой,
 Чрезъ пороги, — одинокой
 Въ челнокъ дерзнулъ проплыть?

Мнѣ ли, славному въ опчизнѣ,
 Тайной сердца укоризнѣ
 Въ малодушіи внимать?
 Предъ опасностью грозящей,
 Какъ осины листъ дрожащій
 Я ли сшану шрепешашь!

Здѣсь же, вспаши, не далеко
Гай (*) Русалки черноокой,
Эпошь гай заповѣдной.
Наши дѣды не слышали,
Чтобы выходцы бываги
Изъ спраны чудесной шой.

Знаю, знаю: мнѣ понятно,
Отъ чего на пупь обращной
Не выходящъ смѣльчаки:
Тамъ любовь имъ измѣняешъ, —
Малодушный погибаетъ
Отъ печали и шоски.

Нѣшъ!... я голосъ сердца внемлю;
Я шагну на эту землю
Твердой, смѣлою спопой,
Какъ отважный сынъ Украйны,
И покровы съ дивной шайны
• Я сорву моей рукой.

Т. Волковъ.

(*) Гоща.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Покинувъ родину, страну суровыхъ вьюгъ,
Съ восторгомъ я лещлъ на дальній, теплый югъ.
Но тамъ, гдѣ все мой взоръ плѣняя изумило,
Тамъ сердце радостей своихъ не находило;
И часто я въ стѣни шопелей и оливъ
Раздумью преданъ былъ уныло - молчаливъ:
Всю роскошь, и весь блескъ, и наслажденья юга
Я промѣнялъ бы тамъ на звукъ единый друга.

П. П.

РОДИТЕЛЬСКІЙ ДОМЪ.

Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь опжившихъ неизмѣнна.

Жуковскій.

Поэзія воспоминаній,
Дороже мнѣ швои дары
И суцяхъ благъ и упованій
Угодниковъ одной поры.

Лишь вѣрно то, что измѣнило,
Чего ужъ вѣсть и вновь не знашь,
На что ужъ время наложило
Ненарушимую печать.

То, что у насъ еще во власти
Что намъ дано въ насущный хлѣбъ,
Что страшилъ жизнь, сѣпья страсти
И умъ, который гордь и сѣпъ :

То наше, какъ волна въ пучинѣ
 Скользящая изъ жадныхъ рукъ,
 Какъ непокорный въспрѣ въ пустынѣ,
 Какъ эха безшлѣсный звукъ.

Въ воспоминавiяхъ мы дома ;
 А въ настоящемъ мы рабы
 Незапной бури, перелома
 Желанiй, случаевъ, судьбы.

Одна въ убѣжищѣ безбурномъ
 Намъ память мiръ свой бережешь,
 Пока дѣшей своихъ съ Сатурномъ,
 Сама въ безумьи не пожрешь.

Кто можетъ хладно, равнодушно
 На домъ родительскiй взглянуть ?
 Въ комъ на привѣсть его послушно
 Живѣй не задрепещеть грудь !

Влеченьемъ сердца, или случайно
 Увижу стѣны, шемный садъ,
 Гдѣ ненарушимо и тайно
 Зарышь минувшей жизни владѣ ?

Я, какъ скупецъ, сурово хладный
 Къ тому, чѣмъ пользуется онъ,
 И шолько къ шѣмъ богашствамъ жадный,
 На коняхъ шлѣнья мерный сонъ :

Я опѣ минушы отрекаюсь
 И охладѣвъ къ тому, что есть,
 Къ тому, что было, прилѣпляюсь,
 Чтобъ сердца дань ему принести.

Ковчегъ минувшаго, гдѣ ясно
 Дни дѣшства мирнаго прошли
 И волны жизни безопасно
 Надъ головой моею текли :

Гдѣ я разцвѣлъ подъ ошчей сѣнью
 На охранительной груди,
 Гдѣ шайно созрѣвалъ къ волненью,
 Что мнѣ грозило впереди.

Гдѣ искры мысли, искры чувства
 Впервые вспыхнули во мнѣ
 И дѣвы звучнаго искусства
 Мнѣ улыбнулись въ шайномъ снѣ :

Гдѣ я узналъ по предисловью,
 Жизнь сердца, родъ его эпохъ,
 Тоску зажженную любовью
 Улыбку счастья, скорби вздохъ,

Все, чѣмъ страстей живыхъ краски
 Одѣли послѣ неспрошеной
 Главы загадочной той сказки,
 Которой авторъ: жребій мой.

Домъ, юности моея преддверье,
 Чѣмъ медленнѣй надеждъ порывъ,
 Тѣмъ дѣйствія сердца суевѣрье
 И давней памяти приливъ

Меня къ себѣ уносишь чаще;
 Чѣмъ жизнь скупѣе на цвѣты,
 Тѣмъ умилишельнѣй и слаще
 Души обращенныя мечты.

Пусть въ сей упраздненной святыни
 Нѣтъ сердцу образовъ живыхъ
 И въ опшемъ домѣ, былъ бы нынѣ
 Пришелецъ я въ семьѣ чужихъ:

Но неопытаемый, душевной
Мой цѣлый міръ шутъ погребенъ,
Волненьемъ жизни ежедневной
Не промупъ онъ, не дозмуцентъ.

Призванью памяти покорный,
Онъ возникаетъ предо мной
Съ своей красою благошворной,
Съ своей лазурною весной.

Съ дарами на запасъ богатый,
Которыхъ жизнь не сберегла
И съ шѣмъ и шѣми, коихъ шрапы
Душа моя пережила.

Какъ часто въ распрѣ своевольной
Съ судьбою, жизнью и собой,
Чтобъ обуздашь раздѣлъ крамольной
И ропотъ немощи слѣпой;

Покинувъ свѣша хаосъ бурный,
Вхожу въ сей тихій саркофагъ,
И мыслью вопрошаю урны
Гдѣ пепель лѣтъ, друзей и благъ.

★★

Цѣлебной скорбью, грустью нѣжной
Тогда очищаясь, гаснешь вдругъ
Души по робкой, по мясешной
Обуревающей недугъ.

Пробьются умиленья слезы,
Смирят смутный пылъ въ груди:
Такъ въ возпаленномъ небѣ грозы
Разводяшь свѣжіе дожди.

Сближая въ мысляхъ съ колыбелью
Гробницы ближнихъ и друзей
Жизнь прояснешь предъ цѣлю,
Которой не избѣгнешь ей.

Вчера, сегодня, завтра: звѣнья
Предвѣчной цѣпи бышя,
Которой въ тѣмъ недоумѣнья
Таятся чудные края.

Рожденье, смерть изъ урны рока
Съ неодолимой быстриной,
Какъ волны одного потока
Насъ уносящя съ собой,

Скорбь , радость , буря , вѣтръ попушкой
И все , что испытали мы ,
И все , чѣмъ въ насъ надеждой смущеной
Еще волнуется умы ;

Все то , что разнороднымъ свойствомъ
Враждуя , развлекало насъ ,
Все равновѣсія спокойствомъ
Почиенъ въ этакъ свѣпный часъ .

На той спезѣ , гдѣ означаемъ
Свои невѣрные слѣды
Гдѣ улыбаемся , вздыхаемъ ,
Подъемлемъ бышвы и пруды , —

До насъ прошли , до насъ сражались
Въ шуму паденій и побѣдъ ,
До насъ невольню увлекались
Порывомъ думъ , спрасшей и бѣдъ .

Однѣ надежды и сомнѣнья ,
Однѣ задачи бышнія ,
Которыхъ тайныя рѣшенья ,
Какъ недоступные края .

Общованные мечпанью,
 Но запрещенные уму,
 Насъ маянятъ, и во мзду искапью
 Ввергають снова въ хладъ и шьму,

Однѣ веселья и печали
 Насъ, и которыхъ слѣдъ оспылатъ,
 Равно помнили и ласками
 Средь колыбелей и могилъ.

Почпимъ же мы любовью вѣдной
 До насъ свершившихъ оный пушь
 И мысль о нихъ во мглѣ мяшежной
 Звѣздой оспрадной нашей будь!

Когда жъ придется намъ прохожимъ
 Доспѣхи жизни сбросить съ плечъ
 И посохъ спранника ошложимъ
 И рапоборца шажкѣй мечъ :

Пусть наша память, свѣтлой шѣнью
 Мерцая на небѣ живыхъ,
 Не будешь чуждой поколѣнью
 Грядущихъ пушниковъ земныхъ.

К. Вяземскій.

КЪ ЖУРНАЛЬНЫМЪ БЛАГОПРИЯ- ТЕЛЯМЪ.

Къ чему, скажите, ради Бога,
 Журнальный Марсъ возсталъ съ одра
 И барабанная превога
 Гусиныхъ выпязей пера?
 Къ чему вы шяжко развозились,
 За что шакъ на меня озманись,
 Мои нежданые враги,
 Кошорыхъ я люблю, какъ душу?
 Къ чему съ плеча и опъ ноги
 Вы черезъ влагу, черезъ сушу, —
 Чрезъ влагу прѣсныхъ эпиграммъ,
 Чрезъ сушу прозы вашей пыльной,
 Несешесь по моимъ пятамъ
 Ордой задорной и безсильной?
 Спроситесь средствъ своихъ и силъ,
 Себя извѣдавъ, осмотритесь:
 Одумайтесь, прохолодитесь
 Хотя на льду своихъ чернилъ.

Въ васъ двѣ причины : хладъ и пламень ,
 Пыль гнѣва и паланша ледъ :
 Сей въ гору съ горяча несешь ,
 Тотъ съ дуру шацишь внизъ , какъ камень .
 Останьшесь въ равновѣсномъ снѣ ;
 И чувствуя свою природу ,
 Не обжигайтесь на огнѣ ,
 Когда васъ такъ и шпанешъ въ воду .
 И какъ ипши вамъ на меча ?
 Неблагодарные ! не я ли
 Изъ хаоса вебышя
 Васъ вывелъ въ жизнь ! вы прозябали ,
 Вы были мершвы . Въ добрый часъ
 Не я ли въ люди вызвалъ васъ
 Изъ Глазуновскаго кладбища ,
 Живыхъ покойниковъ жилища ,
 Гдѣ васъ смерщельный сонъ насшигъ ;
 И гдѣ заглавья многихъ книгъ
 Гласятъ въ замѣну эпиграфій ,
 Что шунтъ наборщика рукой
 На лобномъ мѣстѣ шинографій
 Казненъ иль шоптъ или другой .
 Скажише , сколькохъ мимоходомъ
 « Изъ васъ я повилъ предъ народомъ (*) »

(*) См. Пѣснь о Полку Игоревѣ .

« Подъ мой насмѣшливый свисшокъ ,
 « Вздедѣмъ васъ подѣ шапкой пестрой
 « И сколькихъ выкормилъ я въ прокъ
 « На копытахъ эпиграммы оспрой ? »
 Тогда васъ только свѣлѣ и зналъ
 Въ шѣни шавшихся малютокъ ,
 Когда подѣ качку рѣзвыхъ шупокъ
 Мой стихъ васъ на смѣхъ подымалъ .
 Пигмея выровнилъ мой хлыспикъ ,
 А памъ подѣ нимъ , другимъ въ примѣръ ,
 Свернувшійся въ журнальный листикъ
 Развился мѣлкій эфемеръ ;
 Задавленный подѣ глыбой снѣжной ,
 Своихъ комедій ледяныхъ
 Иной ждалъ смерти неизбежной
 И коспенѣлъ ужъ , какъ свой стихъ .
 Его опрылъ я Музой чупкой
 И на ноги подыашъ успѣлъ ,
 И раздражительною шупкой
 Его опшеръ и опогрѣлъ .
 Кто на стихъ моему повиснувъ ,
 Вскарабкавшись , съ поэмой всплылъ ;
 Кого живой водою sprysнувъ ,
 Я опъ угара прошрезвилъ .
 Калекъ , замерзшихъ и ушопшихъ
 Полуживыхъ , полуушопшихъ ,
 Слѣпыхъ , хромыхъ , безъ рукъ , безъ ногъ ,

Разслабленных и слабоумныхъ,
 Сухопочныхъ, опухлыхъ, чумныхъ
 Я прирѣчь всѣхъ, я всѣхъ сберегъ.
 Безъ просьбы, безъ лицепріяшья
 Имѣешь вся меньшая бранья
 Заслупника въ лицѣ моемъ:
 Въ моей сатиры хлѣбосольной,
 Забошой Музы сердобольной
 Ошкрытъ страннопримный домъ.
 Есть богадѣльня при больницѣ;
 Дверь настежь: милосши прошу
 И пошчасъ каждаго въ пазбицѣ
 Съ ошмѣпкой имя запишу.
 И что жь? Въ угарѣ своеволя,
 Забывъ и долгъ и честь и связь,
 Прошпвъ опеки сердоболья
 Больница буйно поднялась.

К. Вяземскій.

Къ А. О. Р***

Красною смуглаго румянца,
 Смотрите, какъ она южна;
 Она желшѣ померанца;
 Живѣ ласпочки она.

К. Вяземскій.

РУМИЛІЙСКАЯ ПѢСНЯ.

Zenptvuménou mi pvlí, kai aléuro mi yeráxi, n pr.

1.

Межъ шѣмъ, какъ ты, мой соловей,
Поешь любовь въ странѣ далекой,
Ошрава страсти одинокой
Горишь огнемъ въ душѣ моей!

2.

Я вану; пѣны волны морскихъ
Спалъ цѣпль ланишь моихъ блѣднѣ;
Ты помнишь: яркій пурпуръ ихъ
Былъ русскихъ выспрѣловъ алѣ!

3.

Прійди жь, о милый, усладишь
Тоску любви, души шомлень;
Прійди хошь искрой наслажденья
Больное сердце оживишь!

4.

Блестящій взоръ своихъ очей ;
 Острѣй и ярче спали бранной ;
 Свѣжѣй росы, огня живѣй
 Твой поцѣлуй благоуханной !

5.

О милый ! пусть разпахаетъ вновь
 Моя душа въ швоемъ лобзаньи ;
 Прийди, допей мою любовь,
 Допей ее въ моемъ дыханьи !

6.

Прилипу я къ своимъ уснамъ,
 И все тебѣ земное счастье,
 И всей природы сладострастье
 Въ последнемъ вздохѣ передамъ !

7.

Прийди жь, о милый, усладить
 Мою поску, мое помленье ;
 Иль дай мнѣ ядь любви допишь —
 И не страшися преспуленья !

В. Тепляковъ.

Анхіало, 19 Іюня 1829.

К О Н Е Ц Ъ.

РУМИЙСКАЯ ПЬСНЯ

Музыка Т. Николова

The first system of the score is a piano introduction. It consists of two staves: a treble clef staff and a bass clef staff. The music is in a 3/4 time signature and a key signature of two flats (B-flat and E-flat). The melody in the treble staff begins with a quarter note G4, followed by eighth notes A4-B4, and then a quarter note C5. The bass staff provides a harmonic accompaniment with chords and moving lines.

The second system features a vocal line and piano accompaniment. The vocal line is on a single staff with a treble clef, starting with a whole note G4. The piano accompaniment is on two staves (treble and bass clefs). The lyrics "Мама тата баба" are written below the vocal staff.

The third system continues the vocal line and piano accompaniment. The vocal line has a whole note G4 followed by a half note A4. The piano accompaniment continues with chords and moving lines. The lyrics "маи мой со..." are written below the vocal staff.

Му-зы-ка не-смы-сли-

собо-ю вь-ступ-ить вы-

со-бой о-тпа-вь-ступ-ить

Му-... но-... хви го-

ривъ о-... гнать. въ су-

иго-... му-... еи го-

First system of a musical score. It features a vocal line on a single staff and a piano accompaniment on two staves. The vocal line contains the lyrics "жить о... гнать вь ду...". The piano accompaniment consists of a treble and bass clef with various notes and rests.

жить о... гнать вь ду...

Second system of a musical score. It features a vocal line on a single staff and a piano accompaniment on two staves. The vocal line contains the lyrics "иже но... еи.". The piano accompaniment consists of a treble and bass clef with various notes and rests.

иже но... еи. .

Third system of a musical score. It features a vocal line on a single staff and a piano accompaniment on two staves. The vocal line is mostly empty with some rests. The piano accompaniment consists of a treble and bass clef with various notes and rests.

Продается въ книжныхъ
магазинахъ: *Слённа*, *Смир-*
дина и прочихъ по 12 руб.,
въ другихъ городахъ 13 руб.

